

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Российско-германский учебно-научный центр

**INTERNIERUNG UND DEPORTATIONEN
DER ZIVILANGEHÖRIGEN RUSSLANDS UND DEUTSCHLANDS
IM ERSTEN WELTKRIEG: POLITISCHE, SOZIALE
UND HUMANITÄRE ASPEKTE**

Moskau 2020

**ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Материалы

Международного круглого стола

«Интернирование и депортации гражданского населения России
и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)»

(17-18 октября 2019 г.)

и Международного круглого стола

«Гуманитарная помощь и гуманитарные организации
в России и Германии

в годы Первой мировой войны»

(26 ноября 2020 г.)

Москва 2020

ББК 63(32)532
УДК 94(470+430)«1914/18»
И73

Ответственные составители
д-р ист. наук, проф. Н.В. Ростиславлева
проф., д-р А. Бауэркемпер

Ответственный секретарь
Е.В. Киктева

Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политический, социальный и гуманитарный аспекты: Материалы международных круглых столов 17-18 октября 2019 г. и 26 ноября 2020 г. М.: РГГУ, 2020. 199 с.
Тексты докладов публикуются в авторской редакции.
ISBN 978-5-7281-2960-8

УДК 94(470+430)«1914/18»
ББК 63(32)532

Издание сборника подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914 – 1917 гг.» (№ 19-59-12006)

ISBN 978-5-7281-2960-8

© Российский государственный гуманитарный университет, 2020

Содержание / Inhalt

Предисловие / Vorwort.....8

Раздел 1. Материалы международного круглого стола «Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)».....11

Abteilung 1. Materiellen vom internationalen Workshop «Internierung und Deportationen der zivilen Angehörigen Russlands und Deutschlands im Ersten Weltkrieg (1914-1917)».....11

Arnd Bauerkämper (Freie Universität Berlin) Emotionen und Sicherheit. Feindbilder und Internierung von Deutschen und Russen im Ersten Weltkrieg / А. Бауэркемпер (Freie Universität Berlin) Эмоции и безопасность. Образ врага и интернирование немцев и русских во время Первой мировой войны.....13

Hannes Bock (Freie Universität Berlin) Verflechtung und Vernetzungsarbeit im Ersten Weltkrieg. Der «Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge» als zivilgesellschaftlicher Akteur in der Kriegsfürsorge / Х. Бок (Freie Universität Berlin) Координация и кооперация в годы Первой мировой войны. «Комитет духовного вспомоществования военнопленным» как актер гражданского общества.....26

А.Б. Асташов (РГГУ, Москва) Поляки и русская армия в 1915 г.: неудавшаяся депортация как средство сплочения нации / Alexander Astaschov (RGGU, Moskau) Die Polen und die russische Armee 1915: die gescheiterte Deportation als Faktor nationaler Integration.....44

А.Ю. Бахтурина (РГГУ, Москва) Граждане Германии в Прибалтике: государство и частные инициативы (1914-1917 гг.) / *Alexandra Bakhturina (RGGU, Moskau)* Deutsche Staatsbürger im Baltikum: Staat und private Initiativen (1914-1917).....64

Georg Wurzer (freiberuflicher Historiker und Übersetzer, Wilhelmsdorf in Württemberg) Erlebnisberichte ehemaliger deutscher Zivilgefangener des Ersten Weltkriegs in Russland als Quelle / *Г. Вурцер (свободный исследователь, Вильгельмсдорф)* Мемуары бывших германских гражданских пленных в России периода Первой мировой войны как источники.....77

Раздел 2. Материалы международного круглого стола «Гуманитарная помощь и гуманитарные организации в России и Германии в годы Первой мировой войны».....91

Abteilung 2. Materiellen vom internationalen Workshop «Humanitäre Hilfe und Organisationen in Russland und Deutschland im Ersten Weltkrieg».....91

Arnd Bauerkämper (Freie Universität Berlin) Internationale humanitäre Hilfe und nationale Kriegskultur. Das Engagement der Quäker in Russland, 1914-1917 / *А. Бауэркемпер (Freie Universität Berlin)* Международная гуманитарная помощь и национальная «культура войны». Деятельность квакеров в России в 1914-1917 гг.....93

Н.В. Ростиславлева (РГГУ, Москва) Диверсификация гуманитарной помощи российским подданным в Германии в годы Первой мировой войны / *Natalia Rostislavleva (RGGU, Moskau)* Diversifikation der

humanitären Hilfe für die russischen Untertanen in Deutschland im Ersten Weltkrieg.....110

Georg Wurzer (freiberuflicher Historiker und Übersetzer, Wilhelmsdorf in Württemberg) Böse Amerikaner – Gute Schweden? Die Tätigkeit der Schutzmächte für die Gefangenen in Russland im Ersten Weltkrieg.....124

Г. Вурцер (свободный исследователь, Вильгельмсдорф) Плохие американцы - хорошие шведы? Деятельность держав-покровительниц пленных в России во время Первой мировой войны.....135

А.Б. Астахов (РГГУ, Москва) Гуманитарные организации в России в годы Первой мировой войны: проблема эффективности и согласованности деятельности / *Alexander Astaschov (RGGU, Moskau)* Humanitäre Organisationen in Russland im Ersten Weltkrieg: Probleme der Effektivität und Kooperation.....146

А.С. Медяков (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) Гуманитарная роль почтовой открытки в годы Первой мировой войны / *Alexander Medjakov (Staatliche Lomonosow-Universität Moskau)* Die humanitäre Funktion von Postkarten im Ersten Weltkrieg.....169

И.П. Павлова (Красноярский государственный аграрный университет) Эволюция гуманитарной помощи семьям призванных на войну в России в ходе Первой мировой войны / *Irina Pavlova (Staatliche Agraruniversität Krasnojarsk)* Die Entwicklung der humanitären Hilfe für die Familien der Kriegsteilnehmer in Russland im Ersten Weltkrieg.....183

Предисловие

Сборник «Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны: политический, социальный и гуманитарный аспекты» включает в себя доклады и тезисы двух международных круглых столов, состоявшихся в рамках реализации научного гранта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914-1917 гг.». Научные мероприятия были организованы Российско-германским учебно-научным центром РГГУ, Freie Universität Berlin и Германским историческим институтом в Москве. Состав участников был довольно репрезентативен: А. Бауеркэмпер (Freie Universität Berlin), Х. Бок (Freie Universität Berlin), свободный исследователь из Берлина Г. Вурцер, А. Асташов (РГГУ, Москва), А. Бахтурина (РГГУ, Москва), Н. Ростиславлева (РГГУ, Москва), Б. Хавкин (РГГУ, Москва), А. Медяков (МГУ им. Ломоносова), С. Чернявский (МГИМО МИД РФ), И. Богомолов (ИНИОН РАН), И. Павлова (Красноярский государственный аграрный университет)

В 2019 г. состоялся воркшоп «Интернирование и депортации гражданского населения России и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)».

Исследовательский интерес которого был сфокусирован на политике интернирования в России и Германии как двух взаимосвязанных и взаимозависимых процессах. Феномен гражданского плена в годы Первой мировой войны был связан с вызовами политики государственной безопасности, полагавшей возможным ограничение прав и свобод

собственных граждан. Интернирование и конфинирование *enemy aliens* («враждебных иностранцев») заставляло их примиряться с нарушением своих прав, существованием цезуры и т.д. Другой аспект темы круглого стола – это взаимоотношения государства и гражданского общества во время проведения мер по интернированию и депортации гражданского населения в период войны. Участие акторов гражданского общества в этих процессах имело различные проявления – от сочувствия и поддержки интернированных, до попыток «сведения счетов» с конкурентами и соседями-иностранцами и неприкрытой враждебности к подданным вражеских государств. Нередко действия гражданского общества шли вразрез с государственно-политическими расчетами и зависели от проявления коллективных и индивидуальных эмоций. Отчет о мероприятии был опубликован на международном научно-информационном портале H-Soz-Kult.

Важным проявлением поддержки *enemy aliens* со стороны гражданского общества является деятельность гуманитарных организаций. Тема международного круглого стола 2020 г. – «Гуманитарная помощь и гуманитарные организации в России и Германии в годы Первой мировой войны». Международный комитет Красного Креста притязал на то, чтобы действовать во имя гуманности и милосердия независимо от национальности и гражданства, тогда как национальным комитетам Красного Креста приходилось считаться с целями и интересами правительств воюющих стран. Особую активность проявляли комитеты Красного Креста нейтральных государств.

Гуманитарная помощь была диверсифицирована и зависела от того, каким категориям *enemy aliens* она оказывалась, какими целями руководствовались различные филантропические организации, как проявляли себя религиозные общины, поддерживавшие «враждебных иностранцев». Сопоставление гуманитарной помощи гражданским

пленным в России и Германии позволяет не только оценивать уровень развития гражданского общества в этих странах, но и более глубоко раскрыть проявление дихотомии «безопасность – гуманность».

Составители сборника

Раздел 1.
Материалы международного круглого стола
«Интернирование и депортации
гражданского населения России и Германии
в годы Первой мировой войны (1914-1917)»

Abteilung 1.
Materiellen vom internationalen Workshop
«Internierung und Deportationen der zivilen
Angehörigen Russlands und Deutschlands
im Ersten Weltkrieg (1914-1917)»

Emotionen und Sicherheit. Feindbilder und Internierung von Deutschen und Russen im Ersten Weltkrieg

1. Einleitung: der Kontext

Die Kriegsmobilisierung 1914 führte zu einem emotionalen Ausnahmezustand, in dem Staaten ihre Verfügungsgewalt über Menschen enorm steigerten. Dabei beanspruchten sie nicht nur souveräne Herrschaft, sondern auch exekutive Kompetenzen, um so Entwicklungen zu steuern und zu regulieren². In diesem Rahmen nahm der Anspruch, die jeweiligen nationalen Kriegsgemeinschaften zu schützen, einen herausragenden Stellenwert ein. Dazu schürten oder instrumentalisierten Regierungen und staatliche Behörden Sicherheitsängste zwar auch gezielt, erfanden diese aber nicht einfach. Die Furcht um die eigene und «nationale Sicherheit» war keinesfalls nur ein Vorwand, sondern durchaus ein genuines Anliegen großer Bevölkerungsgruppen. Über kollektive Emotionen hinaus muss „Sicherheit“ aber auch als Mittel zur Durchsetzung der Interessen einzelner Gruppen und Personen ernst genommen werden. Sie ist damit ein wichtiger Gegenstand der historischen Forschung zum Ersten Weltkrieg³.

Um Sicherheit herzustellen oder zumindest zu suggerieren, nutzten Regierungen die außerordentlichen Vollmachten, die ihnen zu Beginn der bewaffneten Auseinandersetzung gewährt worden waren. In diesem Prozess konnten sie restriktive Maßnahmen durchsetzen, die sich gegen

¹ Prof. Dr. Arnd Bauerkämper, Professor für die Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, Friedrich-Meinecke-Institut der Freien Universität Berlin.

² Maier, *Leviathan 2.0*, S. 204 f.

³ Vgl. dagegen: Panayi P. *German Business Interests in Britain During the First World War* // *Business History*. 1990. Vol. 32. Issue 2. S. 246.

Feindstaatenangehörigen, aber in vielen Ländern auch gegen eigene Minderheiten, politische Oppositionelle und gelegentlich sogar gegen politische Randgruppen richteten. Diese Gruppen büßten ihre persönlichen Freiheiten und wichtige Bürgerrechte im Verlauf des Ersten Weltkrieges weitgehend ein. Besonders einschneidend war die Internierung. Aber auch Ausbürgerungen, Deportationen, Enteignungen und Einschränkungen der Mobilität verletzten Grundrechte der Betroffenen⁴.

2. Die Rolle von Emotionen

Als intensive Emotionen lösen Angst, Furcht und Panik Sicherheitsbedürfnisse aus. Diese Gefühle können auch von Regierungen gesteigert werden, wie schon Thomas Hobbes (1588-1679) beobachtete. Dabei haben staatliche Institutionen Gefahren definiert und Bedrohungen übertrieben, die in der Sprache der Sicherheit gefasst werden. Jedoch reagieren politische und administrative Eliten nicht auf alle, sondern nur auf einzelne Gefahren. Ihre Sicherheitspolitik ist selektiv und orientiert sich zudem an Interessen, Zielen und Überzeugungen gesellschaftlicher Akteure, die wiederum über ungleiche Mittel zur Durchsetzung ihrer Anliegen verfügen. Alles in allem werden Angst und Furcht jeweils konstruiert. Dafür ist der Bezug auf «Sicherheit» zur Ausübung staatlicher Macht und zur Repression individueller Rechte besonders geeignet, da dieses schillernde Konzept eine universalistische und scheinbar neutrale Rhetorik mit Maßnahmen verbindet, die sich gegen bestimmte Personen und Gruppen richtet. Auch dies legt nahe, zwischen Bedrohungen und dem Reden über diese zu unterscheiden. Zugleich führen Diskurse über Angst und Furcht oft zu einem «Teufelskreis von Sicherheitsbedürfnis und Machtanhäufung». Damit müssen Bedrohungswahrnehmungen als mächtige

⁴ Caglioti, *Dealing with Enemy Aliens*, S. 186.

Triebkräfte der Versicherheitlichung gelten. Sie stärken den Zusammenhalt von Gemeinschaften und begründen Erwartungen uneingeschränkter Loyalität⁵.

Dieser Prozess wurde im Ersten Weltkrieg deutlich, der zu einem Umbruch der Emotions- und Sicherheitsregimes führte. Die Vorstellungen darüber, welche Bilder und Gefühle in der Öffentlichkeit gezeigt und wie Menschen sich verhalten sollten, veränderten sich. So war Angst als Emotion in Deutschland in der bürgerlich geprägten Vorkriegsgesellschaft vor 1914 unerwünscht und z. T. sogar verpönt gewesen. Stattdessen sollte Härte gezeigt werden, um die «nationale Ehre» in dem unablässig propagierten Kampf der Staaten zu verteidigen. Im Ersten Weltkrieg verbreiteten die Regierungen in Deutschland, aber auch in den anderen kriegführenden Ländern demgegenüber Angst vor dem dämonisierten inneren und äußeren Feind. Diese intensive Emotion begründete schließlich nicht nur die Forderung, den Krieg durchzuhalten und eine Niederlage unbedingt zu vermeiden, sondern auch ein rigoroses Vorgehen gegen Kriegsgefangene und Zivilisten, die den jeweils gegnerischen Staaten angehörten oder mit ihnen assoziiert wurden. Die Angst, die in der Kriegspropaganda verbreitet wurde, schlug um in Hass auf den «Feind», der umfassend und weit über die jeweiligen Gegner definiert und verstanden wurde. Vor allem stigmatisierte die Kriegspropaganda in vielen Staaten erstmals systematisch zivile Feindstaatenangehörige als (potentielle) Spione, Saboteure und Verräter⁶.

⁵ Zit. nach: Wilfried Loth, Angst und Vertrauensbildung, in: Jost Dülffer / Wilfried Loth (Hg.), Dimensionen internationaler Geschichte, München 2012, S. 29-46, hier: S. 33. Die Ausführungen folgen hier der schlüssigen Darstellung in: Corey Robin, The Language of Fear: Security and Modern Politics, in: Lazier / Plamper (Hg.), Fear, S. 118-131. Vgl. auch Corey Robin, Fear. The History of a Political Idea, New York 2004, S. 33 f., 37-39, 43-45, 71-77, 84 f.; Conze, Geschichte, S. 151, 153 f.

⁶ Anne Schmidt, Mit Angst durchhalten? Über das Für und Wider der Gräuelpopaganda, in: Der gefühlte Krieg. Emotionen im Ersten Weltkrieg, hg. vom Museum Europäischer Kulturen (Staatliche Museen zu Berlin), Berlin 2014, S. 27-42, bes. S. 29, 31, 33 f., 40; Uta Hinz, Art. „Internierung“, in: Gerhard Hirschfeld / Gerd Krumeich / Irina Renz (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg, Paderborn 2003, S. 582-584, hier: S. 582 f.; Jonathan

3. Feindbilder und Internierung in Deutschland und Russland im Ersten Weltkrieg

3.1 Deutschland

Im Deutschen Reich galten Russen im Sommer 1914 nicht nur als «unerwünscht», sondern als gefährliche Feinde, die oft eng an die gleichfalls verfeimten Juden gerückt wurden. Schon vor dem Ersten Weltkrieg hatten vor allem konservative Presseorgane wie die «Kreuz-Zeitung» das Zarenreich nicht mehr – wie noch unmittelbar nach der Niederlage im Krieg gegen Japan (1904/5) – nur als Großmacht im Niedergang, sondern zunehmend auch als Gefahr für die Sicherheit Deutschlands dargestellt. Dabei war – so von der «Kölnischen Zeitung» in einem Aufsehen erregenden Artikel am 2. März 1914 – außer der wachsenden Kriegsrhetorik im Zarenreich vor allem auf den Panslawismus und die damit verbundene Expansionspolitik auf dem Balkan verwiesen worden. Liberale Presseorgane, die zunächst auf die innenpolitischen Zwecke der Propagandakampagne in Russland und die Angst der Eliten vor einem Umsturz verwiesen hatten, teilten im Sommer 1914 die weit verbreitete Feindschaft gegen Russen, die wegen der autokratischen Herrschaft des Zaren Nikolaus II. auch im sozialdemokratischen «Vorwärts» als rückständig, «barbarisch» und «asiatisch» verdammt wurden. Angesichts der Anfangserfolge der russischen Armee, die im August 1914 mit insgesamt rund 650.000 Soldaten in Ostpreußen vorrückte, wurden Russen in Deutschland schon in den ersten Kriegswochen verfolgt und unterdrückt. Die Berichte über Gräueltaten von Soldaten – vor allem Kosaken – knüpften nahtlos an die Vorkriegspropaganda an. An der Agitation beteiligten sich außer den Printmedien, die bis 1916 nicht zentral von der Reichsleitung gesteuert wurden, auch einflussreiche Intellektuelle wie der Soziologe Max Weber und der

Glover, *Humanity. A Moral History of the Twentieth Century*, London 2001, S.190-198; Dülffer, *Kriege*, S. 6.

Historiker Friedrich Meinecke, die eindringlich vor der «Gefahr aus dem Osten» warnten⁷.

Es blieb aber nicht einer fremdenfeindlichen Rhetorik. Selbsternannte Bürgerwehren errichteten Straßensperren, an denen sie (tatsächliche oder vermeintliche) Russen kontrollierten und damit das staatliche Machtmonopol einschränkten. Die nationalistischen und rassistischen Ressentiments trafen auch unschuldige Frauen wie die österreichische Schriftstellerin Grete Gulbransson, die im August 1914 in Berlin von einer pfeifenden Menge verfolgt wurde, weil sie mit langen Schritten auf der Straße gelaufen und deshalb für einen verkleideten russischen Spion gehalten worden war. Ermutigt von den Generalkommandos, die für die Politik gegenüber Feindstaatenangehörigen zuständig waren, und den ihnen untergeordneten Behörden, jagten in Deutschland im Sommer 1914 überall Milizen «innere Feinde». Dazu zählten auch renommierte russische Wissenschaftler wie der Historiker Nikolai Karejew, der sich im Sommer 1914 in Deutschland aufhielt. Zugleich wurden einzelne Staatsangehörige des Zarenreiches aber auch von Privatpersonen unterstützt. So appellierte der Geschichtswissenschaftler Theodor Schiemann erfolgreich an die Reichsregierung, seinem Kollegen Karejew die Ausreise nach Russland zu erlauben⁸.

Russen, die in Deutschland verblieben, wurden interniert. Sie verbrachten die Generalkommandos überwiegend in die Lager im westfälischen Hameln

⁷ Troy Paddock, *Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890-1914*, Rochester 2010, S. 156, 164, 167-179, 186, 192, 198, 201-210, 226 ; ders., *Still Stuck at Sevastopol: The Depiction of Russia During the Russo-Japanese War and the Beginning of the First World War in the German Press*, in: *German History* 16 (1998), S. 358-376, hier: S. 358, 364, 369-371, 375; Watson, "Unheard-of-Brutality", S. 782, 813; Jahr / Thiel, *Colour*, S. 44. Angaben nach: Hirschfeld / Krumeich, *Deutschland*, S. 80.

⁸ Thomas Flemming / Bernd Ulrich, *Heimatfront. Zwischen Kriegsbegeisterung und Hungersnot – wie die Deutschen den Ersten Weltkrieg erlebten*, München 2014, S. 40, 42-48; William C. Fuller, *The Foe Within. Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia*, Ithaca 2006, S. 172; Altenhöner, *Kommunikation*, S. 194, 205; Deflem, *Policing World Society*, S. 112; Kershaw, *Höllentsturz*, S. 101; Gosewinkel, *Einbürgern*, S. 329. Zum Angriff auf Gerard: Ketchum, *Ruhleben*, S. 6.

und im bayerischen Traunstein. Hier prägten kulturelle Vorurteile der deutschen Gewahrsamsmacht die Lebenslage der Insassen. Sie litten in den Camps vielerorts Not und wurden hier oft schlecht behandelt. Allerdings unterstützte auch ihre eigene Regierung internierte Russen kaum, da im Zarenreich selber der Mangel zunahm. Außerdem passten die hilflosen internierten Zivilisten nicht in das heroische Narrativ, das in Russland – ebenso wie in anderen kriegführenden Staaten – den kämpfenden oder gefallenen Soldaten verherrlichte⁹.

3.2. Russland

Angesichts der inneren Spannungen, die im Zarenreich während des Ersten Weltkrieges wuchsen, wurden ab Ende 1914 auch den Russlanddeutschen Verbrechen wie Verrat, Subversion und Spionage vorgeworfen. So agitierten radikal nationalistische Organisationen wie die im Januar 1915 gebildete Bewegung «Für Russland» und die «Gesellschaft von 1914», die 1916 über 6.000 Mitglieder in 19 regionalen Verbänden verfügte, gegen die «inneren Deutschen». Auch einflussreiche Presseorgane stimmten in die fremdenfeindliche Kampagne ein. Anfang 1915 heizte vor allem die Zeitung *Golos Moskwy* («Moskauer Stimme») des Unternehmers und konservativen Politikers Alexander Gutschkow die Stimmung mit einer wochenlangen Kampagne auf. So hetzte das Blatt am 1. Mai 1915 gegen die Deutschen, die «bei und leben, mit Waren, Gold und Tausenden von Menschenleben innerhalb des Landes Handel führen und mit dem würgenden Gas ihrer jesuitischen Natur auf die Psyche unseres Volkes einwirken». Auch die Organe des Herausgebers und Journalisten Alexej S. Suworin verliehen der Spionagehysterie mit ihrer Sensationsberichterstattung kräftig Auftrieb. Besonders die *Nowoje wremja* warnte seit 1914 unablässig vor einer «fünften Kolonne» angeblich unzuverlässiger Deutscher. Außer der Presse verbreitete

⁹ Demgegenüber die Deutung in: Overmans, „Hunnen“, S. 343.

auch die Agitationsliteratur, die von Behörden zur Steigerung des Kampfgeistes verbreitet wurden, fremdenfeindliche Vorurteile. Allerdings waren russische Bauern und Soldaten überwiegend Analphabeten. Noch wirksamer als Druckerzeugnisse waren deshalb Plakate und Karikaturen, die gegen das «innere Deutschland» hetzten¹⁰.

Zur Verbreitung fremdenfeindlicher Vorurteile gegen die im Zarenreich lebenden Deutschen und Russlanddeutschen trugen auch offizielle Organe bei. So suchte Oberst Nikolai Batiushins «Kommission zum Kampf gegen staatsfeindliche Aktivitäten und Spionage», die im Mai 1916 gebildet wurde, fieberhaft nach «inneren Feinden». Im ziellosen Kampf gegen den «Verräter» und «Saboteure» hatten sich in der russischen Gesellschaft bereits zuvor vielerorts wilde Gerüchte verbreitet, besonders nach Niederlagen der Armee im Kampf gegen Deutschland. So ging bei der Gendarmerie des Gouvernements Jaroslawl (rund zweihundert Kilometer nordöstlich von Moskau) im Mai 1915 eine Information über die angeblich bevorstehende Ankunft eines deutschen Offiziers ein, dem der Auftrag zugeschrieben wurde, eine Brücke über die Wolga zu sprengen. Auch Gerüchte über deutsche Gutsbesitzer, die angeblich Befestigungsarbeiten zur Unterstützung der Armee des Kaiserreiches durchführten und deutschen Flugzeugen Signale übermittelten, zeigten die allgemeine Verunsicherung. Im Allgemeinen erwiesen sich diese und ähnliche Nachrichten als haltlose Gerüchte. Der baltische Generalgouverneur Pawel Kurlow, der für Ermittlungen zu Spionagefällen zuständig war, stellte schon Ende 1914 fest, dass nur ein Prozent aller Meldungen einen Anfangsverdacht

¹⁰ Zit. nach: Dalos, Geschichte, S. 58. Vgl. auch Vasilij Molodjakov, Ingeheim germanophil? Valeri Brjusov und sein literarisches Umfeld während des Ersten Weltkriegs, in: Dagmar Hagemann (Hg.), Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg, München 2006, S. 697-726, hier: S. 701; Krieger, Kolonisten, S. 79 f.; Krieger, Bundesbürger, S. 144; Fleischhauer, Deutschen, S. 488; Gatagowa, „Chronik der Exzesse“, S. 1090; Korowina, Munition, S. 253. Im Rückblick aus der Perspektive der frühen zwanziger Jahre: Karl Lindemann, Von den deutschen Kolonisten in Rußland. Ergebnisse einer Studienreise 1919-1921, Stuttgart 1924, S. 103, 107.

begründete. Viele Russen denunzierten deutsche oder russlanddeutsche Nachbarn aus eigensüchtigen Motiven¹¹.

Jedoch beschränkte sich die Einstellungen gegenüber den Deutschen und Russlanddeutschen nicht auf Feindbilder. Vielmehr hielten sich in einzelnen Presseorganen wie der Tageszeitung *Russkoe slovo* auch im Ersten Weltkrieg Nuancen und Differenzierungen, mit der sich die Zeitung schon in den Vorkriegsjahren von der zunehmenden Distanzierung von Deutschland und dessen Kultur abgehoben hatte. So lehnten die Journalisten zwar die autoritäre Herrschaft im Kaiserreich und den Militarismus seiner Eliten ab; jedoch diente diese Kritik auch der Auseinandersetzung mit der Zarenherrschaft, deren Reform und Liberalisierung gefordert wurde. Darüber hinaus hoben Artikel, die in *Russkoe slovo* veröffentlicht wurden, die Prägekraft der deutschen Romantik in der deutschen Kultur hervor, die sie mit Gemütlichkeit und Friedlichkeit assoziierten. Zumindest in einzelnen Presseorganen blieben die Wahrnehmungen Deutschlands – und damit auch der Russlanddeutschen im eigenen Staat – damit vielschichtig und gelegentlich sogar widersprüchlich¹².

Dennoch wurden Deutsche und Russlanddeutsche Opfer großflächiger Zwangsevakuierungen und gezielter Deportationen. Bereits am 14. November 1914 entschied der russische Generalstab, Deutsche, Österreicher und Ungarn nach Sibirien zu verbringen, slawische und italienische Gefangene aber in den europäischen Provinzen des Zarenreiches zu belassen. So mussten 1914/15 in Wolhynien ca. 70.000, Kiew rund 10.000, in Podolien und im nördlichen Bessarabien 20.000 und in Cernigov 11.540 Personen deutscher Nationalität ihre Siedlungsgebiete verlassen. Auch viele Wolgadeutschen, die verdächtigt wurden, Kaiser Wilhelm II. zu verehren, wurden nach Sibirien oder Zentralasien deportiert. Zuvor versuchten die Betroffenen vielerorts verzweifelt, ihr Eigentum zu verkaufen, um der Beschlagnahme durch das

¹¹ Fedjuk, Kampf, S. 95, 100 f., 110; Olejnikow, Ritterlichkeit, S. 199.

¹² Cohen, Bild, S. 258 f., 263, 268, 272 f., 276; Sergeev, Wahrnehmung, S. 98

russische Militär oder der Zivilverwaltung zuvorzukommen. Außerdem durften deutschstämmige Soldaten nach den schweren Niederlagen der Zarenarmee in Ostpreußen im Herbst 1914 ausschließlich an der Kaukasusfront im Kampf gegen das Osmanische Reich eingesetzt werden, um – so die offizielle Begründung – Desertationen, Spionage und Subversion zu verhindern. Insgesamt führten die Zwangsumsiedlungen und -einsätze eine enorme Mobilität herbei, die letztlich das soziale und politische Gefüge des Zarenreiches nachhaltig erschütterte. Allein rund 200.000 Russlanddeutsche mussten ihre Wohngebiete im Westen Russlands (besonders in Wolhynien und in Russisch-Polen) verlassen. Sie wurden an den Ural, aber auch nach Sibirien und Turkestan gebracht. Die Militärführung lehnte eine Unterstützung der Flüchtlinge, die lästig waren, konsequent ab. Vielmehr wurde die Fürsorge bewusst gesellschaftlichen und karitativen Hilfsorganisationen überlassen. Damit einhergehend, setzten 1915 umfassende Enteignungen ein, die sich gleichermaßen gegen deutschstämmige Kolonisten und Unternehmer richteten¹³.

Im Gegensatz zu den Russen im Deutschland wurden Deutsche und Russlanddeutsche im Zarenreich in den Gebieten, in die sie deportiert wurden, oft nicht in Lager eingewiesen, da zunächst Kapazitäten fehlten und ab Herbst 1915 viele Gefangene zur Arbeit gezwungen waren¹⁴. Der russische Generalstab hatte am 14. November 1914 entschieden, Deutsche, Österreicher und Ungarn nach Sibirien zu verbringen, slawische und italienische Gefangene aber in den europäischen Provinzen des Zarenreiches zu belassen. Zwar wurde diese räumliche Trennung nicht durchgehalten. Jedoch litten besonders östlich

¹³ Angaben nach: Sanborn, *Empire*, S. 310; Krieger, *Bundesbürger*, S. 144, 191; Sandorn, *Imperial Apocalypse*, S. 79, 82; Von Hagen, *Great War*, S. 42, 46; Fleischhauer, *Deutschen*, S. 507; Proctor, *Civilians*, S. 122 f.; Lohr, *Army*, S. 405 f., S. 416 f., S. 419; Becker, *Captive Civilians*, S. 269; Dahlmann, *Deportation*, S. 195. Vgl. auch Marrus, *The Unwanted*, S. 54; Stevenson, *1914-1918*, S. 347; Hull, *Destruction*, S. 234 f.; Long, *From Privileged to Dispossessed*, S. 226; Brandes, *Die Deutschen in Russland*, S. 123; Levene, „*The Enemy Within*“?, S. 148; Holquist, *Forms*, S. 340-343; Gosewinkel, *Schutz und Freiheit*?, S. 105.

¹⁴ Rachaminov, *POWs*, S. 88 f.; Overmans, „*Hunnen*“, S. 344.

des Urals in Camps entlang der Transsibirischen Eisenbahn außer Kriegsgefangenen und deportierten Minderheiten (vor allem Juden) auch Tausende deutschstämmige Zivilisten unter den zumindest bis 1916 erbärmlichen Lebensbedingungen. Sie waren auf Vernachlässigung und organisatorische Mängel zurückzuführen, für die in den einzelnen Bezirken vor allem die zuständigen Militärkommandeure verantwortlich waren. Diejenigen Internierten, die in Lagern untergebracht wurden, lebten vielerorts eng mit gegangenen Offizieren und Soldaten zusammen. Alles in allem bestimmten die Größe, Ausstattung und räumliche Lage der Camps, die Kompetenz ihrer Kommandanten und das Ausmaß der gegenseitigen Hilfe zwischen den Insassen das Leben tiefgreifender als die ethnische Herkunft und nationale Zugehörigkeit der Internierten. Auch das Vorgehen der zuständigen Befehlshaber in den Militärbezirken und die dort zur Verfügung stehenden Ressourcen beeinflussten die Situation der Lagerinsassen¹⁵.

4. Fazit und Ausblick: Die Dämonisierung «innerer Feinde» als Voraussetzung der Internierung

Alles in allem senkte die Dämonisierung der «Fremden», die in Deutschland und Russland als bedrohliche «innere Feinde» stigmatisierte, die Hemmschwelle gegenüber der Anwendung extremer Gewalt. Die von den Regierungen ausgelöst oder zumindest hingenommenen Ausschreitungen gegen «Russen» in Deutschland und gegen «Deutsche» in Russland entzogen sich aber wiederholt der Kontrolle der Regierungen, wie die Übergriffe im Deutschen Kaiserreich im Sommer 1914 und die Pogrome in Moskau im Mai

¹⁵ Reinhard Nachtigal, Die dänisch-österreichisch-ungarischen Rotkreuzdelegierten in Rußland 1915-1918. Die Visitation der Kriegsgefangenen der Mittelmächte durch Fürsorgeschwestern des österreichischen und ungarischen Roten Kreuzes, in: *Zeitgeschichte* 25 (1998), S. 366-374, hier: S. 368 f.; ders., Seuchen unter militärischer Aufsicht in Rußland. Das Lager Tockoe als Beispiel für die Behandlung der Kriegsgefangenen 1915/16?, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 48 (2000), S. 363-387, hier: S. 364, 386; ders., Anzahl, S. 366 f., 370; Rachaminov, POWs, S. 92-97. Vgl. auch Brändström, *Prisoners of War*, S. 153-155.

1915 zeigten. Konstruktionen «des Anderen» waren jeweils Spiegelbilder der propagierten nationalen Gesellschaft, die als homogene, geschlossene Kampfgemeinschaft verherrlicht wurde. Der nationalen Erneuerung, die der Erste Weltkrieg in der Vorstellung radikaler Nationalisten herbeiführen sollte, entsprach der gesteigerte Wille zur Beseitigung von «Fremden», die als Sicherheitsrisiko denunziert wurden.

Der Umgang mit Deutschen und Russlanddeutschen war im russischen Zarenreich ein integraler Bestandteil lange angelegter Nationalitätenkonflikte. Hinzu kamen situative Faktoren, vor allem militärische Rückschläge. Jedoch nahmen Zar Nikolaus und der Ministerrat auf die öffentliche Meinung in den neutralen Staaten – vor allem in den USA – Rücksicht. Ungeachtet dessen war die Repressionspolitik umfassend und hart. Sie war außer partikularen Interessen einer obsessiven Fixierung auf «Sicherheit» geschuldet, deren Kehrseite Ängste und Frustration war. Noch angesichts der zunehmenden Kriegsmüdigkeit sollte die Agitation gegen zivile Feindstaatenangehörige die Gesellschaft für den Krieg einspannen, nachdem andere Initiativen sozialer Mobilisierung gescheitert waren¹⁶.

Im Besonderen ging die Deportation und Internierung von Feindstaatenangehörigen vor allem von den russischen Militärbehörden aus, die um die nationale Sicherheit in der Nähe der Fronten, aber auch in den Versorgungszentren der Städte besorgt waren. «Sicherheit» wurde aber auch in Russland zu einem Argument und Vorwand, hinter dem sich Eigeninteressen unterschiedlicher Gruppen verbargen. Außer der Indienstnahme für die Kriegführung durch die Eliten waren die Gewalt gegen (Russland-)Deutsche und ihre Internierung auch einer gesellschaftlichen Dynamik geschuldet, denn zugleich nutzten einzelne Bevölkerungsgruppen die Gelegenheit, um sich an den verfemten «Feinden» zu bereichern, alte Rechnungen zu begleichen oder andere persönliche Motive zu verfolgen. So drängte der geschwächte russische

¹⁶ Zit. nach: Levene, *Frontiers*, S. 94. Vgl. auch Sergeev, *Wahrnehmung*, S. 107.

Adel auf Maßnahmen, mit denen deutsche Kolonisten, Siedler und Unternehmer am Landerwerb gehindert werden sollten. Bauern hofften ihrerseits, nach der geforderten Aufteilung des deutschen Großgrundbesitzes Boden zu erhalten. Nicht zuletzt wollten sich russische Unternehmer und Händler der deutschen Konkurrenz entledigen. Der Krieg bot Neidern und Konkurrenten schließlich die Gelegenheit, Deutsche als Spione und Saboteure zu denunzieren, die angeblich die nationale Sicherheit gefährdeten. Damit waren der Neid und die Konkurrenzangst systematisch in die staatliche Enteignungs- und Verdrängungspolitik eingebunden worden. Der Krieg schuf den ökonomischen Nationalismus zwar nicht, radikalisierte ihn aber, indem er ihn in einen Diskurs über «Feinde» integrierte. Letztlich erwies sich die radikale Politik gegenüber Deutschen und Russlanddeutschen sowie anderen Feindstaatenangehörigen und Minderheit als selbstzerstörerisch. Sie trug maßgeblich zum Legimitätsverlust des Zarenregimes, seiner Beseitigung und dem Zerfall des Russischen Reiches bei¹⁷.

In Deutschland war die Internierung von Zivilisten integraler Bestandteil einer Kriegspolitik, die sich vor allem nach der Bildung der 3. Obersten Heeresleitung zusehends radikalisierte. Jedoch hatte der am 31. Juli 1914 verkündete Belagerungszustand die innere und äußere Sicherheit im Deutschen Kaiserreich von 1914 bis 1918 keineswegs erhöht. Er berechtigte zwar Militär- und Zivilbehörden zu Notstandsmaßnahmen. Diese blieben aber oft unkoordiniert. Überdies ermutigte der Belagerungszustand rivalisierende Instanzen zu einer Selbstermächtigung. Sie nährte einen Kampf um politische

¹⁷ Zit. nach: Aust, *Russische Revolution*, S. 78. Angabe nach: Lohr, *Politics*, S. 521. Dazu auch: Dietmar Neutatz / Lena Radauer, *Besetzt, interniert, deportiert. Der Erste Weltkrieg und die Zivilbevölkerung im östlichen Europa*, in: Neutatz / Hausmann / Eisfeld (Hg.), *Besetzt*, S. 9-25, bes. S. 10, S. 15, S. 20, S. 23 f.; Lohr, 1915, S. 41 f., 46-49; Sergeev, *Wahrnehmung*, S. 107; Beznosova, *Besonderheiten*, S. 321, S. 331; Victor Dönninghaus, *Das Bild des „inneren Feindes“ im Ersten Weltkrieg oder die antideutschen Progrome in Moskau von 26.-29. Mai 1914*, in: Elivira Barbašina / Detlef Brandes / Dietmar Neutatz (Hrsg.), *Die Rußlanddeutschen in Rußland und Deutschland. Selbstbilder, Fremdbilder, Aspekte der Wirklichkeit*, Essen 1999, S. 16-34, hier: S. 33.; Stevenson, *1914-1918*, S. 348.

Souveränität und steigerte die Sicherheitserwartungen, so dass sich bald ein «Eindruck von lähmender Polykratie» verbreitete. Auch in Deutschland erwiesen sich die Verbreitung emotional aufgeladener Feindbilder und die Internierungen im Ersten Weltkrieg letztlich als selbstzerstörerisch¹⁸.

¹⁸ Geyer, Grenzüberschreitungen, S. 354.

**Verflechtung und Vernetzungsarbeit im Ersten Weltkrieg.
Der «Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge» als zivilgesellschaftlicher
Akteur in der Kriegsfürsorge**

*«Möge Gottes Segen unsere gemeinsame Arbeit begleiten, damit sie etwas dazu beitragen
möge das Los der Gefangenen zu erleichtern und die wachsende Verbitterung der Völker zu lindern»²*

Vernetzungsprozesse zivilgesellschaftlicher Akteure im Krieg sind Phänomene der sozialen Welt, die oftmals aus dem Blick geraten, wenn sich mit den Auswirkungen von Gewalterfahrungen auf Gesellschaften auseinandergesetzt wird³. Kommunikation und Kooperation – auch auf transnationaler Ebene – enden jedoch nicht abrupt mit Kriegsausbruch; sie sind vielmehr wesentlich beständiger, als es auf den ersten Blick erscheinen mag. Die fortwährenden kommunikativen Austauschprozesse zwischen zivilgesellschaftlichen Akteuren im Ersten Weltkrieg stellten dahingehend keine Ausnahme dar. Krieg gebiert, um es als überspitzte These in den Raum zu werfen, nicht nur Gewalt, er ist zudem nicht selten der Ausgangspunkt für die Etablierung neuer Kommunikationskanäle und Partnerschaften. In diesem Sinne wird im Folgenden die Arbeit des christlichen «Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge» im Ersten Weltkrieg unter den Gesichtspunkten der Vernetzung und Verflechtung betrachtet werden. Dabei wird neben der nationalen auch die

¹ Hannes Bock, Doktorand, Wissenschaftlicher Mitarbeiter, Friedrich-Meinecke-Institut der Freien Universität Berlin.

² Evangelischen Zentralarchivs in Berlin (EZA) 45/31, Schreiben an die Kriegsgefangenenhilfe der Nationalvereinigung der Evangelischen Jünglingsbündnisse Deutschlands unter literarischer Mitwirkung der Deutschen Christlichen Studentenvereinigung von A.W. Schreiber vom 13.04.1915.

³ Ein positives Gegenbeispiel findet sich aktuell bei Matthew Stibbe mit dem Kapitel zum Zusammenhang von globaler Internierungspolitik und internationalem Aktivismus. Siehe dazu: Stibbe, Matthew, *Civilian Internment during the First World War. A European and Global History, 1914-1920*, London 2019, S. 183-237.

grenzüberschreitende Zusammenarbeit von im kirchlichen Umfeld agierenden Handlungsträgern in den Fokus gerückt werden, um so das allzu simplifizierte Bild einer sich nach innen gekehrten, nationalisierenden Geistlichkeit um eine wichtige Facette zu erweitern. In diesem Zusammenhang wird die Seelsorge an den Kriegs- und Zivilgefangenen im Deutschen Reich im Mittelpunkt stehen. Hierbei sollen die Aspekte der nationalen und transnationalen Kooperation näher betrachtet werden und die Arbeit des «Hilfs-Ausschusses» im Spannungsfeld religiöser Werte, einer kriegsbedingten nationalistischen Aufladung und der pragmatischen Notwendigkeiten der Fürsorge eingeordnet werden. Die folgende Betrachtung hat ferner keinesfalls den Anspruch, ein vollständiges und erschöpfendes Bild der Arbeit im Für- und Seelsorgebereich zu präsentieren. Vielmehr sollen Teilaspekte hervorgehoben werden, die im Sinne einer Verflechtungsgeschichte einzuordnen sind.

Das Engagement der evangelischen und katholischen Kirche im Ersten Weltkrieg wurde über einen langen Zeitraum vor allem unter dem Gesichtspunkt der nationalen Mobilisierung behandelt. Hier galt der patriotische Nationalismus der Geistlichkeit, der in beiden Konfessionen ähnlich wirkmächtig war und einen großen Einfluss ausübte, als zentrales Thema. Die kirchlichen Organisationen, ihre nachgelagerten Institutionen und die ihnen nahestehenden Vereine wurden nicht zu Unrecht in der Forschung als mobilisierende Kräfte für den Krieg eingeordnet⁴. Ihr Wirkungsbereich ging indessen über die reine Mobilisierung der Heimatfront hinaus. Abgesehen von der zumeist befürwortenden Einstellung zum Krieg, die sich im Besonderen an

⁴ Siehe dazu u.a.: Greschat, Martin, Der Erste Weltkrieg und die Christenheit. Ein globaler Überblick, Stuttgart 2014./Hammer, Karl, Deutsche Kriegstheologie. 1870-1918, München 1971./Lätzel, Martin, Die katholische Kirche im Ersten Weltkrieg. Zwischen Nationalismus und Friedenswillen, Regensburg 2014. und Pfeleiderer, Georg, Die deutschsprachige protestantische Theologie und der Erste Weltkrieg, in: Thier, Andreas, Schwab, Lea (Hrsg.), 1914 (=Reihe Zürcher Hochschulforum, Bd. 56), Zürich 2018, S. 247-272.

den Kriegspredigten ablesen ließ⁵, waren zugleich Fragen der Nächstenliebe und Fürsorge – verstanden als christliche Pflichten – für die religiösen Diskurse der Zeit von Bedeutung. Aus dieser Debatte heraus erwuchs die Forderung nach einer kirchlichen Für- und Seelsorgetätigkeit, die sich zu Beginn des Krieges auf unterschiedlichen Wegen organisierte. Neben dem persönlichen Engagement Einzelner bildeten sich zudem Organisationsstrukturen heraus, die sich der humanitären Hilfe verpflichtet fühlten und diese als menschliche und nationale Pflicht ansahen. In diesem Kontext gründete sich der «Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge», der sich am 11. Dezember 1914 als interkonfessioneller Hilfsverein für die Seelsorge an den militärischen Kriegsgefangenen konstituierte. Die Entscheidung dazu fiel während einer Konferenz des «Central-Ausschusses für die Innere Mission» der evangelischen Kirche. Ferner setzte sich der «Hilfs-Ausschuss» aus einer evangelischen, katholischen und israelitischen Abteilung zusammen, die wiederum aus diversen Unterausschüssen bestanden. Seine Arbeit stellte der in Berlin beheimatete Ausschuss 1921 ein, wobei dessen Abwicklung bis ins Jahr 1923 andauerte und mit der Herausgabe eines Tätigkeitsberichtes abgeschlossen wurde. Die täglichen Geschäfte führte in dieser Zeit der 1867 auf Sumatra geborene August Wilhelm Schreiber, welcher mit den Jahren zu einer zentralen Persönlichkeit im Netzwerk der deutschen Fürsorge aufsteigen sollte⁶. Zum grundlegenden Ziel wurde die Zentralisierung und damit die Vernetzung der deutschlandweiten Seelsorge erklärt. Die angestrebte Zusammenarbeit sollte auf einer interreligiösen Öffnung fußen und alle religiösen Gruppierungen als

⁵ Siehe dazu: Pressel, Wilhelm, Die Kriegspredigt 1914-1918 in der evangelischen Kirche Deutschlands (=Arbeiten zur Pastoraltheologie, Bd. 5), Göttingen 1967.

⁶ Vgl. Häusler, Michael, Vermittlung als Beruf. August Wilhelm Schreiber (1867-1945) – eine Pastorenkarriere im Spannungsfeld von freiem Verbandsprotestantismus und verfaßter Kirche, in: Kaiser, Jochen-Christoph (Hrsg.), Soziale Arbeit in historischer Perspektive. Zum geschichtlichen Ort der Diakonie in Deutschland, Festschrift für Helmut Talazko zum 65. Geburtstag, Stuttgart/Berlin/Köln 1998, S. 41.

mögliche Empfänger einschließen⁷. Dabei galt diese Anstrengung durchaus als nationale Aufgabe, da sie nicht nur mit dem rein humanitären Argument der Bedürftigkeit der Kriegsgefangenen begründet wurde, sondern auch durch die erhoffte positive Rückwirkung auf die deutschen Gefangenen in den Feindstaaten Legitimierung fand und der Außendarstellung des Reiches dienlich sein sollte. Das Hauptaugenmerk lag bei alledem auf der Fürsorgearbeit in Deutschland, dennoch soll das Engagement für die Belange der deutschen Gefangenen im Ausland zumindest Erwähnung finden⁸. Für die deutschen Gefangenen stellte man gleichwohl religiöse Schriften zur Verfügung und bemühte sich – insbesondere in den späteren Kriegsjahren – um ihre geistliche Betreuung⁹.

Ende 1914 stieß der «Hilfs-Ausschuss» im Deutschen Reich in ein seelsorgerisches Vakuum. Eine staatliche Rahmung der Seelsorge war zu Kriegsbeginn noch nicht vorhanden. Erst am 27.10.1914 erließ das Preußische Kriegsministerium eine Verordnung, in der die Seelsorge im Allgemeinen geregelt wurde¹⁰. Dabei war das ganze System der Fürsorge dezentral organisiert; als Machtzentrum fungierte das Unterkunftsdepartment des Preußischen Kriegsministeriums unter Generalmajor Friedrich, das 1914 als maßgebliche Entscheidungsinstanz für die preußischen Gebiete festgelegt wurde und dessen Einfluss über die preußischen Grenzen hinausreichte¹¹. Dessen Rolle darf zugleich nicht überbewertet werden, da für die Gefangenenlager die regionalen Generalkommandos als Verwaltungsorgane der

⁷ Vgl. EZA 45/40, Schreiben des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge an das Preußische Kriegsministerium vom 14.12.1914.

⁸ Vgl. Hickmann, Hugo, Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege. Tätigkeits-Bericht des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge, Leipzig 1921, S. 50ff.

⁹ Vgl. EZA 623/35, Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge. Rechnungslage für 1918.

¹⁰ Vgl. EZA 45/40, Abschrift Kriegsministerium Nr. M. 1335/14.C.4 vom 27.10.1914.

¹¹ Vgl. Hinz, Uta, Gefangen im Großen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914-1921 (=Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte, Bd. 19), Essen 2006, S. 71f. und Vgl. Doegen, Wilhelm, Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland, Bd. 1, Berlin 1919, S. 7f.

Armeekorps zuständig waren, welche wiederum die Aufgabe an die lokalen Lagerkommandanten weiterreichten¹². Diese Form der Seelsorge geriet jedoch durch den rasanten, aber erstaunlicherweise nicht erwarteten Anstieg der Gefangenenzahlen schnell an ihre Grenzen. Im November 1914 verzeichneten die Behörden etwa 400.000 russische und französische Kriegsgefangene¹³. Ein halbes Jahr später waren bereits über 852.000 militärische Kriegsgefangene und 52.000 Zivilisten¹⁴ in deutschen Lagern und Lazaretten interniert¹⁵. Die nur rudimentär ausgebildeten Organisationsstrukturen des Kriegsgefangenenwesens führten somit schon nach relativ kurzer Zeit zu einer Überforderung der staatlichen Organe. Das Angebot des «Hilfs-Ausschusses», sich als zentrale Stelle mit den Belangen der Seelsorge auseinanderzusetzen, das Anfang Dezember 1914 an das Preußische Kriegsministerium verschickt wurde, stieß dort zuerst auf einen gewissen Grad an Skepsis. Doch innerhalb kurzer Zeit wuchs das Interesse an dieser Offerte, was der allgemein angespannten Situation am Ende des ersten Kriegsjahres geschuldet war¹⁶. Per Erlass vom 14. Februar 1915 wurde der «Hilfs-Ausschuss» durch das Preußische Kriegsministerium offiziell anerkannt und bekam in diesem Zuge die Erlaubnis, direkt mit den Generalkommandos Kontakt aufzunehmen und in einen beidseitigen Austausch einzutreten¹⁷. Dieses führte dazu, dass die vormals unbekannte Institution rasch an Bedeutung gewann und innerhalb kürzester Zeit zu einem der zentralen Akteure der Seel- und Fürsorge aufstieg. Der Ausschuss

¹² Vgl. EZA 45/40, Schreiben des Preußischen Kriegsministeriums Nr. 1319/12.14. U3 vom 14.02.1915.

¹³ Vgl. Oltmer, Jochen, Unentbehrliche Arbeitskräfte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914-1918, in: Ders. (Hrsg.), Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges (= Krieg in der Geschichte, Bd. 24), Paderborn, 2006, S. 75.

¹⁴ Bei diesen Zahlen handelt es sich um Gesamtzahlen, welche auch die bereits Verstorbenen, Entflohenen und Entlassenen berücksichtigten.

¹⁵ Vgl. EZA 45/40, Nachweisung der am 10.05.1915 in den Kriegsgefangenen-Lagern und Lazaretten untergebrachten Gefangenen, Beglaubigte Abschrift zu Nr. 261/6.15. U3, S. 18.

¹⁶ Vgl. Hickmann, Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege, Leipzig, 1921, S. 7.

¹⁷ Vgl. EZA 623/35, Bericht über die Tätigkeit des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge im Jahre 1916, S.1f.

entwickelte sich dergestalt zu einem kommunikativen Knotenpunkt, dem es möglich war, das seelsorgerische Engagement zu kanalisieren und aufeinander abzustimmen.

Im Frühjahr 1915 nahm die überkonfessionelle Vereinigung sodann die aktive Tätigkeit auf. Schnell formte sich ein breites Spektrum an Arbeitsbereichen heraus, das vielfältige Tätigkeitsfelder abdeckte. Von der Akquirierung beziehungsweise Verteilung religiöser Schriften, über die Vermittlung von Seelsorgern und privater Gesuche, bis hin zum Aufbau grenzüberschreitender Kommunikations- und Hilfskanäle war der «Hilfs-Ausschuss» in vielerlei Weise tätig. Ein großer Teil der Anstrengungen konzentrierte sich hierbei auf die russischen Kriegs- und Zivilgefangenen, die als größte Gefangenengruppe naturgemäß in den Fokus rückten.

Im nationalen Rahmen knüpfte der Berliner Ausschuss frühzeitig Verbindungen zu anderen Institutionen und Privatpersonen. Diese waren die Grundlage für ein deutschlandweites Netzwerk, in dem der «Hilfs-Ausschuss» eine Schlüsselposition einnehmen sollte. Auf der einen Seite wurden die Kirchenbehörden in die Arbeit miteinbezogen, die sich zum einen als Unterstützer anboten und zum anderen selbst die Hilfe des Ausschusses in Anspruch nahmen. Hier können im Besonderen evangelische Körperschaften – wie der «Evangelische Oberkirchenrat Berlin» oder das «Oberkonsistorium München» – hervorgehoben werden¹⁸. Auf der anderen Seite wurde die Zusammenarbeit mit anderen zivilgesellschaftlichen Vereinen forciert. Zu nennen sind insbesondere das «Deutsche Rote Kreuz», das «Deutsche Komitee der Kriegsgefangenenhilfe der Christlichen Vereine Junger Männer», die «Deutsche Zeltmission» und der «Verein zur Förderung der inneren Kolonisation»¹⁹. Neben diesen kam es zu Partnerschaften mit einer Vielzahl

¹⁸ Vgl. Hickmann, Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege, Leipzig 1921, S. 8.

¹⁹ Vgl. EZA 623/35, Bericht über die Tätigkeit des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge im Jahre 1916, S. 2.

lokaler Organisationen – wie christlichen Büchereien und Verlagen – und einflussreichen Privatpersonen, die wiederum oftmals direkte Verbindungen zum deutschen und europäischen Adel hatten. Das eigene Engagement orientierte sich hier grundlegend an dem christlichen Gebot der Nächstenliebe sowie der Überzeugung, dass es ein allgemeines Recht auf religiösen Beistand gäbe. Die Hauptaufgabe wurde in der Verteilung von erbauenden religiösen Schriften und der Vermittlung von Lagerseelsorgern für alle Religionen und Konfessionen gesehen. Im Kontext der Schriftenverteilung war die «Deutsche Zeltmission» ein wichtiger Kooperationspartner, mit dessen Hilfe vornehmlich unter den russischen Gefangenen Bibeln und andere religiöse Schriften verteilt wurden²⁰. Dabei stieg die Anzahl der ausgegebenen Schriften schnell in die Hunderttausende, dementsprechend floss das meiste Geld in die Anschaffung bzw. Drucklegung der Schriften und die Bezahlung der Seelsorger²¹. Die eigenen Anstrengungen waren darüber hinaus nicht immer allein auf rein humanitäre Ziele ausgerichtet; wie das Zusammenwirken mit der «Gesellschaft zur Förderung der inneren Kolonisation» und dem «Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer» aufzeigte. Die beiden zuletzt genannten Organisationen konzentrierten sich in ihrer Arbeit auf die als «deutsch» geltenden russischen Gefangenen, die als Teil des «deutschen Volkes» angesehen wurden und zur Rückwanderung bewogen werden sollten. Gleichzeitig zielten die Bemühungen darauf ab, nicht-russische nationale Identitäten zu stärken, um so beispielsweise im Baltikum die «baltisch-deutsche Herrenschaft»²² als führende Kraft zu bewahren. Der aus Kurland stammende Pfarrer Wille, der sich in den Lagern vor allem der Betreuung der russischen Letten zuwandte, empfahl 1917 in einem Schreiben dazu:

²⁰ Vgl. Hickmann, Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege, Leipzig 1921, S. 11.

²¹ Vgl. EZA 623/35, Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge. Rechnungslegung für 1916.

²² EZA 45/7, J.-Nr. 2355, Schreiben an das Königl. Kriegsministerium. Unterkunftsabteilung vom 31.05.1916.

«1. Trennung der kleinen Nationalitäten von den ‚Stockrussen‘, damit sich die ersteren nicht mehr als ‚Russen‘ fühlen, sondern zunächst als das, was sie sind, und so individuell angefasst und behandelt werden können»²³.

Realisiert wurde diese Art der Beeinflussung durch die aktive Arbeit der Seelsorger in den Lagern und auf den Arbeitsstellen. Mit der Zeit erkannten die staatlichen Stellen zudem das Potential dieser Form der politisch-religiösen Betreuung. Am 21. Dezember 1915 verfügte deshalb das Berliner Kriegsministerium, dass der «Fürsorgeverein für deutsche Rückwanderer» als zentrale Stelle der Rückgewinnung der Deutsch-Russen für das «Deutschtum» anzusehen sei²⁴. Der «Hilfs-Ausschuss» wiederum unterstützte diese Arbeit durch die Vermittlungstätigkeit zwischen den zentralen Stellen sowie teilweise durch die Abwicklung der Bezahlung einzelner Seelsorger²⁵. Hier kam es somit zu einer Verquickung seelsorgerischer Praxis und völkisch-nationalistischer Zielsetzungen. Dieses Zusammenspiel war kein Gegensatz zur sonstigen Fürsorgearbeit, insbesondere da es zu Bedenken gilt, dass August Wilhelm Schreiber – als maßgeblicher Entscheidungsträger innerhalb des «Hilfs-Ausschusses» – sein Schaffen zeitlebens als nationale Arbeit verstand und darin nicht frei von völkischem Denken war. Ebendies wurde durch seine langjährige Mitgliedschaft in der «Deutschnationalen Volkspartei» unterstrichen²⁶.

Neben der nationalen Vernetzung wurden auch Verbindungen über Ländergrenzen hinweg geknüpft. In diesem Zusammenhang trat man unter anderem in einen Briefwechsel mit dem Londoner «Prisoners of War Help Committee» ein. Das Ziel war es hierbei, einen beständigen Informationsaustausch zwischen den beiden kriegführenden Ländern zu

²³ EZA 45/9, Nr. 3347, Schreiben an die Unterkunftsabteilung am 17. Juli 1917.

²⁴ Vgl. EZA 45/4, 2. Anlage. Auszug aus dem Erlaß des Königl. Preuß. Kriegsministerium vom 21. Dezember 1915.

²⁵ Vgl. EZA 45/3, Gesuch an die Kommandantur des Kriegsgefangenenstammlagers Arys vom 09.06.1916, 2835. und Vgl. EZA 45/3, Nr. 2911, Brief an Christian von Bornhaupt vom 27.06.1916.

²⁶ Vgl. Häusler, Vermittlung als Beruf, in: Kaiser (Hrsg.), Soziale Arbeit in historischer Perspektive, Stuttgart/Berlin/Köln 1998, S. 54 und 64.

gewährleisten. Zugleich arbeitete der Ausschuss mit deutschen Pastoren in Großbritannien zusammen, die im Königreich aktiv Seelsorge betrieben²⁷. Des Weiteren bemühte sich der Berliner Ausschuss darum, russisch-orthodoxe Geistliche für die Lagerseelsorge zu gewinnen. Die zufriedenstellende Lösung dieser Aufgabe erwies sich allerdings schnell als eine zu große Herausforderung, da eine genügend große Anzahl an – im Sinne des deutschen Militärs – «geeigneten»²⁸ orthodoxen Priestern kaum zu gewinnen war. Nachdem eingesehen werden musste, dass jenes nicht zu bewerkstelligen war, setzten sich die maßgeblichen Kräfte dafür ein, auf europäischer Bühne passende Kandidaten ausfindig zu machen. Ein Versuch, dieses Problem zu lösen, war der Vorschlag, russische Geistliche nach Deutschland einreisen zu lassen. Diese sollten sich nach freiwilliger Meldung für die Dauer des Krieges in den deutschen Lagern internieren lassen und dort die religiöse Betreuung übernehmen. Im Juni 1915 wurde in diesem Kontext von einem Vertrauten des «Hilfs-Ausschusses» – dem Russen Otto Peterson, der als Urheber dieser Idee anzusehen ist – ein Brief an den Metropoliten von Petrograd und Ladogar²⁹ entworfen, in dem dieser darum ersucht wurde, sich für die Versendung russischer Priester ins Deutsche Reich einzusetzen³⁰. Dieser Vorschlag, dem das Auswärtige Amt und das Preußische Kriegsministerium wohlwollend gegenüberstanden, wurde jedoch vom Großen Generalstab aufgrund der

²⁷ Vgl. EZA 45/31, Abschrift eines Schreibens des Prisoners of War Help Committee an das Presbyterium der evangelische Landeskirche Berlin vom 14.04.1915 und Panayi, Panikos, Prisoners of Britain. German civilian and combatant internees during the First World War, Manchester/New York 2012, S. 254.

²⁸ «Geeignet» bedeutete hier, dass die Priester nicht der Spionage verdächtig sein durften und sich keinesfalls in den Lagern politisch betätigen sollten. Insbesondere die kriegsgefangenen Geistlichen galten den militärischen Entscheidungsorganen als zu stark «indoktriniert», sodass man von einer Heranziehung dieser für die Seelsorge absah.

²⁹ Hier handelte es sich um Vasilij Nikiforovič Bogojavlenskij.

³⁰ Vgl. EZA 45/2, Entwurf des Briefes «An Seine Heiligkeit Wladimir, Metropolit von Petrograd und Ladoga» vom 05.Juni 1915.

grassierenden Spionageangst abgelehnt³¹. Nachdem dieses fehlgeschlagen war, rückte das neutrale Ausland in das nähere Blickfeld. Einen Brief richtete Direktor Schreiber nach Kopenhagen an Dr. Rainer Schairer, der dort als Vertreter des «Deutschen Sonderausschusses für Kriegsgefangenenhilfe» seit 1915 beste Verbindungen aufgebaut hatte³². An ihn richtete er die Bitte, in Erfahrung zu bringen, ob sich in Dänemark Priester befänden, die sich freiwillig der Seelsorge in Deutschland widmen würden³³. Auch diese Initiative war nicht von großem Erfolg gekrönt. Im Mai 1918 kam dem «Hilfs-Ausschuss» darüber hinaus ein Angebot aus Kiew zu, in welchem der Verwalter des Erzbistums Kiews anbot, orthodoxe Priester zur Betreuung russischer Gefangener in das Deutsche Reich zu entsenden³⁴. Dieser Vorschlag wurde sogleich mit unterstützenden Worten an das Kriegsministerium weitergeleitet, eine positive Bescheidung durch das Ministerium war jedoch in den Akten nicht zu finden. Alle Versuche, den orthodoxen Gefangenen eine adäquate aktive Seelsorge angedeihen zu lassen, scheiterten, sodass es zu einem Umdenken kam. Verstärkt bemühte man sich deshalb nun um die Akquirierung russischsprachiger religiöser Schriften, um diese in den Lagern zu verteilen. Dieses Vorhaben fußte hierbei auf einer mehrgliedrigen Kooperation nationaler und europäischer Partner. Unter anderem wurden 6.000 Bibeln aus Petrograd durch die Vermittlung des Roten Kreuzes als Geschenk der Zaren-Mutter Marija Fedorovna nach Deutschland verschickt, deren Verteilung auch durch den «Hilfs-Ausschuss» realisiert werden sollte³⁵. Des Weiteren konnten über die Schweiz durch die Fürstin Galitzine 45.000 Neue Testamente eingeführt

³¹ Vgl. EZA 45/2, Schreiben an das Preußische Kriegsministerium vom 16.06.1915, J.-Nr. 802.

³² Vgl. Röder, Werner/Strauss, Herber A. (Hrsg.), Biografisches Handbuch der deutschen Emigration nach 1933, Politik, Wirtschaft, Öffentliches Leben, Bd. 1, u.a. München 1980, S. 639.

³³ Vgl. EZA 45/3, Nr. 3703, Brief an Dr. jur. Schairer vom 28.10.1916.

³⁴ Vgl. EZA 45/4, Dank des Erzbischofs Nikodemus von Kiew vom 28. Mai 1918.

³⁵ Vgl. EZA 45/2, Bericht zur Audienz bei der Kaiserlichen und Königlichen Hoheit Herzogin Marie von Sachsen-Coburg und Gotha am 22. Juni 1915.

werden, die unter der Leitung des «Hilfs-Ausschuss» und des «Christlichen Vereins Junger Männer» (CVJM) in den Lagern ausgegeben wurden³⁶. Für die Verteilung weiterer Schriften wurden zudem Partner gesucht, die über ausreichende Kapazitäten und dem Zweck entsprechende Distributionsnetzwerke verfügten, welche eine flächendeckende und kostensparende Ausgabe ermöglichten. Schreiber wandte sich unter diesen Prämissen im März 1915 an die Berliner Niederlassung der amerikanischen «Continental Times», die er ersuchte, in ihrer deutsch-russischen Ausgabe ein religiöses Flugblatt beizulegen, das für die Lagerinsassen und die «freien feindlichen Ausländer»³⁷ als Erbauungsliteratur gedacht war. Die «Continental Times» bot hierauf an, diese Flugschrift in einer Auflage von 10.000 Stück auszugeben und auch in Zukunft für weitere Aktionen bereitzustehen³⁸. Darüber hinaus wandte sich der «Hilfs-Ausschuss» an die «Britische und Ausländische Bibelgesellschaft» in Berlin, um den enormen Bedarf an religiösen Schriften in den verschiedenen slawischen Sprachen decken zu können³⁹.

Die transnationale Verflechtung bezog neben den eher kleineren Partnern auch größere zivilgesellschaftliche Akteure mit ein, die weltweit agierten und beinahe in allen kriegführenden Staaten Dependancen betrieben. Von großer Bedeutung war hier die «Young Men´s Christian Association» (YMCA) mit dem bereits erwähnten deutschen Ableger dem «Christlichen Verein Junger

³⁶ Vgl. EZA 623/35, Bericht über die Tätigkeit des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge im Jahre 1916, S.3. und Vgl. EZA 45/3, Nr. 4426, Schreiben an die Fürstin Galitzine in Ouchy/Schweiz vom 10.02.1917.

³⁷ Als «freie feindliche Ausländer» galten diejenigen Personen, die als Staatsbürger eines gegen das Deutsche Reich kriegführenden Staates nicht in Lagern interniert waren. Sie wurden konfiniert und durften sich nicht vollkommen frei bewegen. In diesem Sinne waren sie verschiedenen sicherheitspolitischen Maßnahmen unterworfen, wie u.a. der regelmäßigen Meldepflicht bei den lokalen Polizeibehörden.

³⁸ Vgl. EZA 45/2, J.-Nr. 228, Schreiben der «Continental Times» an Direktor A.W. Schreiber vom 20.03.1915.

³⁹ Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 908, Schreiben an die Britische und Ausländische Bibelgesellschaft vom 07.07.1915.

Männer». Die christliche Bewegung, welche sich ab der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts von England ausgehend in Europa und Amerika ausbreitete, wurde durch ihre nationalen Vereinigungen getragen. Der Beginn ihrer voranschreitenden transnationalen Vernetzung kann auf das Jahr 1855 datiert werden, in dem die erste «YMCA World Conference» abgehalten wurde. Etwas über 20 Jahre später – im Jahr 1878 – gründete sich zudem ein ständiger Sitz der nationalen Vereinigungen in Genf, der als zentraler Ausgangspunkt für die Koordination der Landesverbände fungieren sollte⁴⁰. Zu einem ersten transnationalen Ideenaustausch mit dem Berliner Ausschuss kam es schon frühzeitig. Bereits im November 1914, noch vor der offiziellen Gründung des «Hilfs-Ausschusses», verfasste Schreiber einen Brief an den Präsidenten des US-amerikanischen Landesverbandes der YMCA, John Raleigh Mott, und bot diesem eine Zusammenarbeit an⁴¹. Mott stand diesem Vorschlag aufgeschlossen gegenüber, sodass sich die ersten Verbindungen bereits Ende 1914 etablierten⁴². Ein Baustein dieser Zusammenarbeit war die Bereitstellung von Geldmitteln für unterschiedlichste Initiativen in der Gefangenenbetreuung, die über den deutschen CVJM nach Deutschland flossen. Neben der Beschaffung von zehntausenden Bibeln war ein großes Projekt, das zusammen mit dem CVJM realisiert wurde, der Bau von Lese- und Schreibhallen in den Lagern, die den Gefangenen die Möglichkeit bieten sollten, ihre Freizeit durch die Lektüre unterschiedlichster Druckerzeugnisse und den Besuch von Unterrichtskursen zu bereichern⁴³. Die Umsetzung dieses Projektes wäre ohne die Mithilfe des «Hilfs-Ausschusses» kaum möglich gewesen, da dieser nicht

⁴⁰ Vgl. <https://www.ymca.int/about-us/ymca-history/>, abgerufen am 11.12.2019.

⁴¹ Vgl. EZA 45/31, Nr. 7431, Brief von A.W. Schreiber an Dr. J.R. Mott vom 20.11.1914.

⁴² Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 274, Brief von J.R. Mott an A.W. Schreiber vom 30.12.1914.

⁴³ Vgl. Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege, Leipzig 1921, S. 10f. und Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 2069, Brief der Deutschen Kriegsgefangenenhilfe der Christlichen Vereine Junger Männer und der Deutschen Christlichen Studentenvereinigung an A.W. Schreiber vom 18.12.1915. und Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 234, Brief vom International Committee of Young Men's Christian Associations New York an A.W. Schreiber vom 22.03.1915.

nur beständig im engen Kontakt mit Mott, dem Weltkomitee der YMCA in Genf und dem deutschen CVJM stand, sondern gleichfalls erst durch seine Eingabe an das preußische Kriegsministerium die Fürsorgetätigkeit der «Deutschen Kriegsgefangenenhilfe des Christlichen Verein Junger Männer» in den Lagern ermöglicht wurde. Per Verfügung vom 06. März 1915 gewährte das Ministerium der «Kriegsgefangenenhilfe» den aktiven Lagereinsatz⁴⁴. Schreiber fasste in einem Brief die eigene Rolle daraufhin wie folgt zusammen:

«Als Schriftführer des Hilfs-Ausschusses für Gefangenen-Seelsorge ist es mir eine große Freude, dass unser Ausschuss die Brücke sein durfte, auf der die C.V.J.M. zum Kriegsministerium gelangte»⁴⁵.

Spätestens dieses Eintreten für die Interessen der YMCA stellte die endgültige Eintrittskarte in die transnationale Zusammenarbeit dar. Schreiber bekam in diesem Zusammenhang Dankesbriefe aus Genf und Großbritannien, in denen ihm überdies ein Platz im «honorary committee» der YMCA angeboten wurde⁴⁶. Doch auch diese Initiative muss unter Berücksichtigung der Vereinnahmung durch die militärischen Stellen beurteilt werden; die Lesehallen waren nicht nur Orte zwanglosen Freizeitvergnügens, sie dienten nebst dem als Ankerpunkte politischer Agitation. Die Gründung der «Vermittlungsstelle zur politischen Beeinflussung und Literaturversorgung» der russischen Gefangenen ist in diesem Kontext anzuführen. Diese sollte sich um die Bestückung der Lesehallen bemühen und unter anderem politische Literatur zur Verfügung

⁴⁴ Vgl. EZA 45/31, J.Nr. 133, Schreiben des Preußischen Kriegsministeriums vom 06.03.1915.

⁴⁵ EZA 45/31, Schreiben an die Kriegsgefangenenhilfe der Nationalvereinigung der Evangelischen Jünglingsbündnisse Deutschlands unter literarischer Mitwirkung der Deutschen Christlichen Studentenvereinigung vom 13.08.1915.

⁴⁶ Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 301, Brief des Generalsekretärs des Weltbundes der YMCA Christian Philidius an A.W. Schreiber vom 07.04.1915. und Vgl. EZA 45/31, J.-Nr. 309, Brief an A.W. Schreiber vom 10.04.1915.

stellen, die geeignet wäre im Sinne der deutschen Interessen auf die Lagerinsassen einzuwirken⁴⁷.

Ein weiterer Kooperationspartner war das «Gospel Committee for Work Among Russian War Prisoners», das von William A. Fetler im Februar 1916 in New York mitbegründet wurde. Fetler, geboren in Kurland, war der Sohn eines Letten und einer Deutsch-Baltin, der bereits vor Kriegsausbruch als Baptistenprediger in Russland tätig war⁴⁸. In Deutschland eröffnete dieses Komitee eine Zweigstelle an dessen Spitze der Leiter der «Christlichen Traktatgesellschaft Cassel» stand, mit dem die «Gefangenen-Seelsorge» schon zuvor zusammengearbeitet hatte. Neben diesem wurde Direktor August W. Schreiber ein Mitglied des «Deutschen Ausschusses des Gospel-Committees for Work Among War Prisoners»⁴⁹. Es kam hier zur Verflechtung und einem Ineinandergreifen zweier Organisationen, die im Folgenden eine relativ feste, grenzüberschreitende Kooperationsstruktur entwickelten. Dieser Vorgang war keinesfalls etwas Außergewöhnliches. Vielmehr gab es unzählige solcher Fälle, in denen Organisationen über die Postenvergabe miteinander verzahnt wurden. Mit den Geldern des «Gospel Committees», die über den «Deutschen Ausschuss» in das Reich flossen, wurde unter anderem die Fürsorgetätigkeit des Predigers Johann Schorr mitfinanziert. Die finanzielle Zuwendung aus den Vereinigten Staaten fand zugleich nicht sofort mit dem Eintritt der USA in den Krieg, wie es vielleicht zu erwarten wäre, seine Einstellung. Erst im März 1918 – beinahe ein Jahr nach der Kriegserklärung der Vereinigten Staaten – versiegte der Geldfluss aus den Vereinigten Staaten. Der Grund dafür war das Ende der

⁴⁷ Vgl. EZA 45/31, Ergebnis der Besprechung zwischen dem Herrn Regierungspräsidenten und Herrn Pastor Schrenk.

⁴⁸ Vgl. Wardin, Albert W., William Fetler. The Thundering Evangelist, in: Theological Reflections. Euro-Asian Journal of Theology, Heft 13 (2012), S. 117ff. und Vgl. Ders., On the Edge. Baptists and Other Free Church Evangelicals in Tsarist Russia 1855-1917, Eugene 2013. S. 486f.

⁴⁹ Vgl. Hickmann, Deutsche evangelische Gefangenen-Seelsorge im Weltkriege, Leipzig 1921, S. 11f.

aktiven Arbeit des New Yorker Hauptausschusses⁵⁰. Bis dahin war diese Verflechtung durch einen beständigen transnationalen Geldfluss gekennzeichnet, welcher auch durch den Ausbruch der Feindseligkeiten nicht sofort zum Abbruch gelangte.

Der grenzüberschreitende Austausch beschränkte sich dabei nicht allein auf Organisationen. Auch Einzelpersonen beteiligten sich an der Fürsorge oder traten als Ideengeber auf. Im November 1915 erreichte ein Vorschlag aus Oslo den «Hilfs-Ausschuss». Der Pfarrer V.H. Günther schlug zusammen mit dem norwegischen Linguisten Prof. Olaf Broch ein Tauschgeschäft zwischen Deutschland und Russland vor, das zur Verbesserung der Lebensumstände der Gefangenen in beiden Ländern führen sollte. Um dem Brotmangel in deutschen Lagern und dem schlechten Gesundheitszustand deutscher Gefangener in Russland entgegenzuwirken, sollte russisches Korn gegen Medikamente eingetauscht werden. Die Tauschobjekte sollten exklusiv für die Lagerinsassen bestimmt sein, um so die in den Augen der Verfasser nachteiligsten Lebensumstände abzumildern. Pfarrer Günther erhoffte sich vom «Hilfs-Ausschuss» die Vermittlung des Angebots an die ausschlaggebenden Stellen im Reich und erbat zugleich die Fürsprache des Ausschusses. Bei einer positiven Bescheidung bot er an, dass Prof. Broch, der nach eigener Aussage gute Kontakte zu führenden russischen Kreisen hatte, seinen Einfluss einsetzen würde, um auch die russische Regierung für dieses Geschäft zu gewinnen⁵¹. Direktor Schreiber leitete im Folgenden das Angebot an das Auswärtige Amt, das Preußische Kriegsministerium und das Deutsche Rote Kreuz weiter. Die Versendung an so viele unterschiedliche und teilweise konkurrierende Stellen wirkte vermutlich nicht allzu förderlich für die positive Bescheidung des

⁵⁰ Vgl. EZA 45/5, Nr. 6471, Brief an Prediger Schorr von A.W. Schreiber vom 11.03.1918.

⁵¹ Vgl. EZA 45/20, J.-Nr. 1433, Brief des Pfarres V. H. Günther aus Kristiania vom 01.11.1915.

Vorschlages, wie es das Rote Kreuz in einem Antwortschreiben anmerkte⁵². Somit erscheint es nicht verwunderlich, dass am 15. Dezember 1915 das Kriegsministerium seine Ablehnung aussprach. Die Befürchtung einer anderweitigen Verwendung der Medikamente in Russland wurde als Begründung für diese Entscheidung angeführt⁵³.

Eine Zusammenarbeit, die sich erfolgreicher gebärdete, entsprang aus der Kooperation mit dem bereits zuvor erwähnten Otto Peterson. Peterson, ein russischer Staatsbürger aus Petrograd, war vor Ausbruch des Krieges als Urlauber mit seiner Familie nach Deutschland gekommen. Bereits in den ersten Augusttagen wurde er als «feindlicher Ausländer» interniert. Ihm war es jedoch relativ schnell möglich, als «freier feindlicher Ausländer» den Haftort zu verlassen und in Berlin konfiniert zu werden. Nach seiner Entlassung engagierte sich Peterson für die in Berlin gestrandeten Russen, von denen sich nach eigener Aussage allein etwa 40.000 in der Reichshauptstadt aufhielten. Er organisierte Hilfskomitees, die sich um die finanzielle Unterstützung und die Abreise der Betroffenen aus Deutschland bemühten. Sein Eifer ließ Ende August 1914 die «Königliche Kommandantur der Residenz Berlin» auf ihn aufmerksam werden, in welcher er später in der sogenannten «Russensabteilung» unentgeltlich tätig wurde⁵⁴. Diese Tatsache sowie sein langjähriges Engagement innerhalb der evangelischen Kreise in Petrograd erregten die Aufmerksamkeit des «Hilfs-Ausschusses», der ihn als aktiven Teil bei der Verteilung von russischsprachigen Schriften und als Mediator einsetzen wollte⁵⁵. Ihm kam in diesem Sinne die Funktion eines kommunikativen

⁵² Vgl. EZA 45/20, J.-Nr. 1473, Schreiben des Deutschen Roten Kreuzes, Abteilung für Gefangenenfürsorge vom 11.11.1915.

⁵³ Vgl. EZA 45/20, J.-Nr. 1733, Antwortschreiben des Preußischen Kriegsministeriums vom 15.12.1915.

⁵⁴ Vgl. EZA 45/2, Ueber die Tätigkeit von O. Peterson in Berlin 1914/1915.

⁵⁵ Vgl. EZA 45/2, J.-Nr. 587, Brief an Direktor Schreiber von Otto Peterson vom 25. Juni 1915.

Bindeglieds zwischen den relevanten russischen und deutschen Stellen zu⁵⁶. Peterson sollte vor allem dabei helfen, neue Kommunikationswege nach Russland aufzubauen. Dementsprechend versuchte man über die Tante des Zaren, die Herzogin Marie von Sachsen-Coburg und Gotha, in direkten Kontakt mit der russischen Führung zu geraten. Über diese Kanäle sollten wiederum Unterstützungsleistungen aus Russland gewonnen werden. Peterson, der zugleich dem Metropoliten von Petrograd bekannt war, fungierte hierbei als Vertrauensperson; die Integration seiner Person sollte das Zutrauen in die Rechtschaffenheit der Arbeit des «Hilfs-Ausschusses» fördern. Neben dem Letztgenannten kooperierte der Berliner Ausschuss zudem mit dem russischen Staatsangehörigen Naphtali Rudnitzki, der als jüdischer Geistlicher bereits vor dem Eintreten des «Hilfs-Ausschusses» in die Fürsorgearbeit im Bereich der Kommandantur der Residenzstadt Berlin seelsorgerisch tätig war. Rudnitzki verlor nach einem Disput mit der jüdischen Gemeinde in Berlin seine Zulassung zur Seelsorge und pendelte ab August 1915 zwischen Schweden und Deutschland. In diesem Zusammenhang wurde er von August Schreiber dazu angehalten, Kontakte zu den russischen Kreisen in Schweden zu knüpfen und in diesen Geldmittel für die Arbeit des Ausschusses zu sammeln⁵⁷. Grenzüberschreitende Kommunikation war hier darauf ausgelegt, finanzielle Unterstützung zu generieren. Ursächlich dafür war die stets prekäre finanzielle Lage des «Hilfs-Ausschusses», der jede Möglichkeit nutzen musste, um für eine ausreichende Gegenfinanzierung der Projekte zu sorgen.

Zivilgesellschaftliche Seelsorge im Ersten Weltkrieg war ein höchst interdependentes Geflecht, das die Zusammenarbeit verschiedenster staatlicher und ziviler Akteure geradezu forcierte. Die Praxis der Seel- und Fürsorge bildete sich hierbei in einem Spannungsfeld christlicher Werte, nationalistischer

⁵⁶ Vgl. EZA 45/2, Bericht zur Audienz bei der Kaiserlichen und Königlichen Hoheit Herzogin Marie von Sachsen-Coburg und Gotha am 22. Juni 1915.

⁵⁷ Vgl. EZA 45/4, J.-Nr. 1203, Brief von A.W. Schreiber an Naphtali Rudnitzky vom 19.08.1915.

Überzeugungen und pragmatistischer Notwendigkeiten heraus, dessen Aspekte nicht getrennt voneinander betrachtet werden sollten, da sie erst in ihrem Zusammenspiel das Wirken der zivilen Akteure verstehbar werden lassen. Die Notwendigkeit zur Kooperation erwuchs unter anderem aus der beschränkten Reichweite und den überschaubaren Ressourcen der einzelnen Beteiligten. Dieser Umstand führte dabei punktuell zu einem Ausbau der Vernetzung und weniger zu einem vollständigen Abbruch transnationaler Zusammenarbeit. Für das Arbeitsfeld der religiösen Seelsorge waren die bereits bestehenden Verflechtungen innerhalb der christlichen Welt von großer Bedeutung. Der «Hilfs-Ausschuss für Gefangenen-Seelsorge» war zugleich Produkt und Produzent dieser Verzahnung christlichen Engagements. Seelsorge basierte hierbei, wie nachgewiesen werden konnte, oftmals auf der Kooperation zwischen den in Deutschland aktiven Akteuren und der Integration ausländischer Hilfswilliger. Es entstand so ein Geflecht von Einzelpersonen, zivilgesellschaftlichen Vereinen und staatlichen Strukturen, das für das gesamte Feld der Gefangenenfürsorge als charakteristisch anzusehen ist. Auch wenn die Zusammenarbeit häufig nicht über den Status des Austausches von Ideen hinausging und die Seelsorge nicht selten eine Geschichte des Scheiterns war, zeigt dieses Fallbeispiel auf, dass Kommunikations- und Vernetzungsprozesse auch im Krieg nicht vollständig abbrachen, sondern sich zum Teil erst herausbildeten. Die Beschäftigung mit der Arbeit des «Hilfs-Ausschusses» ermöglichte es schlussendlich, wichtige Verflechtungsaspekte in den Fokus zu rücken, um so den Weltkrieg nicht als eine allein um nationale Kontexte kreisende Geschichte zu erzählen.

**Поляки и русская армия в 1915 г.:
неудавшаяся депортация как средство сплочения нации**

Первая мировая война является рубежом формирования группы независимых государств в Европе. Одним из таких новых образований стала Польша. Ее образование обычно связывают с деятельностью государств участников войны, а также партий, ориентировавшихся на те, или иные державы. В литературе ситуация в Польше освещается только в военном плане, где главным событием является Великое отступление и очищение Привислинского края. Упор делается на трагедии народов Польши, трудности эвакуации, перемещении производства, установлении режима военной диктатуры Германии². Социальные процессы в самой Польше, связанные с уходом России из Польши, остаются в тени. Тем самым, неясным представляется успех политических сил, получивших импульс к борьбе за независимость в ходе Великого отступления и после него. Успех этих сил следует искать в анализе отношений основной социальной группы Польши – польских крестьян с русской армией.

В работе ставится вопрос о влиянии социальной политики армии, включая попытку массовой депортации, в отношении польского

¹ Асташов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. Отв. ред. Дьяков В.А. М., 1993. С. 236; История Польши. М., 1955. Т. II. С. 631-660; *Карнаухов Дм.* Первая мировая война в истории Польши // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память»: моногр.: в 3 кн. / под ред. д-ра ист. наук О.В. Петровской; Рос. ин-т стратегических исследований. Кн.1: «Народы Российской империи». М., 2014. С. 185-215.

населения на расстановку социально-политических сил в ходе эвакуации России с Польского театра военных действий. Работа написана на основе впервые привлеченных архивных материалов, в которых содержатся документы о деятельности военной (РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив) и гражданской (ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации) администрации в русской части Польши в указанный период. Методологической основой анализа является концепция военного приграничья (порубежья) на западных окраинах Российской империи. Во время войны оно характеризовалось активизацией национальных групп, испытывавших влияние противоборствующих армий.

Польша вступила в Первую мировую войну, оставаясь разделенной между тремя империями, находившимися в состоянии противоборства. Война явилась фактором, который могли использовать для восстановления национального целого различные партии Польши при опоре на одного из противников. Но в самой Польше не существовало единства по вопросу о том, с каким из союзников можно строить будущее целое нации. При этом все партии исходили из констатации уникальной ситуации вражды между бывшими странами союзниками по дележу Польши. Казалось, война давала шанс решить этот вопрос.

Властные элиты, умеренно-либеральные партии (Национально-демократическая партия, «эндеки», «угодовцы»), делали ставку на Россию. Победа в войне обещала создание единой демократической Польши в составе обновляющейся России и в союзе со странами Антанты. Пророссийским партиям противостояли левые силы: Польская социалистическая партия (революционно-радикальная, националистического толка во главе с Ю.К. Пилсудским), Польская социалистическая партия-левица (выступавшая против террора, интернационалистического толка, связывавшая освобождение Польши с

успехами революционно-социалистического движения в России), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (реформистская социал-демократическая партия) и Всеобщий еврейский рабочий союз в России Польше и Литве («Бунд») (реформистская, националистическая партия). Одни из них делали ставку на объединении Польши под эгидой Германии, подчеркивая успехи развития Познанской Польши в составе Германской империи по сравнению с Привислинским краем в составе России. Другие группы, леворадикального и националистического толка, делали ставку на Австро-Венгрию, подчеркивая ее успехи в этнической политике в рамках Австро-Венгерской империи. Ситуация осложнялась продолжавшими раздирать Польшу серьезными социальными и этническими противоречиями: между крестьянами и помещиками, между поляками и евреями, между поляками и немцами. При этом все политические силы особенно настойчиво пытались использовать крестьянский фактор в деле объединения польских земель³.

Борьба различных политических сил в период до оставления русской армией Польши имела несколько периодов. Первоначально преобладание на политическом поле имели русофилы, поддерживаемые русской армией и царским правительством. Русофилы настаивали на выгодах для большинства польского населения от принадлежности поляков к Российской империи. Большую роль в этом сыграл манифест главнокомандующего русской армией Николая Николаевича. Царская администрация, армия не жалели средств и сил для ознакомления широких масс с основными идеями Манифеста. В Польском крае, а также в польских землях Австро-Венгрии и Германии, были распространены миллионы листовок с текстом Манифеста⁴. Обычно, этот манифест рассматривается в плане размытых обещаний царской России по

³ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1916. Мн., 2003. С. 435-446.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 7. Л. 71, 91-92, 97, 98, 102, 105, 127.

либерализации политики в отношении поляков, решению Польского вопроса⁵. На самом деле дававшиеся обещания (в деле объединения всех Поляков под скипетром царя, расширения самоуправления, религиозных свобод, реформ в деле образования) были восприняты значительной частью польского общества с воодушевлением. Польская гражданская администрация края была даже удивлена их смелостью. Ее представители порою не верили, что они исходят из официальных кругов России, считали их происками революционной польской пропаганды, в то время как военные власти неуклонно подтверждали действительность намерений России, объявленных в манифестах главковерха⁶.

В русофильской пропаганде подчеркивался социальный характер политики России по отношению к польскому крестьянству, его лучшее экономическое и правовое положение по сравнению с русскими крестьянами. Крестьяне в целом склонялись к русофильству: они давали контингент в царскую армию, позволяли проводить реквизиции на польских землях, распространявшиеся листовки главным образом из Польского королевства не пользовались успехом среди крестьянства. Командование русской армии даже выражало благодарность полякам за их поддержку России, «сердечное отношение» к раненым солдатам, частям русской армии, пробивавшимся из окружения⁷.

Между тем Польша переживала тяжелое время вследствие военных действий и оккупации края. Разорением, причем как вражескими, так и собственными войсками, до конца октября 1914 г. были задето Левобережье, а также уезды Холмской, Люблинской, Ломжинской,

⁵ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004. С. 339.

⁶ Переписка военных и гражданских властей Польского края, август-октябрь 1914 г. // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 182. Л. 7, 14, 18, 46.

⁷ Командующий 4-й армии ген. А.Е. Эверт – Варшавскому генерал-губернатору, 21.10.1914. // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 182. Л. 45; Листовка «Поляки!» // Там же. Л. 43.

Плоцкой, Сувалкской губерний⁸. Имело место уничтожение и расхищение инвентаря, продовольственных запасов. Страну поразила транспортный кризис; отсутствие перевозочных средств привели к дороговизне на продукты первой необходимости; население перешло на картофель⁹. Значительными были и экологические потери: порча почвы, невозможность ее обработки¹⁰. Кроме порчи полей и лишения продовольственных средств население во многих местностях пострадало также от пожаров и действия артиллерийской снарядов. Так в Холмской губ. из общего числа сельских недвижимостей (6650) в разной степени пострадало 1642, в том числе жилых домов 1125. В Люблинской губернии из 16978 домов пострадали 4052, в том числе 2925 жилых. В помощи нуждались 2075000 чел. Общая оценка страховых сумм вследствие убытков от ущерба строениям составляла 22,7 млн. руб.¹¹ В результате жилищного кризиса население ютилось в землянках, скрывалось в лесах, а иногда жило под открытым небом, в траншеях и ямах, образовавшихся от разрывов артиллерийской снарядов¹². В целом в МВД считали, что население Польши поставлено в жилищном отношении в весьма тягостные условия¹³.

Не решался и беженский вопрос, поскольку он уже в октябре 1914 г. был исключен из сферы забот правительства. Считали, что первая волна была больше вызвана паникой перед лицом наступавшего врага. Но с уходом противника население вернулось на «старое пепелище» или, даже рискуя своей жизнью, отказывалось покинуть свои поля. Власти считали

⁸ О положении местностей, бывших на театре военных действий, и о мерах помощи пострадавшему населению. (Печатная записка Главного управления по делам местного хозяйства Министерства Внутренних Дел) (Далее «О положении местностей»), 30.10.1914 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 1об.

¹⁰ Там же. Л. 32-32об

¹¹ Там же. Л. 16об.

¹² Там же. Л. 16.

¹³ Там же. Л. 15об.

вопрос о беженцах предметом благотворительности и не развивали систему мер помощи беженцам. Таким образом, власти прекратили устраивать временные жилища, а также призрение беженцев. Плохое питание, проживание в неблагоустроенных помещениях, скученность населения, при обилии в крае свежих могил, создавали грозный призрак эпидемических заболеваний и требовали неотложных мер, учитывая и охранение здоровья войск. Нельзя забывать, что сельское население Польши почти было лишено врачебной помощи из-за отсутствия в крае земских учреждений¹⁴.

Почти полное прекращение коммерческого грузооборота на железных дорогах привели к параличу промышленности, кроме оборонной ее части. Из общего числа 400 тыс. фабрично-заводских рабочих края оставались работать на предприятиях 50 тыс. чел, причем только от трети до половины рабочего времени¹⁵. Однако власти были против непосредственной продовольственной помощи рабочим средствами казны, опасаясь породить прецедент решения социальных проблем в виде права безработных на призрение. В результате многие рабочие уезжали на село¹⁶. Но и сельское население несло большие убытки в ходе реквизиция противником и своей армией продовольствия, скота, повозок. Кроме того население постоянно жаловалось на задержки с обналичиванием квитанций, или даже их невыдачу и т.п.¹⁷

Власти Польского края, как гражданские, так и военные, включая Петроград, а также общественность на местах оказывали по возможности помощь населению, как только в начале боев в Польше поступили сведения об истреблении неприятельским огнем и поджогами жилищ, живого и мертвого инвентаря, запасов пропитания. Особенно пострадали

¹⁴ Там же. Л. 16, 18.

¹⁵ Там же. Л. 21-22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 1об.

Томашовский уезд, а также Холмская и Люблинская губернии. Именно для помощи населению активизировалась местная польская общественность в лице временного Центрального обывательского комитета для сбора пожертвований (далее: ЦОК)¹⁸. С октября 1914 г. начала оказываться помощь населению, для чего правительство в лице МВД и Главного управления по делам местного хозяйства разработало ряд мер помощи населению. Предполагалось и содействие в этом военных властей¹⁹. Некоторые шаги военных властей носили к тому символический характер. Так имел место возврат контрибуции, наложенной на некоторые города (г. Кельцы и др.) за стрельбу по русским войскам в начале войны²⁰. Для решения вопроса о помощи населению Польши Совет Министров собирался 10 октября, 5 и 30 декабря 1914 г., 6 февраля 1915 г.²¹ Так, весной 1915 г. Совет министров принял решение об отсрочке выплаты платежей по обязательствам в польских губерниях²². А тем временем обострился продовольственный вопрос, для решения которого предполагалось срочно заготовить в Варшаве месячный запас продуктов по крайней мере для половины 6-миллионного населения в 150 тыс. пудов соли, 75 тыс. пудов свиного сала, 2500 тыс. пудов муки, 300 тыс. пудов крупы, всего на 5325 тыс. Но вообще убытки вызванный

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ Переписка министра внутренних дел, главного управления по делам местного хозяйства с начальником штаба Ставки Н.Н. Янушкевичем, 28.10.1914 // Там же. Л. 2-3.

²⁰ Келецкий губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 17.3.1915. // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 220. Л. 9об.; Начальник штаба Верховного главнокомандующего – Варшавскому генерал-губернатору П.П. Енгальчеву // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 220. Л. 4.

²¹ «О положении местностей...» // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 30. Л. 106-106об.

²² Переписка управляющего делами Совета Министров И.Н. Лодыженского с Варшавским генерал-губернатором, 1914-1915 гг. // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 7-11.

войной были огромны, достигали несколько сот млн. рублей что являлось крупной суммой по отношению к расходам на войну на весну 1915 г.²³

В конце 1914 г. на продовольствие населению решено было выдать 6,3 млн. руб. Кроме того, населению на восстановление хозяйства был выделен оборотный капитал в 5 млн. р. в виде кредита. Предполагалось только дать средства для городов для оказания помощи безработным в сумме 5,5 млн. руб. посредством кредита²⁴. Однако оставались не выплаченными страховочные суммы на здания (23 млн. руб.), а обещанные средства на восстановление разрушенных строений (50 млн. руб.) предполагалось выдать не ранее 1 января 1920 г.²⁵ Предоставление зерна для обсеменения полей тоже отодвигалось – на весну²⁶. В целом возмещение потерь от войны ожидалось только с поступлением средств от контрибуции, т.е. после победоносного окончания войны²⁷.

По мере затягивания военного конфликта зимой – весной 1915 г. в стране стали усиливаться антирусские настроения. Подняли голову австрофильские группировки, проводившие пропаганду воссоединения Привислинского края к уже имевшемуся польскому государственному образованию в Галиции для создания Польского королевства. Но главной оставалась проблема отсутствия поддержки крестьянами проектов национального освобождения²⁸. Практически во всех листовках с

²³ Данные В.Ф. Грабского в ЦОК, октябрь 1914 г.; Журнал совещания ЦОК, 6.10.1914 // ГА РФ. 215. Оп. 1. Д. 193. Л. 13-16об.

²⁴ «О положении местностей...» // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 30. Л. 22об.

²⁵ Там же. Л. 72, 83-83об.

²⁶ Там же. Л. 31-32об.

²⁷ Особый журнал Совета министров «Об оказании судной помощи пострадавшему от военных действию населению губерний Царства Польского и прилегающих местностей», 13.1.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 30. 130-141об.

²⁸ Краткий обзор польского революционного движения по 1 августа 1915 г. // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 149. Л. 293об., 301об., 309-309об.

горестью указывалось на пассивность крестьян, т.е. народных масс²⁹. Ситуация, однако, резко изменилась с началом Великого отступления.

На отношение армии к населению оставляемых территорий в ходе «великого отступления» влияли несколько факторов. Прежде всего это необходимость защиты населения, которое считалось «своим» (в Галиции – русины, в Польше – поляки, «христиане»), а также стремление сберечь ресурсы (рабочую силу, урожай, транспорт, скот) от захвата противником. 3 июня 1915 г. главком армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов распорядился выселить лиц крестьянского состояния в призывном возрасте из Галиции в империю, а их семьям «было разрешено» следовать с ними. А уже 6 июня Иванов предписал войсковым начальникам провести полное «очищение местностей», ссылаясь на то, что неприятель забирает в занимаемых местностях все мужское население в войска и на работы. Одновременно работоспособные мужчины и женщины должны были привлекаться к работам за плату. Весь скот, лошадей, запасы продовольствия отбирались у населения и вывозились, или уничтожались. Ставка, однако, не одобрила всеобщего выселения, соглашаясь только на «обязательное выселение всего мужского населения призывного возраста»³⁰. Реально на местах войсковые начальники допускали массу действий, похожих на поголовное выселение. Главковоерху докладывали об уничтожении целых селений, о бессистемности эвакуационных распоряжений, уничтожении частного имущества, в результате чего у населения и войск сложилось впечатление, что принятые меры – репрессии. Такие действия порядили в Галиции «уныние, озлобление и

²⁹ Листовки: «Письмо резервиста к отцу, матери, жене и любимому сыну», «Товарищи и братья крестьяне, обыватели!», «Братья крестьяне», «Товарищи рабочие и крестьяне!» // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 395. Л. 16-18, 25-25об., 30-33.

³⁰ Справка по вопросу о беженцах. Составлена в Канцелярии по гражданскому управлению для начальника штаба главковоерха, июль 1915 г. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 6-6об., 8.

смуту»³¹. В конечном счете, власти были вынуждены полностью прекратить политику выселения в Галиции, поскольку не желали, чтобы население встречало наступавшую Австро-Венгерскую армию как своих освободителей. Однако за пределами Галиции выселение, сопровождавшееся реквизицией ресурсов, продолжалось.

В Польском крае, в зоне действий армий Северо-Западного фронта, сначала события развивались по схожему с Галицией сценарию. Еще 16 апреля 1915 г. начальник Двинского военного округа послал телеграмму губернаторам с требованием вывоза ценностей, продовольственных запасов и скота из пограничной с Пруссией области³². С 9 июня началась эвакуация ресурсов: станков и машин на производствах Левобережья, а также продовольствия, подготовительные работы к эвакуации семей служащих, военнообязанных христиан 18-50 лет³³. В очищаемой полосе разрешалось оставить на каждый двор по 1 голове скота и продовольствия на 2 мес., что означало подготовку к эвакуации всего населения³⁴.

14 июня 1915 г. главком армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев в ответ на запрос начальника 5-й Донской казачьей дивизии Г.М. Ванновского³⁵ согласился на поголовное выселение поляков в районе 2-й армии, т.е. в Варшавской губернии по границе: Кльвов – Поторов – Грабово и Валиска – Яблонна – Грабовская воля и далее до Люблина³⁶. Учитывая предполагаемое огромное количество беженцев,

³¹ Справка по вопросу о беженцах // Там же. Л. 8об.

³² Ломжинский губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 16.4.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 238 л. 6.

³³ Приказ Н.Н. Янушкевича – главному начальнику снабжений Северо-Западного фронта Н.А. Данилову, 10.6.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 12-12об.

³⁴ Н.А. Данилов – П.Н. Енгальчеву, 9.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 2.

³⁵ Г.М. Ванновский – начальнику штаба 2-й армии // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

³⁶ Переписка военных властей 2-й армии и Северо-Западного фронта, июнь 1915 г. // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 2, 11; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 428. Л. 8; ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 24, 25, 26.

предполагалось их отправлять за Днепр³⁷. Одновременно власти призывали в армию молодежь от 17 до 21 года; всех военнообязанных мужчин до 60 лет принудительно зачисляли в рабочие роты в качестве ратников второго разряда³⁸. Только в Варшаве таких лиц (т.е. военнообязанных, а также мужчин трудоспособного возраста) было не менее 200 тыс. чел³⁹. Кроме того, полным ходом шла реквизиция продовольствия, причем теперь уже разрешалось оставить продуктов только на 2 недели, что означало продолжение подготовки населения к депортации⁴⁰.

Подобная политика русской армии породила панику, слухи, «общее смущение», «ужасный переполох»⁴¹ не только в польском населении, но и среди должностных лиц. Это значительно отличалось от ситуации лета-осени 1914 г., когда крестьяне, духовенство, помещики старались содействовать армии в борьбе против немецкого наступления, чувствовалось единогласное желание отеснить врага и помогать войскам. Тогда армия в лице командующего 4-й армией ген. А.Е. Эверта даже издавала особые приказы, выражавшие благодарность населению. Теперь же положение совершенно переменялось; чувствовалось плохо скрываемое нерасположение к войскам, горькая обида на них. Ситуация осложнялась, кроме массового исхода беженцев, которых никто не кормил, наличием шедших гоном тысяч голов скота, и все это при жаре,

³⁷ ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 28.

³⁸ Справка по вопросу о беженцах, 14.6.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42; Командующий 2-й армией – Главкому армиями Северо-Западного фронта, 14.06.1915 // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 428. Л. 14.

³⁹ Варшавский губернатор – П.Н. Енгальчеву, 18.6.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 9-10об.

⁴⁰ Распоряжение главкома армиями Северо-Западного фронта командующему 2-й армией и его помощникам, 22.6.1915// РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 428. Л. 69.

⁴¹ Главному начальнику снабжений от присяжного поверенного А.Б. Хражановского, докладная записка, июнь, 1915 г. // Там же. Л. 8.

создававшей обстановку развития болезней⁴². Очищение территории сопровождалось полной реквизицией, включая самовары, кастрюли, спиртные машинки, дверные ручки, серебряные подсвечники, причем часто без выдачи квитанций. В этой ситуации население, общественность проявляли открытое нежелание покидать свою землю, даже перед лицом применения силы. Это впечатление было донесено до Варшавского генерал-губернатора его помощником сенатором Д.Н. Любимовым после личного посещения 18-19 июня Ивангорода, Люблина и Холма. Такой настрой населения власти объясняли «органической и страстной привязанностью польского крестьянина к своей земле», «директивами» польских националистов, а также и «искусной пропагандой Германских эмиссаров», и, наконец, верой поляков в Верховного главнокомандующего, который, по их мнению, повелел не подвергать польское население принудительному выселению⁴³.

Впервые условия русской оккупации задела за живое польских крестьян. Начался массовый саботаж планов по депортации польского населения. Основной тактикой польских крестьян стал уход из рабочих рот, возвращение к себе на родину, защита собственного жилья и семьи, уход в леса в случае попыток нового насильственного набора в рабочие роты и т.д. Предложения применить войска, доставлять крестьян в рабочие роты под конвоем начальство применить не осмелилось, опасаясь массовых волнений⁴⁴. Власти видели неэффективность рабочих отрядов, что вызывалась главным образом положением семей, оставшихся брошенными после ухода мужей, отцов и сыновей или в случае мобилизации или добровольного ухода в такие отряды. С другой стороны,

⁴² Сенатор Д.Н. Любимов – Варшавскому генерал-губернатору // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 254. Л. 45.

⁴³ Варшавский губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 1.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 30-40.

⁴⁴ Доклад сенатора Д.Н. Любимова – Варшавскому генерал-губернатору, 21.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 254. Л. 45-46об.

мужчины прибегали к ухищрениям, чтобы избежать разделения с семьей в переживаемое опасное время. Все это вызывало недовольство среди поляков⁴⁵. Умеренные круги польской общественности в лице Центрального общественного комитета, не были против принесения «жертв» для общего дела обороны. Однако ЦОК требовал сведения полосы, предназначенной для эвакуации, до меньших размеров, необходимых по стратегическим соображениям, полного обеспечения возмещения убытков и содержания эвакуированного населения, своевременного осведомления населения о порядке и ходе эвакуации, наконец, точного и гуманного исполнения установленного порядка⁴⁶.

20 июня 1915 г. ввиду всеобщего недовольства главный начальник снабжения Северо-Западного фронта Н.А. Данилов сообщил о повелении главкома фронта о замене принудительного поголовного выселения принудительным трудом при добровольном выселении⁴⁷. Для регулирования вопросов депортации населения и одновременной реквизиции ресурсов в Ставке 23 июня прошло совещание по вопросам «очищения войсками отдельных местностей». Оно выступило против массовой депортации населения, а также против принудительного формирования рабочих рот. Вместо этого населению было предложено добровольно вступать в рабочие команды. Вступающих в них лиц было решено считать в ополчении, освободив их таким образом от призыва в военную службу. Было также решено выдавать им обычную зарплату за вычетом лишь стоимости их довольствия⁴⁸. Команды (около 1 тыс. чел. в каждой как правило из жителей одной гмины) организовывались насильно по приказу военных властей, но реально – через гражданские власти

⁴⁵ Начальник канцелярии по делам гражданского управления – начальнику штаба главковерха, 25.9.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 17об.

⁴⁶ ЦОК – Н.А. Данилову, 15.6.1915 // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 428. Л. 5-5об.

⁴⁷ Н.А. Данилов – командующему 2-й армией В.В. Смирнову, 20.6.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 11.

⁴⁸ Справка по вопросу о беженцах // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 8-9.

(полицию, присланную из губерний, захваченных неприятелем). Команды назначались для постройки укрепленных позиций, дорог и на другие работы по назначению военного начальства. Рабочие в командах снабжались усиленным пайком (2,5 фунтов хлеба, 0,5 фунта мяса, а также салом, маслом и т.д.) и получали за работу оплату⁴⁹.

Власти в Варшаве рано радовались, полагая, что населения Люблинской и Варшавской губерний стало «успокаиваться» после указов о прекращении принудительного выселения⁵⁰. Введение добровольных рабочих команд вместо принудительных рабочих рот был истолкован населением как уловка, чтобы все-таки выселить через рабочие команды и призванных в армию мужское население, в предположении, что за ними уйдет и семьи. Особенно возмущало призыв к вербовке в рабочие команды для рытья окопов, что автоматически означало выселение населения за линию обороны русских войск, так называемый «сдвиг населения». Ответом явилось не только массовое уклонение от рабочих команд, но и саботаж любых оборонительных работ с участием польского крестьянского населения. Попытки гражданской администрации обеспечить необходимое количество рабочих на окопах вызывало «непреодолимые затруднения»⁵¹. Особенно опасным казалось применить меры принуждения для высылки окопных рабочих из Варшавы с ее миллионным населением⁵².

С конца июня и весь июль вплоть до ухода русских войск резко усилилась пропаганда партий, особенно левого толка, против ухода населения из Польши. В листовках поляков призывали «замедлять и затягивать эвакуацию», всеми силами уклоняться от записи в рабочие

⁴⁹ Н.А. Данилов – В.В. Смирнову, 19.6.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 44-47.

⁵⁰ Д.Н. Любимов - П.Н. Енгальчеву, 25.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 41.

⁵¹ Варшавский губернатор – начальнику штаба 2-й армии, 7.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 70.

⁵² Варшавский губернатор П.П. Стремоухов – Варшавскому генерал-губернатору, 1.7.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 253. Л. 79.

команды, исходя из того, что «лучше уж погибнуть на собственной земле», но не участвовать в оборонительных действиях на пользу русской армии⁵³. В листовке, направленной рабочим, заявлялся протест против реквизиции и эвакуации польских предприятий как способа разрушения польской промышленности, предлагалось всячески уклоняться от записи в рабочие команды и т.д.⁵⁴ В другой листовке, адресованной «полякам», призывалось в массовом порядке сопротивляться мобилизации, забаррикадироваться в домах, «превратив каждый дом в крепость»⁵⁵.

В ответ на партийную пропаганду поляки всячески уклонялись от выселения, вплоть до дачи взятки, чтобы не выселяться⁵⁶. В результате военным властям не удавалось очистить Левобережье, чтобы было важно для организации эффективной обороны. Варшавский губернатор утверждал, что «добровольно население из этого района не уйдет». Применять же войска для принудительного выселения Левобережья власти опасались⁵⁷. Но особенно острая ситуация сложилась в Варшаве. Власти не могли даже организовать призыв военнообязанной молодежи. Молодые варшавяне, следуя широко распространенным патриотическим убеждениям, скрывались на чердаках, подвалах, отказываясь идти на призывные участки. Варшавский полицеймейстер сообщал, что призыв в армию можно осуществить, только введя в город несколько войсковых частей. Таким настроением в Варшаве способствовало развязанная практически всеми печатными изданиями пропаганда против ухода из города 100 тыс. поляков призывного возраста даже перед угрозой немецкой оккупации. Дополнительные сомнения администрации рождала

⁵³ Прибавление к журналу «Неподлеглость», 10.7.1915 // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 149. Л. 404.

⁵⁴ Листовка «Рабочие», июль 1915 // Там же. Л. 407-407об.

⁵⁵ Листовка «Поляки!», июль, 1915 // Там же. Л. 406.

⁵⁶ Холмский губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 24.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 36.

⁵⁷ Варшавский губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 1.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 30-40.

опасность еврейского засилья в случае массовой эвакуации поляками Варшавы⁵⁸. Именно сопротивление польских крестьян трудовой мобилизации не позволило решиться организовать такую же среди городского населения, особенно из Варшавы⁵⁹.

Большое возмущение вызывала и продолжавшаяся реквизиция сырья, материалов, вплоть до кастрюль⁶⁰. В конце июня фактически продолжалось массовое изгнание поляков, которые многими тысячами стали прибывать в Смоленск⁶¹. Был и антиеврейский аспект в деле депортации. Поляки были недовольны, что при их депортации выиграют евреи: они чувствуют себя хозяевами положения; их никто не трогает; им предоставляется полная свобода оставаться или уходить и вывозить все, что они пожелают; в рабочие команды их также не предположено брать. Все это вызывало зависть и протесты христианского населения⁶².

Несмотря на объявление о прекращении принудительного выселения поляков, продолжало поступать множество сообщений о насилии армии над жителями. Командование на самом высоком уровне требовало от личного состава армии и других лиц, принадлежащих к ней, прекращения насилий над местными жителями и их имуществом⁶³. События, связанные с реквизицией и фактическим выселением поляков, вызвали попытки успокоить польское население. Военное командование в распространенных приказах и обращениях с одной стороны признавало

⁵⁸ Варшавский обер-полицмейстер – помощнику Варшавского генерал-губернатора, 24.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 253. Л. 51об.

⁵⁹ Варшавский губернатор 371/1 – начальнику штаба 2-й армии, 7.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 70-71.

⁶⁰ Д.Н. Любимов – Варшавскому генерал-губернатору, 21.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 254. Л. 46-47.

⁶¹ Смоленский губернатор – Варшавскому генерал-губернатору, 29.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 34.

⁶² Д.Н. Любимов – Варшавскому генерал-губернатору, 21.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 254. Л. 46об.

⁶³ Приказ войскам 2-й армии № 446, 7.7.1915; Приказ Верховного главнокомандующего № 523, 26.6.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 54-54об.

степень недоброжелательного отношения нижних чинов по отношению к полякам, а с другой стороны выступало против распространения слухов среди населения, заверяя, что в целом армия действует для защиты местного населения перед лицом врага⁶⁴. Командование 2-й армии, занимавшей Варшавскую губернию, даже сделало специальное обращение к личному составу с напоминанием, что «польское население – наши родные братья, страдающие от невзгод войны», а армия имеет целью «защиту интересов местного польского населения»⁶⁵. И далее в июле главком Северо-Западного фронта продолжал напоминать о запрете удаления населения из оставляемых районов и уничтожении строений и имущества жителей, за исключением случаев, вызванных боевой обстановкой⁶⁶. Но даже в августе продолжались случаи выселения поляков силами казачьих разъездов и обозных отрядов, в связи с чем командующий 2-й армией еще раз предписал прекратить подобную практику⁶⁷. Продолжались до последних дней нахождения русских войск в Польше и многочисленные акты неоправданного сожжения имущества, вплоть до «озорства». На это обратили даже внимания в Министерстве внутренних дел⁶⁸.

Недостаточное исполнение приказов командования в отношении населения питалось скрытым саботажем со стороны корпусного и даже армейского (2-й армии) командования, которые настаивали на своих правах (на основании ст. 507 Положения о полевом управлении войск в военное время) по выселению населения в районе занимаемых позиций как «безусловно необходимым и неизбежным». На это командование

⁶⁴ «Оповещение» по 2-й армии, 7.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 55-58.

⁶⁵ Там же. Л. 56-57.

⁶⁶ Д.Н. Данилов – В.В. Смирнову, Н.П. Енгальчеву, 9.7.1915 // Там же. Л. 63.

⁶⁷ Циркуляр начальника штаба 2-й армии М.Ф. Квещинского по корпусам и дивизиям армии, 12.8.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 159-161.

⁶⁸ Распоряжение главного начальника снабжений Н.А. Данилова – командующим 1-5, 10-й, 12-й и 13-й армий, 15.8.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12; Телеграмма Щербатова главкомверху, 20.8.1915 // Там же. Л. 192.

фронта требовало неуклонного исполнения указаний начальства⁶⁹. Но и далее до главкома доходили сведения, что войска не исполняют «категорическое приказание» о запрете удалять население с его мест жительства. При этом командиры корпусов в свою очередь вновь настаивали на необходимости удаление жителей в полосе от боевой позиции до линии расположения штабов в качестве меры противодействия «шпионажу» и стеснения расположения войск и организации его отхода⁷⁰. Но, с другой стороны, начальник штаба 2-й армии уверял, что «никаких принудит мер по выдворению населения из оставляемых восками местностей не делается и всякие насилия отдельных нижних чинов строго караются. Жители бегут сами из страха перед немцами»⁷¹.

Итогом такой тактики был «массовый сдвиг населения», когда семьи при приближении неприятеля уходили на восток в надежде соединиться с мужчинами⁷². С другой стороны вопрос о призыве ратников и об организации рабочих команд, возбужденный еще в июле, был отклонен Петроградом, поскольку это предполагало введение обязательного обеспечения семей призванных. Добровольно же в рабочие команды шло самое ничтожное количество мужского населения. В результате провала в целом принудительной и добровольной мобилизации через рабочие отряды мужского населения призывного и рабочего возрастов, власти приняли в августе решение вообще оставить поляков, как и евреев, в очищаемых районах. Однако часть населения все же ушла вглубь страны вслед за добровольцами в рабочие роты 18-45 лет, и в

⁶⁹ Переписка В.В. Смирнова с Н.А. Даниловым, 9, 13.7.1915 // РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 12. Л. 67, 68.

⁷⁰ Переписка Н.А. Данилова с армейским и корпусным командованием, июль 1915 г. // Там же. Л. 127, 129, 130.

⁷¹ Начальник штаба 2-й армии М.Ф. Квецинский – начальнику штаба Северо-Западного фронта А.А. Гулевичу, 25.8.1915 // Там же. Л. 228.

⁷² Журнал совещания, состоявшегося в Ставке 1 октября 1915 г. по вопросу о перевозке беженцев и эвакуированных грузов // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 521.

качестве ратников 1-2 разрядов, также поступивших в рабочие роты на все время пребывания в этих ротах, освобождаясь таким образом от призыва на службу в ополчение. Т.е. поляки составили вторую по количеству группу беженцев – 351 тыс. в конце 1916 г. и 483 тыс. в начале 1917 г. (13,4-15,5% от всего количества беженцев)⁷³. Еврейское население принудит выселению предположено было не подвергать и в рабочие роты не принимать⁷⁴. Тем самым частично была воплощена в практику идеи об оставлении евреев за пределами страны, даже путем оставления собственной территории, что приветствовалось в правой печати⁷⁵.

Опыт насильственной депортации и сопротивление ему сыграли большую роль в подъеме национального польского движения. Впервые большинство польского населения, а особенно его главной, крестьянской массы, сплотилось на почве отказа покидать родину. Сопротивление попыткам массового выселения стали почвой для сплочения подавляющего большинства поляков на идеях независимости, вообще резко политизировали страну. Накануне ухода русской армии из Польши блок социалистических партий взял перевес в общеполитическом раскладе, при этом еще более стал склоняться к общему движению «независимых» организаций, т. е. вооруженной борьбе за независимость Польши⁷⁶. В этом и состоял главный итог взаимоотношений русской армии и основной массы населения польского крестьянства.

Сопротивление депортации, национальный подъем в Польше резко увеличили ее вес на международной арене, а также в самой России, где

⁷³ *Нам И.В.* Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 279.

⁷⁴ Н.А. Данилова – П.Н. Енгальчеву, 24.6.1915 // ГА РФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 249. Л. 37.

⁷⁵ Военная цензура и еврейский вопрос // ДПОО. 1916. Оп. 245. Д. 334. Т. 2. Л. 337.

⁷⁶ *Лемке М.К.* Указ. Соч. С. 437.

польское общественное мнение теперь было проявляло большую требовательность в отношении продолжавшихся даваться Петроградом обещаний решения польского вопроса.

В точки зрения логики депортаций сыграла свою роль неуверенность командования во время попыток депортации немцев-колонистов и евреев. Тем менее было возможно осуществить депортацию дружественного «христианского» населения на театре военных действий, где реванш русской армии казался вполне возможным.

Эта же логика отказа от решительных действий по отношению к населению, пользовавшегося как военной, международной или собственно патриотической силой, привела к легкости фактической депортации «своего» населения – белорусов и литовцев. Здесь сыграла апробация приемов депортации именно во время безуспешной попытки в Польском крае.

**Граждане Германии в Прибалтике:
государство и частные инициативы (1914-1917 гг.)²**

История интернирования гражданских лиц в годы Первой мировой войны в отечественной и зарубежной историографии рассматривается преимущественно как часть политики воюющих государств³. Положение граждан государств-противников, оказавшихся в силу различных обстоятельств на вражеской территории регулировалось рядом самых разнообразных законодательных норм. И именно правовые аспекты проблемы и деятельность административных структур привлекают

¹ Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914 – 1917 гг.» (№ 19-59-12006).

³ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914 – 1917 гг. Москва, 2015. С. 107–119; *Кириллов В.М.* Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2 (29). С. 88–97; *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. Москва, 2012. *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав»: Депортации в России 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42; *Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника: Интернирование части жителей Восточной Пруссии, Галиции и Буковины в 1914 – 1915 гг. // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 60–69; *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург, 2004; *Stibbe M.* The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of the International Committee of the Red Cross // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. №. 1. P. 8; *Stibbe M.* Enemy Aliens, Deportees, Refugees: Internment Practices in the Habsburg Empire, 1914 – 1918 // Journal of Modern European History. 2014. Vol. 12. № 4. P. 479–499.

внимание исследователей. Но при этом остается открытым вопрос об отношении общественности к интернированным в различных государствах. Наиболее исследованной в настоящий момент является деятельность организаций Красного Креста, но нельзя забывать, что она была преимущественно нацелена на помощь военнопленным и беженцам⁴. Исключением является работа И.Б. Беловой, рассмотревшей в своей монографии проблемы «гражданского плена» в Центральной России⁵. Также исследователи обращают внимание на помощь интернированным со стороны посольств США и Швеции. Российский опыт на данный момент является наименее изученным, особенно применительно к отдельным регионам, а имеющиеся исследования рассматривают административно-правовые аспекты проблемы. Поэтому небезынтересным представляется установить, существовала ли в Российской империи в годы Первой мировой войны общественная поддержка «неприятельских подданных» в Прибалтийских губерниях и, если существовала, то в каких формах она реализовывалась.

Законодательство о «неприятельских подданных» в начале войны: правила и исключения

К началу войны правовой статус немцев, подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших на территории Прибалтийских губерний регулировался законом «О состояниях», согласно которому иностранцы получали от местных властей разрешение на проживание, к через пять лет имели право на российское гражданство⁶. Министерство внутренних дел

⁴ *Нагорная О.С.* Военный плен Первой мировой войны: традиции «Прекрасной эпохи» и тенденции «Тотальной войны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 1. С. 107-119; *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmaechte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005.

⁵ *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты. Беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925. М., 2014. С.143-157.

⁶ Свод законов Российской империи. Т. IX. Санкт-Петербург, 1899. С. 839, 842, 855.

рассматривало прошения о приеме в подданство. При положительном решении МВД иностранец присягал на верность Российскому государству и становился подданным империи.

Но можно было по-прежнему оставаться в статусе иностранца «водворенного в империи», поэтому проживавшие в Прибалтийских губерниях немцы имели как российское, так и германское, и австрийское гражданство. Нередко различное гражданство имели члены одной семьи или близкие родственники. Часть, сохраняя иностранное гражданство, прожив в России более пяти лет, имела право ходатайствовать о получении российского подданства, но не пользовалась этим правом.

С началом войны граждане государств, вступивших в противоборство с Российской империей, стали именоваться «неприятельскими подданными», лишались прав, предоставляемых иностранцам, лица призывного возраста включались в число военнопленных, а их положение регулировалось новыми законодательными и нормативными актами.

Летом 1914 г. издаются первые распоряжения, касавшиеся граждан Австро-Венгрии и Германии, проживавших в Прибалтийских губерниях. Член Совета министра внутренних дел Н.П. Харламов в своем докладе в сентябре 1914 г. отметил, что первым стал приказ командующего 10-й армией генерала А.Е. Эверта от 22 июля 1914 г. «О выселении всех германских и австрийских подданных», предписывавший «употребить силу в случае отказа выехать добровольно»⁷.

Это категорическое требование уже через несколько дней смягчила циркулярная телеграмма товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского от 29 июля 1914 г. В ней, хотя и подчеркивалось, что все австрийские и германские подданные от 18 до 45 лет являются военнопленными, должны быть высланы в отдаленные губернии, но при

⁷ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 248. Л. 12об.

этом говорилось, что те из них, чья благонадежность и лояльность сомнению не подлежат, могут «с согласия военного начальства оставаться на свободе... [под] наблюдением полиции с отображением подписки [о] не выезде». Оговаривалось, что «больные и неспособные к военной службе» также «аресту и высылке не подлежат»⁸. Но им запрещался выезд за границу, чтобы не допустить вступления австрийских и германских граждан на службу во вражеские армии⁹.

После отдельных распоряжений о «неприятельских подданных» был опубликован первый общеимперский законодательный акт – указ Николая II Сенату «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» от 28 июля 1914 г. На основании этого документа местные власти получили право высылать подданных государств-противников «как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области»¹⁰.

Включение «неприятельских подданных» в категорию военнопленных и соответственно передача работы с ними в ведение Военного министерства вызвала возражения военного ведомства и летом - осенью 1914 г. была признана нерациональной. С этого момента гражданами Германии и Австро-Венгрии стали заниматься полиция, жандармерия и губернские правления Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний.

Число «неприятельских подданных», подлежащих высылке в качестве военнопленных было значительным и на заседаниях Совета министров в июле 1914 г. обсуждался вопрос о сокращении числа «неприятельских подданных» за счет исключения из их состава славян и

⁸ Там же. Д. 233. Л.1.

⁹ Там же.

¹⁰ Известия Министерства иностранных дел. Кн. I. Петроград, 1915. С. 71, 72.

чехов по национальности, предоставления льготного порядка получения российского гражданства для германских и австро-венгерских подданных из числа «различных мирных обывателей». Члены Совета министров решили допускать переход в русское подданство «по ходатайству» для лиц, которые «безусловно заслуживают доверия и стремятся приобрести права русского гражданства по искреннему убеждению, а не по побуждениям выгоды и сознания безвыходности своего положения... следует учитывать и степень полезности данного лица в качестве владельца... предприятия, либо специалиста...»¹¹. Таким образом определялась возможная роль граждан империи в поддержке «вражеских подданных»: выступать в качестве ходатаев, подтверждая их преданность России.

Ходатайства российских граждан о «неприятельских подданных»

Хотя в августе 1914 г. часть германских и австрийских подданных получила право выезда за границу, но не все спешили им воспользоваться. Значительная часть обращалась с прошениями в губернские администрации. К прошениям прилагались ходатайства различных лиц, которые безусловно, можно рассматривать как одну из форм помощи «неприятельским подданным».

Так, 31 июля (13 августа) газета «Прибалтийский край» опубликовала сообщение о том, что «благодаря разного рода ходатайствам» в Риге будут оставлены 20 германских подданных, служащих завода «Проводник»¹².

Возможность для подачи прошений и исключения из общих правил сохранилась и после расширения числа «неприятельских подданных» законом 2 февраля 1915 г. Лица, получившие российское гражданство после 1880 г. и отнесенные законом 2 февраля 1915 г. в категорию

¹¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 72. Л. 114.

¹² Прибалтийский край. 1914. 31 июля (13 авг.). С. 3.

«неприятельских выходцев», подлежали высылке, конфискации земель. Но они имели право подавать прошения через Совет министров. Просители обращались с просьбами об отмене репрессивных мер, сопровождая их ходатайствами различных лиц, занимавших административные посты, представителей предпринимательских кругов и даже императорской фамилии. Так, весной 1915 г. в Совет министров обратился действительный статский советник Ф. Утемен с просьбой исключить его из сферы действия закона 2 февраля 1915 г. К его прошению прилагалось письмо министра финансов П.Л. Барка, лично знавшего Утемена¹³ Анализ ходатайств показывает, что не всегда даже поддержка известного лица давала желаемый эффект. Например, в августе 1916 г. было отклонено прошение А. Гаука, поддержанное товарищем министра внутренних дел князем В.М. Волконским. Но зато удостоилось поддержки ходатайство Д. Кюнера, отца которого лично знал великий князь Николай Михайлович¹⁴.

После принятия закона 2 февраля 1915 г. продолжали поступать прошения о приеме в российское подданство. Просители также предоставляли рекомендации и ходатайства отдельных лиц. Министр внутренних дел Н. Маклаков 19 февраля 1915 г. представил в Совет министров список 22 лиц, которых он «в виду исключительных обстоятельств... полагал бы возможным принять в подданство России, в изъятие из общих правил". В список были включены 15 германских, 6 австрийских и 1 персидских подданных. За германских подданных ручались Петроградский градоначальник, Московский градоначальник, Харьковский губернатор, Эстляндский губернатор и др. В большинстве случаев это были преподаватели гимназий, врачи¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 72. Л. 114.

¹⁴ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 18. Л. 100-140.

¹⁵ Там же.

Анализ ходатайств в поддержку «неприятельских подданных» в России показывает, что организованная массовая поддержка силами российских общественных организаций и отдельных лиц не велась. «Неприятельские подданные» получали помощь родственников, знакомых, сослуживцев, иностранных миссий и посольств.

Право местной губернской администрации делать исключения для отдельных «неприятельских подданных» на основании рекомендаций третьих лиц в Прибалтийских губерниях в начале войны вело к злоупотреблениям.

В рапорте товарища министра внутренних дел Джунковского от 20 сентября 1914 г. говорилось, что разрешение остаться в Лифляндской губернии получили 600 человек, относившиеся к числу «людей богатых, что породило весьма невыгодные для администрации толки»¹⁶.

Осенью 1914 г. деятельность Лифляндской губернской администрации подверглась специальной проверке Министерства внутренних дел, которую провел член Совета министра внутренних дел Харламов. Во время проверки им было выявлено более 100 человек, оставленных по распоряжению губернатора Н.А. Звегинцева. Все они, по уверениям последнего, были «лично ему известны с наилучшей стороны». Но, по мнению Харламова, такое объяснение выглядело сомнительно в отношении «рабочих..., служащих магазинов..., музыкантов, официантов..., которые, очевидно, в числе знакомых гофмейстера Звегинцова не состоят»¹⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что разрешение Совета министров и МВД ходатайствовать за «неприятельских подданных» в начале войны в Прибалтийских губерниях применялось по-разному, став не только возможностью сохранять лояльных немецких граждан,

¹⁶ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 12.

специалистов на прежнем месте жительства, но и источником коррупции. Во многом это было связано с тем, что порядок ходатайств за германских граждан никак не был оформлен. Циркулярные распоряжения предусматривали эту возможность, но никак ее не детализировали. Поэтому оценка ходатайств в Совете министров также была весьма субъективной.

Общественные организации и благотворительная помощь «неприятельским подданным»

Выше говорилось о том, что российская общественность не занималась целенаправленной организацией помощи «неприятельским подданным». В губерниях Центральной России, где проживали высланные германские и австро-венгерские подданные, испытывавшие нужду, практиковались обращения в иностранные консульства от имени местных администраций с просьбами о пособиях. Так, калужский губернатор в августе 1915 г. обращался с просьбой о выдаче им пособий в американское консульство¹⁸. В Прибалтийских губерниях такие ситуации, судя по доступным на данный момент источникам, не наблюдались. Но там, несмотря на ликвидацию в начале войны немецких обществ, продолжали действовать общественные организации под эгидой Красного Креста, оказывавшие помощь военнопленным. В Ревеле существовала легальная организация – Местный комитет Евангелического полевого лазарета Российского общества Красного Креста, занимавшаяся помощью германским и австрийским военнопленным. Также, по данным Департамента полиции, имел место сбор частных пожертвований в Риге, Ревеле в пользу военнопленных немцев и австрийцев. Эту помощь организовывали немцы – жители прибалтийских городов – и подвергались преследованиям со стороны полиции. Так, в феврале 1915 г.

¹⁸ Белова И.Б. Указ. соч. С. 146.

была арестована и выслана из Прибалтики группа студентов, занимавшихся сбором денег и вещей для военнопленных. В документах Эстляндского губернского жандармского управления говорилось, что при обыске у одного из участников группы студента Юрьевского университета был найден документ, указывавший на то, что сборы в пользу немцев и австрийцев – военнопленных – ведутся по всем Прибалтийским губерниям, также «в документе... описывается положение военнопленных германцев и австрийцев и предлагается примкнуть к организации по оказанию им помощи, центрами каковой уже являются, как указано в письме, Юрьев, Ревель и Рига»¹⁹. Такие действия со стороны прибалтийских немцев рассматривались как нарушение военного положения и карались высылкой в Сибирь. Примечательно, что в российских губерниях «неприятельские подданные» получали помощь земских учреждений и губернских структур. В Прибалтике организация такой помощи осложнялась тем, что органы самоуправления находились под эгидой прибалтийского немецкого дворянства и любая их деятельность в этом направлении могла рассматриваться не как благотворительность, а как помощь противнику.

Депутаты государственной Думы о гражданских правах «неприятельских выходцев»

После принятия закона 2 февраля 1915 г. круг немцев, подвергавшихся высылке, лишению собственности, занимаемых должностей, расширился. К их числу были отнесены лица, получившие российское подданство после 1880 г. В отличие от прибалтийских немцев – граждан Германии, они занимали посты на государственной службе, преподавали в гимназиях, подведомственных министерству народного просвещения, владели крупной земельной собственностью. Отношение к

¹⁹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 63. Д. 9. Л. 2-3.

ним со стороны российской общественности было различным и, если поддержка «неприятельских подданных» с думской трибуны была практически исключена, то отношение к «неприятельским выходцам» отличалось. Отдельные представители либералов и социалистов высказывались за соблюдение гражданских прав этой части населения. Объектом думской полемики начиная с лета 1915 г. стал вопрос о немцах-колонистах и немецком землевладении в целом.

На страницах органа партии кадетов газеты «Речь» в 1915 г. прозвучал призыв соблюдать гражданские права немцев. «Мы далеко не сторонники пресловутых мер экспроприации русских граждан германского происхождения», – было напечатано в передовой статье. Также либералы, в частности П.Н. Милюков, высказались за сохранение немецкой земельной собственности. На заседании Государственной думы, критикуя деятельность министра внутренних дел А.Н. Хвостова, 4 марта 1916 г. он назвал борьбу с «немецким засильем» «походом на окраину», которая ранее кормила хлебом Россию, а теперь «она поставлена в такое положение, что ее придется кормить хлебом из других областей». Колонистов выселяют, а «население, которое гонят, - заявил Милюков, - не может заниматься хозяйством»²⁰. Он призывал не допускать экспроприации земель немцев-колонистов, чтобы не создавать прецедента, который может привести к ликвидации частной собственности на землю. Это вызвало реакцию правых, заявивших, что Милюков «защищает от экспроприации крупного землевладельца немецкого происхождения»²¹.

Социалисты-революционеры, а с ними и «трудовики» в Государственной думе, уже летом 1915 г. встали на защиту немцев-

²⁰ Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв. Сессия IV. Стб. 2806.

²¹ *Смирнов С.* Немецкое землевладение и г. Милюков // Русская будущность. Пг. 1916. № 15. С. 5.

колонистов. От имени «трудовиков» А.Ф. Керенский заявил в Думе о несправедливости изъятия земли у немецкого крестьянства, полтора века живущего в пределах России: «Мы принудительного отчуждения у бедных тружеников не допустим... Под видом патриотических законопроектов проводят новеллы, разжигающие темные страсти, направляющие одну бедноту на другую... Вы, которые стоите за принцип священной частной собственности, в действительности хотите провести закон о принудительном отчуждении трудовых земельных участков у колонистов-крестьян... Вы являетесь разрушителями не только принципа частной собственности, но даже основ права и справедливости»²².

Эсеры и «трудовики» рассматривали «неприятельских выходцев» как представителей крестьянства, на защиту интересов которого была нацелена их политическая программа.

Но, несмотря на выступления в поддержку «неприятельских выходцев», в Государственной Думе не было единства по этому вопросу. Более того, значительная часть депутатов стабильно высказывалась в пользу борьбы с «немецким засильем».

От имени фракции земцев-октябристов Д. П. Капнист заявлял, что «борьба с немецким засильем необходима, необходима и ликвидация немецкого землевладения»²³. Немецкое землевладение представлялось думскому большинству опасным не само по себе, а потому что «выходцы являются частью обширного целого, именуемого колониями, проникнутыми духом обособленности от русской жизни и всенемецкими тенденциями»²⁴.

* * *

²² Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. М., 1917. С. 89.

²³ Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв. Сессия IV. Стб.3019.

²⁴ Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 70.

Выселение граждан Германии и Австро-Венгрии из трех губерний Прибалтийского края в начале Первой мировой войны сопровождалось отсутствием единой нормативной базы и четких представлений об организации этого процесса как на уровне Совета министров, так и губернских администраций и военных властей. Положение немецких граждан не только в Прибалтике, но и в Российской империи в целом, их участие в общественно-политической, экономической, культурной жизни государства, не позволяло принимать однозначно репрессивные решения в их отношении. Уже первые инициативы гражданских властей, начиная с Совета министров и Министерства внутренних дел, сводились к тому, что возможны исключения из общих правил для наиболее благонадежной части германских граждан. Российская администрация своими распоряжениями поощряла ходатайства российских граждан за «неприятельских подданных», которые становились дополнительным аргументом в пользу последних. Наибольшую роль ходатайства имели при получении российского подданства германскими гражданами. Наименьшее значение они имели в случаях, когда принимались решения о высылке в отдаленные местности. Социальный состав лиц, которые ходатайствовали за «неприятельских подданных» был весьма разнообразным, начиная от великих князей до членов правлений заводов. Важное значение имел статус лица, обращавшегося с ходатайством.

Право губернских администраций, предоставленное циркулярами министерства внутренних дел, оставлять австрийских и германских подданных на прежнем месте жительства на основании их прошений, ходатайств третьих лиц и по личным распоряжениям губернаторов породило сомнения в «чистоте намерений» должностных лиц, вызвало специальных проверки МВД в Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниях, привело к обвинениям губернской администрации в служебных нарушениях.

Думская общественность довольно скупно высказывалась в поддержку немцев. Только кадеты и социалисты с думской трибуны высказывались в защиту «неприятельских выходцев».

Помощь «неприятельским подданным» в годы Первой мировой войны в России не носила организованного характера. Имела место поддержка отдельных лиц. Также помощь могли оказывать немецкие по сути организации, действовавшие под эгидой евангелическо-лютеранской церкви и Красного Креста. Но помощь немцам со стороны российских немцев на территории Прибалтийских губерний рассматривалась жандармскими органами как нарушение военного положения и связь с противником. Это заставляло германских граждан прибегать к помощи иностранных миссий, обращаться в посольства и консульства Швеции, Дании, Норвегии и других государств с просьбами о пособиях, получении гражданства.

В целом, говоря о содействии российской общественности германским гражданам, на основании выявленных в настоящий момент документов из РГИА и ГА РФ можно утверждать, что систематическое взаимодействие отсутствовало. Имели место отдельные ходатайства, выступления с думской трибуны, но они никоим образом не свидетельствовали о наличии какого-либо движения в поддержку «неприятельских подданных».

Erlebnisberichte ehemaliger deutscher Zivilgefangener des Ersten Weltkriegs in Russland als Quelle

Es ist hinreichend bekannt und mittlerweile schon gut erforscht, dass im Verlaufe der Kampfhandlungen an der Ostfront im Ersten Weltkrieg ungefähr 2,5 Millionen deutscher und österreichisch-ungarischer Soldaten in russische Gewalt gerieten². Weniger Aufmerksamkeit hat das Thema der Gefangenschaft von Zivilpersonen im Ersten Weltkrieg in Russland gefunden, das ebenfalls ein Massenphänomen war. Ehemalige Zivilgefangene schrieben über ihre Erfahrungen Erlebnisberichte, die diesem Artikel zugrundeliegen³.

Von folgenden drei Personengruppen liegen Memoiren über ihre Erlebnisse in Russland vor:

- Reichsdeutsche [und Untertanen Österreich-Ungarns], die sich bei Kriegsausbruch im Russischen Reich aufhielten und interniert wurden, das waren die eigentlichen Zivilgefangenen. Die gut informierte schwedische Rotkreuzschwester Elsa Brändström, der amtliche deutsche Unterlagen zur Verfügung standen, beziffert ihre Zahl auf 250.000 Reichsdeutsche und 80.000 Untertanen Österreich-Ungarns⁴.
- Die zeitgenössische Forscherin Irina Belova aus Kaluga schreibt dagegen unter Berufung auf eine russische Geschichte des Ersten Weltkriegs von 170.000 Reichsdeutschen und 120.000 Angehörigen der Donaumonarchie⁵.
Letztendlich kann diese Differenz nicht aufgeklärt werden, jedoch geben die

¹ Dr. Georg Wurzer, freiberuflicher Historiker und Übersetzer, Wilhelmsdorf in Württemberg.

² Für einen Forschungsbericht siehe Reinhard Nachtigal, *Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld*, Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang 2004.

³ Zu den einzelnen Titeln siehe die Liste im Anhang.

⁴ Elsa Brändström, „Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien“, Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922, S. 67.

⁵ Белова И. «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925гг.». М.: АИРО-XXI, 2014. С. 143.

wenn auch etwas abweichenden Zahlen eine Vorstellung von der Größenordnung des Phänomens.

- Ostpreußen [und Galizier], Untertanen des Deutschen Reiches [und der Habsburgermonarchie], die sich auf heimatlichem Territorium aufhielten, unter russische Besatzung gerieten und von den sich zurückziehenden russischen Truppen nach Russland mitgeführt wurden. Ihr Status war von Seiten der russischen Behörden nicht ganz geklärt. Sie unterstanden zwar zum einen, wie die bei Kriegsausbruch Internierten, der Polizei, andererseits wurden einige von Ihnen auch in den Gefangenenlagern für kriegsgefangene Soldaten untergebracht⁶ und die russischen Behörden verweigerten Ihnen nach dem Abschluss eines Abkommens zwischen dem Deutschen Reich und Russland im Februar 1915 über den Austausch bestimmter Personengruppen die Heimkehr mit dem Argument, sie seien vom Militär gefangen genommen worden, also Kriegsgefangene⁷. Brändström spricht von 11.100 Ostpreußen in Russland⁸.
- Russische Staatsbürgerinnen und Staatsbürger deutscher Abstammung, die innerhalb des Russischen Reiches verschickt wurden. Diese Personengruppe soll hier nicht näher betrachtet werden.

Die Zahl der Erlebnisberichte ehemaliger Zivilgefangener in Russland ist mit 17 Veröffentlichungen deutlich geringer als die Zahl der Erlebnisberichte ehemaliger Kriegsgefangener in Russland, von denen der Autor im Zuge seiner

⁶ So hielt sich der evangelische Superintendent Bury im Lager Škotovo im russischen Fernen Osten auf, Bury, „Zwei Jahre in russischer Kriegsgefangenschaft“ in: „Die illustrierte Kriegschronik des Daheim“, Bd. 7(1917), H. 76, S. 249-252 S. 249. Auch für das Lager Daurija in Transbaikalien an der Grenze zur Mongolei ist die Anwesenheit von Ostpreußen belegt. Ein im Bundesarchiv/Militärarchiv Freiburg, Msg 201, Nr. 23 überlieferter Bericht einer deutschen Schwester, die dieses Lager inspizierte, erwähnt für den November 1915 einen wegen Fluchtversuchs arretierten Ostpreußen und einen ostpreußischen Gutsbesitzer, der zwar unter den (stark privilegierten) kriegsgefangenen Offizieren wohnen durfte, aber kein Offiziersgehalt bezog.

⁷ Walther Lemme, „Meine Erlebnisse in russischer Gefangenschaft“, Berent: Eduard Schmidt 1915, S. 16.

⁸ Brändström, S. 68

einschlägigen Forschungen etwa 150 untersuchte⁹. Allerdings weisen die Memoiren der Zivilgefangenen einige Besonderheiten auf.

Erlebnisberichte ehemaliger Kriegsgefangener erschienen erst ab 1917, von da an aber in hoher Zahl in Buchform. Bis 1925 kamen noch relativ viele neue Titel auf den Markt, dann ließ das Interesse offensichtlich nach. Ab Ende der zwanziger Jahre gab es jedoch – angestoßen im Wesentlichen durch die Publikation von Erich Maria Remarques Weltbestseller «Im Westen nichts Neues»¹⁰ eine neue Welle von Neuerscheinungen¹¹. Hier ist v.a. die «Sibirische Trilogie» von Edwin Erich Dwinger zu nennen, deren Einzelbände in konservativen Kreisen auf begeisterte Resonanz stießen¹².

Die Erlebnisberichte ehemaliger Zivilgefangener hingegen erschienen alle während des Ersten Weltkriegs, mit der Ausnahme des Kassenschlagers von Theodor Kröger, auf den später ausführlich eingegangen werden soll. Über den Grund, warum die Erinnerung an das Schicksal der Zivilgefangenen in der Weimarer Republik und im «Dritten Reich» im Verhältnis zu dem Gedächtnis an die Kriegsgefangenen so marginalisiert wurde, kann man nur Mutmaßungen anstellen. Jedenfalls gab es für sie keinen so wortstarken Fürsprecher wie Edwin Erich Dwinger für die Kriegsgefangenen.

Die Erzählstruktur der Erlebnisberichte, die während dem Ersten Weltkrieg erschienen, ist relativ ähnlich und einfach, sofern es sich nicht um Ostpreußen handelte. Die Bücher beschreiben oft sehr detailliert und exakt die Ereignisse, umfassen aber selten mehr als 130 Seiten. Die meisten wurden in kleinen Hausverlagen veröffentlicht, einige aber auch von großen Verlagshäusern wie Ullstein oder Scherl.

⁹ Georg Wurzer, „Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg“, Göttingen: v&r unipress, 2005.

¹⁰ Ursprünglich: Berlin: Propyläen 1929.

¹¹ Karl Prümm, „Die Literatur des Soldatischen Nationalismus der 20er Jahre (1918-1933). Gruppenideologie und Epochenproblematik“, Kronberg im Taunus: Scriptor, 1974 (Theorie, Kritik, Geschichte; Bd. 3).

¹² Siehe Edwin Erich Dwinger, „Die Armee hinter Stacheldraht“, Jena: Eugen Diederichs, 1929; ders. „Zwischen Weiß und Rot“, Jena: Eugen Diederichs, 1930 und ders., „Wir rufen Deutschland“, Jena: Eugen Diederichs, 1932.

Die Handlung setzt mit der Ankunft in Russland ein. Waren die einen nur zu Besuch im Zarenreich, so waren andere Reichsdeutsche schon seit längerem dort ansässig. Mehrere Personen hielten sich in Riga auf, andere in Moskau oder Lodz oder auch im Kaukasus. Sehr häufig beklagen sich die Schreiber über die deutschen Konsulate an den betreffenden Orten, die die Ratsuchenden in den Tagen vor Beginn des Krieges beruhigt hätten, statt energisch ihre Ausreise in das Deutsche Reich zu betreiben.

Nach Kriegsausbruch konnten die Betroffenen meist noch ein bis zwei Wochen in ihren Wohnungen und Häusern verbleiben. In dieser Zeit hegten die Autoren oft unberechtigte Hoffnungen auf eine noch mögliche Ausreise. Die anschließende Verhaftung traf manche unvorbereitet, während andere schon vorgesorgt hatten. Der Marsch von den Polizeibehörden in die Sammelstellen und Gefängnisse, wo die Zivilgefangenen gesammelt wurden bis eine ausreichende Zahl zur Weiterbeförderung erreicht wurde, empfanden sie meist als große Demütigung und berichten von Beschimpfungen, Steinwürfen u.ä. von Seiten des russischen Publikums. Der Aufenthalt in den Gefängnissen mit unzureichenden sanitären Verhältnissen, v.a. einer starken Ungezieferplage und als abstoßend empfundener Gefängniskost war für viele ein Schock. Allerdings muss hier darauf hingewiesen werden, dass sämtliche Autoren den höheren Gesellschaftsschichten angehörten, die z.T. über beträchtliche Mittel verfügten und sich so das Leben erleichtern konnten. Dies wirkte sich auch bei dem anschließenden Transport in die Verbannungsorte aus. Zwar sind die Bücher voller Schilderungen der Leiden der Mittellosen auf dem Etappentransport, das heißt, die Zivilgefangenen wurden zusammen mit russischen Sträflingen in Tagesetappen von Gefängnis zu Gefängnis gebracht. Dies konnte sehr lange dauern und verursachte gesundheitliche Schäden. Doch die Autoren selbst fuhren auf eigene Kosten in beheizten Viehwaggons, den Teplushki, oft aber auch 2. oder 3. Klasse. Manche wurden in die Wolgagouvernements geschickt, ohne dass eine Wahlmöglichkeit erwähnt wird, andere berichten, sie hätten sich

aussuchen dürfen, in welches der Gouvernements – Wjatka, Wologda oder Saratow – sie geschickt werden wollten. Während einige, in erster Linie solche, die sich bei der Polizei missliebig gemacht hatten, in die Kleinstädte und Dörfer weitergeschickt wurden (das war auch das gewöhnliche Schicksal der Unbemittelten), konnten die Wohlhabenden es oft durchsetzen, dass sie in den Gouvernementshauptstädten bleiben konnten. Hier lebten sie, als einige Zeit später die Ostpreußen an den gleichen Orten eintrafen. Diese waren in der Regel auf der gleichen Strecke wie die Verfasser ins Innere Russlands gekommen, meist aber unter schlechteren materiellen Bedingungen, da sie oft nicht über die gleichen finanziellen Mittel verfügten. Die Autoren arbeiteten oft nur zum Zeitvertreib oder engagierten sich in der Arbeit für die mittellosen Mitgefangenen. Von diesen, meist Ostpreußen, sei eine große Zahl verstorben. Den durch die unzureichende Ernährung und die Erschöpfung während des Transports begünstigten Ruhrepidemien seien vor allem Kinder und Alte zum Opfer gefallen. Die Hilfsarbeit der zuständigen amerikanischen Botschaft und der Konsulate wird fast ausnahmslos sehr kritisch bewertet, ganz im Gegensatz zu dem Engagement örtlicher russlanddeutscher Pastoren, die ihre Menschenliebe häufig mit der Verschickung nach Sibirien bezahlt hätten. Was ihre Beziehungen zu der einheimischen Bevölkerung betrifft, so wird häufig hervorgehoben, dass keine Feindseligkeit geherrscht habe. Allerdings hätten die Vermieter oft weit überhöhte Mieten für kleine verwanzte Wohnungen verlangt. Ebenso wurden die Zivilgefangenen auf dem Markt betrogen. Die Russen, die nicht unmittelbar von ihnen profitierten, sahen die Zivilgefangenen bisweilen nicht gerne, weil sie die Preise in die Höhe trieben und sie für die Lebensmittelknappheit, die sehr vielfältige Gründe hatte, verantwortlich machten. Mit neu ausgehobenen Rekruten kam es nach Darstellung der Erlebnisberichte manchmal zu richtigen kleinen Schlachten, aber stets nur, wenn die Russen sich in einer deutlichen Überzahl befanden, sonst werden sie als sehr feige geschildert. Oft wird die Verhetzung durch die russische Presse erwähnt,

die ständig von irgendwelchen Gräueltaten deutscher Soldaten an der Front zu berichten wusste.

In den meisten Fällen kehrten die Autoren durch Austausch über Finnland zurück, da sie zu den dafür vorgesehenen Kategorien gehörten. Ihrer Aussage nach spielte ihre Finanzkraft eine nicht zu unterschätzende Rolle bei der Durchsetzung der Heimkehr. Der Heimweg führte über Moskau und Petrograd. Es wird ständig betont, dass der Heimtransport immer auf des Messers Schneide gestanden habe, ständig seien Mitfahrende zurückgeschickt worden. Dies ist Teil des Narrativs, das Russland als Land der Willkür und der Korruption darstellte.

Einige wenige wählten auch den Weg der Flucht. Die Bücher enden in der Regel mit der Ankunft in Deutschland und einigen Durchhalteparolen. Eingestreut in den Erzählablauf sind auch Betrachtungen über Russland und die Russen. Die angeblich durch und durch korrupte Polizei und die frankophile und germanophobe Intelligenz fanden kaum lobende Worte. Anders sah es beim russischen Bauern aus. Bei ihm beobachtete man Züge, die jahrhundertelangen Stereotypen über Russland in Deutschland entsprachen und sich spätestens seit der Dostojewskij-Konjunktur in Deutschland festgesetzt hatten¹³. Der russische Bauer ist demnach sehr gastfreundlich und gutmütig, gleichzeitig aber faul, passiv, wenig unternehmerisch und mit einem Leben im Elend zufrieden. Dies wird auf die Unterdrückung durch die staatliche Obrigkeit, aber auch die «systematische Verdummung» durch die orthodoxe Kirche zurückgeführt, deren Vertreter ebenfalls selten in einem positiven Licht dargestellt werden.

Pfau widmet dem russischen Volk eine ganze Reihe von Absätzen, die etliche Klischees enthalten:

¹³ William J. Dodd, „Ein Gottesträgervolk, ein geistiger Führer – Die Dostojewskij-Rezeption von der Jahrhundertwende bis zu den zwanziger Jahren als Paradigma des deutschen Russlandbilds“ in Mechthild Keller (Hg. unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn), „19./20. Jahrhundert. Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg“ München: Wilhelm Fink 2000, S. 853-865 (West-östliche Spiegelungen: Reihe A, Bd. 4).

«Der Unterschied zwischen dem deutschen und dem russischen Bauern besteht [...] im Tiefinnersten darin, dass der Russe keinerlei Liebe zum Boden hat. Dies mag vielleicht eine Folge davon sein, dass der russische Bauer erst so spät zu eigenem Grundbesitz gelangt ist und noch heute vielfach Höriger ist. [...]

Infolge jahrhundertelanger Sklaverei und der entsetzlichen Niederdrückung durch die Regierung und der ständigen Verdummung durch die Geistlichkeit ist der russische Bauer etwas falsch geworden. Im ganzen aber ist er überaus gutmütig, und bei den Frauen schien mir auch die genannte schlechte Eigenschaft kaum zu bestehen. Sein Verhalten gegen die Tiere ist verschieden. Er misshandelt die Pferde, von denen er Ungeheures verlangt, kann die Hunde in gemeinster Weise quälen, liebt aber die Katzen abgöttisch [...]

Der Russe liebt über die Maßen Musik und Tanz. [...]

Diese einfachsten Belustigungen, in denen sich aber die russische Natur auf das gefälligste offenbart, sind die einzigen Freuden des Daseins, die dem russischen Bauer und vor allem den schwer arbeitenden Frauen geschenkt sind. Das Volk ist von erbarmungswürdiger Genügsamkeit und verkommt, [...] im Drecke, ohne dass es etwas dagegen tun könnte. Ich kann mir kaum denken, dass in Russland eine Revolution mehr als zeitliche Erfolge haben könnte. Der russische Bauer ist gewöhnt, alle Unterdrückungen hinzunehmen; die Regierung hat eben so verfügt, die Elastizität zur Empörung fehlt ihm, und dumpf-duldend resigniert er, ohne nur einen Versuch zu machen, gegen die Willkür einzuschreiten»¹⁴.

Unter den während des Krieges erschienenen Werken stellt das Büchlein von Karl Schimmel eine Ausnahme dar¹⁵. Er ist der einzige Autor, der die Zeit nach dem Sturz des Zaren behandelt. Seine Darstellung beginnt mit der

¹⁴ Max Pfau, „Russisches. Erlebnisse und Eindrücke aus elfmonatiger Gefangenschaft 1914-1915“, Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1915, S. 80-2.

¹⁵ Karl Schimmel, „Mit Schmugglern durch Finnland. Meine Flucht aus dem bolschewistischen Russland zur Zeit der finnischen Freiheitskämpfe“, Berlin: Kranz Verlag, 1918.

Februarrevolution, die ihn in einem Dorf im Gouvernement Ufa überraschte. Er wechselte illegal nach Saratow und erlebte dort die Zeit der Provisorischen Regierung. Für ihn war die eindrucklichste Erinnerung das Heimfluten der Deserteure aus der russischen Armee und die allgemeine Rechtlosigkeit und Anarchie, die sich in vielen Lynchmorden Ausdruck verschaffte. In Saratow erlebte er den Sieg der Bolschewiki und nahm diesen zum Anlass, weiter nach Westen zu flüchten. Auch in Moskau und Petrograd herrschte Anarchie. Relativ problemlos gelangte er in den von roten Kräften beherrschten Teil Finnlands. Die häufigen Kontrollen belasteten ihn sehr, da er eine Entlarvung befürchten musste, obwohl er, wie er beiläufig einfügt, in Russland geboren war und Russisch ohne jeden Akzent sprach. Mit Hilfe von Einheimischen gelangte er schließlich über die Frontlinie.

Das Buch von Theodor Kröger stellt einen ganz anderen Typus von Russland-Literatur dar. Damals, im Jahr 1934, wird Russland zum wilden Osten, zum Ort fast unglaublicher Abenteuer, worauf auf deren Glaubwürdigkeit noch eingegangen wird. Diese Veränderung spiegelt einen Wechsel in der Russlandwahrnehmung im Deutschland der zwanziger und zu Beginn der dreißiger Jahre wider, das nun vom den Gräueln und Schrecken der Revolution und des Bürgerkrieges geprägt war.

Stellvertretend für den ganzen sensationsheischenden und wenig glaubwürdigen Inhalt des ganzen Buches von Kröger sei hier sein Anfang zitiert.

«Der Gashebel des Sportwagens kann sich nicht mehr tiefer in den Leib des Motors bohren. Der Wagen rast mit der ganzen Wildheit, die ihm ein Mensch durch seine Willenskraft zu geben vermag. Der Kilometerzähler schwankt kaum merkbar, er zeigt die Höchstleistung des fiebernden Materials.

Aufbäumende Pferde, fluchende, schreiende Menschen, in rasender Eile huschende Telegraphenstangen, Bäume, Häuser, Wiesen und Wälder. Eine lange Staubwolke hinter sich, frisst der Wagen die Kilometer in sich hinein.

Nichts kann das mörderische Tempo des Wagens aufhalten, weder Kufen noch schlechtes Pflaster.

Der Leibhaftige fährt in die Hölle!

Zusammengeduckt, von Zeit zu Zeit mit einem prüfenden Blick auf die Zeiger der Uhren am Armaturenbrett, so will ich mit Gewalt meinem Schicksal entrinnen.

Die Hand am Steuer zittert nicht»¹⁶.

Der Held des Buches wird schließlich gestoppt und als vermeintlicher Spion und Mörder in eine Einzelzelle der Festung Schlüsselburg gebracht. Er wird zum Tode verurteilt und steht auch schon dem Erschießungskommando gegenüber. Das Urteil wird aber nicht vollstreckt, stattdessen wird er, mit einem russischen Mörder zusammengekettet, auf dem Etappenweg nach Osten geschickt. Angeblich als Sohn des Besitzers einer großen Eisengießerei kann er seine Verbindungen nutzen und wird im fiktiven Städtchen Nikitino entlassen. Nach anfänglichen Problemen als entlassener Sträfling kann er, dank Geldüberweisungen seines Vaters, zu einem angesehenen Bürger aufsteigen, der sich sehr für die Kriegsgefangenen, die im örtlichen Lager ein trauriges Dasein fristen, engagiert. Er macht ein Vermögen als Pelzhändler und trägt wesentlich zur Hebung des kulturellen und wirtschaftlichen Niveaus des Städtchens und seiner Umgebung bei. Er überlebt die Revolutionswirren, bei denen aber seine tatarische Frau und sein junger Sohn den Tod finden und gelangt im Sommer 1919 als apathischer Säufer und Invaliden nach Deutschland. Dann flüchtet er sich in die Arbeit. Das Ende des Romans stimmt sehr melancholisch.

Tatsächlich wurde der sich hinter dem Pseudonym verborgene Schriftsteller Bernhard Altschwager 1891 in St. Petersburg geboren. Sein Vater

¹⁶ Theodor Kröger, „Das vergessene Dorf. Vier Jahre Sibirien. Ein Buch der Kameradschaft“, Berlin: Propyläen, 1934, S. 9.

war aber kein Industriemagnat, sondern Inhaber eines Uhrengeschäfts. Der Autor absolvierte selbst vor dem Krieg eine Uhrmacherlehre in der Schweiz¹⁷.

Es kann somit festgestellt werden, dass die angeblichen Abenteuer, die er in seinem Buch beschreibt, Fiktion sind. Mit einer Auflage von 325.000 wurde es trotzdem zu einem Bestseller im Dritten Reich¹⁸. Insgesamt ist sogar von einer Gesamtauflage von einer Million die Rede. Das Werk wurde in mehrere Sprachen übersetzt und erfreute sich auch in der frühen Bundesrepublik größter Beliebtheit. Kröger verfasste noch weitere erfolgreiche Bücher über Russland mit klar antibolschewistischer Stoßrichtung¹⁹. In «Das vergessene Dorf» verwendet er bekannte Erzählmuster der Kriegsgefangenenliteratur. In einigen Fällen hat er direkt aus dem Klassiker «Die Armee hinter Stacheldraht» von Edwin Erich Dwinger abgeschrieben.

So lässt sich das für die Erinnerungsliteratur zum Kriegserlebnis allgemein aufgestellte Zweiphasenmodell – eine verhaltene, wenn auch stereotype Darstellung während und kurz nach dem Ersten Weltkrieg und eine abenteuerhaft übertriebene und extreme Schilderung nach 1929 – auch in den Memoiren ehemaliger Zivilgefangener in Russland finden.

Abschließend kann man feststellen, dass die Erlebnisberichte ehemaliger Zivilgefangener eine wichtige Quelle darstellen, sowohl was das Schicksal der Betroffenen angeht, als auch ihre Wahrnehmung Russlands und der Russen und die Resonanz im lesenden Publikum. Es versteht sich von selbst, dass ihre Aussagen als subjektive Zeugnisse cum grano salis zu genießen sind und unbedingt der Verifizierung durch das Zeugnis russischer Archivalien bedürfen.

¹⁷ „Kröger, Theodor (eigentlich Altschwager, Bernhard)“ in „Deutsche Biographie“ im Internet veröffentlicht unter <https://www.deutsche-biographie.de/sfz46119.html>, [letzter Zugriff: 16.12.2019]

¹⁸ Es liegt auf Platz 50 der Bestsellerliste von Donald Ray Richards, siehe Donald Ray Richards, „The German Bestseller in the 20th Century. A Complete Bibliography and Analysis 1915-1940“, Bern: Herbert Lang, 1968 und wurde in mehrere Fremdsprachen übersetzt.

¹⁹ Z.B. das auch sehr erfolgreiche Werk „Heimat am Don“, Berlin: Propyläen 1937, oder „Brest-Litowsk. Beginn und Folgen des bolschewistischen Weltbetrugs“, Berlin: Ullstein 1937

Wichtig für ihre Einschätzung wäre auch eine Untersuchung der Sozialstruktur der Zivilgefangenen in Russland im Ersten Weltkrieg. Wie bereits ausgeführt, waren fast alle Verfasser der Erlebnisberichte wohlhabend und immer wieder erwähnen sie, wie sie durch Bestechung ihr Schicksal wesentlich verbessern konnten. Sind sie aber nur eine kleine privilegierte Minderheit, so wie die Offiziere unter den Kriegsgefangenen, oder spiegelt ihr Erleben das Schicksal der Masse der Zivilgefangenen wider? Zumindest was die Ostpreußen betrifft, ist dies eindeutig nicht der Fall.

**Приложение: свидетельства бывших гражданских пленных, по
году издания**

**Anhang: Erlebnisberichte ehemaliger Zivilgefangener nach
Erscheinungsjahr**

1915

Aram, Kurt: Nach Sibirien mit hunderttausend Deutschen. Vier Monate russische Kriegsgefangenschaft, Berlin; Wien: Ullstein

Kett, A.: Erlebnisse aus dem Jahre meiner Gefangenschaft in Russland, Regensburg: Verlag von Friedrich Pastet

Lemme, Walther: Meine Erlebnisse in russischer Gefangenschaft, Berent: Eduard Schmidt

Maixdorff, Carl von: In russischer Gewalt. Selbsterlebtes aus dem Beginn des Weltkrieges, Leipzig: Reclam

Moering, Ernst: Mit verschleppten Ostpreußen an der Mündung der Wolga. Erlebnisse aus elf Monaten russischer Kriegsgefangenschaft, Berlin: Verlag des Evangelischen Bundes

Pfau, Max: Russisches. Erlebnisse und Eindrücke aus elfmonatiger Gefangenschaft 1914-1915, Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt

Schiemann, Theodor: Nach Russland verschleppt. Bericht einer Augenzeugin, Berlin: Reimer

1916

Jonck, G: Meine Verschickung nach Sibirien. Erinnerungen und Erlebnisse eines Rigaschen Buchhändlers, München: Lehmann

Schmidt-Lötzen, Eduard: Von Masuren nach Sibirien. Ein Jahr in russischer Kriegsgefangenschaft, Schwerin: Bahn

1917

Geymann, Alexander: Dem Reiche der Knute entflohen, Berlin: August Scherl

Leistikow, Martin: Zivilgefangener Nr. 759. Die Flucht eines deutschen Seemanns aus Russland, Berlin: August Scherl

Ruchay, Josephine: Nach Russland verschleppt. Selbsterlebtes einer Ostpreußin, Tilsit: Buchdruckerei Pawlowski

Schenk, Robert: Zwei Jahre in russischer Gefangenschaft, Leipzig: Verlag von Paul List

1918

Sachs Heinrich: Meine Flucht als persischer Bettler. Kriegserlebnisse, Berlin: August Scherl

Schimmel, Karl: Mit Schmugglern durch Finnland. Meine Flucht aus dem bolschewistischen Russland zur Zeit der finnischen Freiheitskämpfe, Berlin: Kranz Verlag

1934

Kröger, Theodor: Das vergessene Dorf. Vier Jahre Sibirien. Ein Buch der Kameradschaft, Berlin: Propyläen.

Zeitschriftenaufsätze:

Bury: Zwei Jahre in russischer Kriegsgefangenschaft in: „Die illustrierte Kriegschronik des Daheim“, Bd. 7(1917), H. 76, S. 249-252.

Erlebnisberichte von Russlanddeutschen, die keine Zivilgefangenen waren, sondern Verschickte:

Mosler, Alexander: In den Sturmtagen der russischen Revolution: meine Befreiung aus russischen Kerkern, Berlin; Wien: Ullstein 1918

Hoerschelmann, Helene: Vier Jahre in russischen Ketten. Eigene Erlebnisse, München: Lehmann 1921

Schleuning, Johannes: Aus tiefer Not. Schicksale der deutschen Kolonisten in Russland, Berlin: Carl Flemming und C. T. Wiskott Aktiengesellschaft für Verlag und Kunstdruck, 1922.

Раздел 2.
Материалы международного круглого стола
«Гуманитарная помощь и гуманитарные
организации в России и Германии
в годы Первой мировой войны»

Abteilung 2.
Materiellen vom internationalen Workshop
«Humanitäre Hilfe und Organisationen
in Russland und Deutschland
im Ersten Weltkrieg»

Internationale humanitäre Hilfe und nationale Kriegskultur. Das Engagement der Quäker in Russland, 1914-1917

Mit der «Totalisierung» des Krieges wurden im 20. Jahrhundert humanitäre Gesichtspunkte wichtiger. Schon mit der Herausbildung des Völkerrechts in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts waren Organisationen, Gruppen und Plattformen entstanden, die auf eine Zählung der Kriegsgewalt und eine internationale Schiedsgerichtsbarkeit zielten. Sie traten für Frieden ein und organisierten sich in Verbänden, die oft schon grenzüberschreitend zusammenarbeiteten. Ihre Forderungen akzeptierten die Regierungen und politischen Eliten zwar nicht als rechtlich verbindliche Vorgaben. Jedoch wurden die internationalen Organisationen Foren eines Austausches zwischen Aktivisten und Experten, die damit ein öffentliches Bewusstsein für die Folgen unbeschränkter Kriegsgewalt in einem Zeitalter schufen, in dem neue verheerende Waffen wie das Maschinengewehr und die Artillerie ganze Landstriche verwüsten konnten. Zudem hatten besonders den Amerikanischen Bürgerkrieg und den Krieg zwischen Preußen und Frankreich extreme Gewalt gegenüber Soldaten und Zivilisten gekennzeichnet, deren rechtlicher Schutz nunmehr geboten schien. Nicht nur juristische Einrichtungen wie das *Institut de Droit International*, sondern auch philanthropische Organisationen – vor allem das 1863 in Genf gegründete Internationale Komitee vom Roten Kreuz (IKRK) und die seit den 1920er Jahren entstandene *Young Men's Christian Association* (YMCA) – drängten deshalb auf eine Zählung der Kriegsgewalt. Darüber hinaus setzten sich die Quäker offensiv für Frieden ein. Dazu gründete die

¹ Prof. Dr. Arnd Bauerkämper, Professor für die Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, Friedrich-Meinecke-Institut der Freien Universität Berlin.

Society of Friends in vielen Ländern Vereine, die ihre humanitäre Hilfe als «unpolitisch» verstanden und eine Parteinahme für einzelne kriegführende Staaten vermieden. Jedoch verfolgten der Verband und andere humanitäre Organisationen durchaus eigene Interessen, und sie agierten keineswegs völlig unabhängig von den Interessen der jeweils beteiligten Regierungen, wie schon die Intervention zugunsten der bulgarischen Christen 1877 im Osmanischen Reich gezeigt hatten. Dabei war auch die Fixierung auf das Leitbild einer christlichen abendländischen Zivilisation deutlich geworden².

Zugleich wurden die grenzüberschreitenden Einflüsse, Kontakte und Verbindungen dichter und enger. Alle „Internationalisten“ tauschten sich im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert regelmäßig auf Konferenzen und in diversen Publikationen aus. Diese Vernetzung förderten neue philanthropische Organisationen, so seit 1910 das *Carnegie Endowment for International Peace*. Auf dieser Grundlage bemühten sie sich nach dem Beginn des Ersten Weltkrieges, die Leiden der Opfer zumindest zu verringern. Letztlich konnten sich die Regierungen diesem Druck nicht einfach entziehen, wie schon die Vorbereitung der beiden Haager Friedenskonferenzen gezeigt hatte, zu denen internationale humanitäre Organisationen erstmals beratend hinzugezogen worden waren. Allerdings wirkten das Prinzip staatlicher Souveränität und – damit verbunden – der Primat der inneren und äußeren Sicherheit nahezu ungebrochen fort³.

Auch zivilgesellschaftliche Experten, humanitäre Helfer und Missionare, die sich für Kriegsgefangene und zivile Angehörige von Feindstaaten einsetzten, konnten dem Dilemma nicht entgehen, mit ihrem humanitären Engagement zugleich zur Kriegführung ihrer jeweiligen Länder beizutragen.

² Als Rückblick einer Beteiligten: Francesca M. Wilson, *In the Margins of Chaos. Recollections of Relief Work in and between Three Wars*, London 1944, S. 188, 196.

³ Glenda Sluga, *Internationalism in the Age of Nationalism*, Philadelphia 2013, S. 5. Überblick in: von Lingen, „Crimes against Humanity“ (2018), S. 50-54; Herren, *Organisationen*, S. 42-49; Jones, *Great War*, S. 89; Manz / Panayi, *Internment*, S. 30.

Damit schrieben sie ungewollt Gewalt fort, und sie verlängerten indirekt die Kämpfe. Dieser grundlegende Konflikt prägte besonders von 1914 bis 1918 die Aktivitäten karitativer Organisationen, die sich nicht von vornherein dem Ziel verschrieben hatten, ausschließlich oder vorrangig einzelne Staaten zu unterstützen. Übergriffe gegen Zivilisten blieben damit Bestandteil der Kriegskulturen⁴.

1. Die Religious Society of Friends: Gründung, Bedingungen, Ziele und Aktivitäten

Damit mussten pazifistische Vereine und Verbände ihre humanitäre Unterstützung von Kriegsopfern zumindest teilweise auf die Anforderungen der jeweiligen nationalen Regierungen ausrichten, obwohl sie ihre Aktivitäten als grenzüberschreitende Aufgabe verstanden. Dies gilt auch für die Mitte des 17. Jahrhunderts entstandene *Religious Society of Friends*. 1666 trat der Anwalt William Penn dieser «Gesellschaft der Freunde» bei, deren Angehörige von Gegnern «Quäker» (von *quake*: «erheben») genannt wurden. Das Engagement der Glaubensbrüder war vorrangig religiös motiviert. Die Quäker proklamierten die Rückkehr zu einem idealisierten Urchristentum, in dem alle Menschen gleichgestellt sein sollten. Penn, George Fox und ihre Anhänger engagierten sich in Nordamerika besonders für die Würde und Rechte der Indianer. Demgegenüber wurden die Afrikaner, deren Zahl mit dem transatlantischen Sklavenhandel zunahm, zunächst wenig beachtet. Über die entstehenden USA hinaus bildete die *Society of Friends* in Großbritannien und in anderen westlichen Ländern Gemeinschaften. Seit der Mitte des 18. Jahrhunderts

⁴ Hierzu und zum Folgenden: Isabel Hull, *Absolute Destruction. Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany*, Ithaca 2005, S. 87, 159-181, 226, 233, 237, 242, 262, 271, 276-278, 285-290; Ian Kershaw, *War and Political Violence in Twentieth-Century Europe*, in: *Contemporary European History* 14 (2005), Nr. 1, S. 197-123, hier: S. 110 f., 117-119, 122; McMillan, *War*, S. 41. Zu dem Dilemma, mit dem Missionare und Experten humanitärer Organisationen konfrontiert waren, vgl. Proctor, *Civilians*, S. 177, 189, 192-194, 200-202.

kämpften die Quäker auch gegen die Sklaverei. In Pennsylvania, wo William Penn 1682 eine Siedlung gegründet hatte, bemühte sich die «Gesellschaft der Freunde», leitende britische Kolonialbeamte für ihre Ziele zu gewinnen. Der Lobbyismus erstreckte sich auch auf das Handelskomitee (*Board of Trade*; später Handelsministerium) in London. Im späten 18. Jahrhundert wurde die britische Hauptstadt zu einem Zentrum der grenzüberschreitenden humanitären Bewegung, wie auch die Bildung der *British and Foreign Antislavery Society* 1839 zeigte. Diese Organisation hob auf menschliche Würde ab und verwies insofern auf die späteren Aktivitäten des IKRK. Insgesamt war im 19. Jahrhundert ein Netzwerk humanitärer Nichtregierungsorganisationen entstanden, die zur Entstehung einer transnationalen Zivilgesellschaft beitrugen⁵.

Im Ersten Weltkrieg unterstanden zivile Feindstaatenangehörige zwar grundsätzlich dem staatlichen Rechtsschutz. Jedoch wurden ihnen aber grundlegende Freiheitsrechte oft ungerechtfertigt entzogen. Überdies waren Internierte für ihren Lebensunterhalt auf eigene Mittel, vor allem aber Spenden und Lieferungen angewiesen, während gefangene Offiziere von der jeweiligen Gewahrsamsmacht weiterhin ihr reguläres Gehalt erhielten. So halfen Schutzmächte, auf die sich kriegführende Staaten jeweils bilateral geeinigt hatten, und humanitäre Organisationen wie das IKRK festgesetzten Zivilisten. Auch die *Religious Society of Friends* und die YMCA linderten die Not der internierten Feindstaatenangehörigen. Dabei reichte das Spektrum der

⁵ Daniel Roger Maul, *American Quakers, the Emergence of International Humanitarianism, and the Foundation of the American Friends Service Committee, 1890-1920*, in: Johannes Paulmann (Hg.), *Dilemmas of Humanitarian Aid in the Twentieth Century*, Oxford 2016, S. 63-87, hier: S. 65, 86; Holger Nehring, *Europäische Friedensbewegungen seit dem 19. Jahrhundert*, in: Echternkamp / Mack (Hg.), *Geschichte ohne Grenzen?*, S. 99-110, hier: S. 99-101; Forsythe, *Humanitarians*, S. 14; Stamatov, *Origins*, S. 104 f., 114, 121-123, 175-182; Proctor, *Civilians*, S. 185. Grundlegend: William Penn, *Früchte der Einsamkeit. Reflexionen und Maximen über die Kunst der Lebensführung*, hg. von Jürgen Overhoff, Stuttgart 2018. Übersicht in: Arnd Bauerkämper, *Civil Society V: 19th Century*, in: Helmut K. Anheier / Stefan Toepler / Regina A List (Hg.), *International Encyclopedia of Civil Society*, Cham 2020.

Aktivitäten von der Kontrolle der Lebensbedingungen in den Internierungslagern über die Versorgung (vor allem mit Nahrungsmitteln, Kleidung und Medikamenten) bis zur Regelung des Postverkehrs⁶.

Von 1914 bis 1918 versuchten die Quäker, die Folgen des Ersten Weltkrieges für Soldaten und Zivilisten zu mildern. Jedoch war die *Society of Friends* war trotz des Pazifismus, der in den 1660er Jahren als Gründungsimpuls gedient hatte, hinsichtlich ihrer Einstellung zum Krieg gespalten. Mit der fortschreitenden Festigung der Organisation hatte vor allem im 19. Jahrhundert die Integration in die einzelnen nationalen Gesellschaften zugenommen, so in den USA und in Großbritannien. Im Vereinigten Königreich waren 1904 bereits 36 Quäker in das Unterhaus gewählt worden, und im Burenkrieg hatten einige *Friends* die britischen Truppen in Südafrika unterstützt. Demgegenüber waren andere unter dem Einfluss der Hinwendung zum Liberalismus nach der Konferenz von Manchester (1895) scharf gegen die britische Politik aufgetreten. Vor allem Emily Hobhouse hatte die Bedingungen in den Konzentrationslagern, in denen viele Buren starben, heftig und öffentlich kritisiert. Zudem war von ihr der liberale Oppositionsführer Henry Cambell-Bannermann informiert worden, der daraufhin das rücksichtslose Vorgehen der britischen Truppen in Südafrika in einer Rede am 14. Juni 1901 verdammt⁷.

1914 schlossen sich in Großbritannien einige Quäker den Pazifisten in der *Union of Democratic Control* und der *No-Conscription Fellowship* an. Zudem gründeten sie Friedensgesellschaften wie die *Fellowship of Reconciliation*, die einen kompromisslosen Pazifismus vertrat. Dagegen rechtfertigten jedoch andere *Friends* den Krieg als legitime Reaktion auf den Überfall Deutschlands auf Belgien. Diese Quäker beriefen sich dabei auf ihr Gewissen nach der Lehre von der «inneren Erleuchtung», die nach ihrer Auffassung mit einem grundsätzlichen Pazifismus unvereinbar war. Im Ersten

⁶ Rachamimov, *Camp Domesticity*, S. 296 f.; Little, *State*.

⁷ Hyslop, *Invention*, S. 252; Stibbe, *Civilian Internment*, S. 186-189; Kelly, *Activity*, S. 162.

Weltkrieg erreichte die patriotische Unterstützung des Krieges unter den *Friends* nach der Versenkung der *Lusitania* im Frühsommer 1915 ihren Höhepunkt. Viele von ihnen meldeten sich freiwillig zum Waffendienst. Andere unterstützten die neugebildete *Friends' Ambulance Unit*, die an den Fronten Verwundete versorgte und dabei eng an das britische Militär gebunden war. Die Einführung der Wehrpflicht, die als staatlicher Zwang abgelehnt wurde, verlieh den Kriegsgegnern unter den Quäkern im darauffolgenden Jahr zwar kräftig Auftrieb, stärkte aber auch ihre Widersacher, die der *Society of Friends* pauschal Patriotismus absprachen⁸. Damit ignorierten diese Kritiker, dass viele bekannte Quäker in ihren Einstellungen zum Krieg bis 1918 – und auch noch in den Jahren von 1939 bis 1945 – innerlich zerrissen blieben. Der Gegensatz zwischen den beiden Gruppen in der *Society of Friends* trennte sogar Familien wie die Schokoladendynastie Rowntree in York.⁹

Unumstritten war dagegen unter den Quäkern die Hilfe für Opfer von Kriegen. Bereits seit dem frühen 19. Jahrhundert, als Napoleon die europäischen Großmächte in blutigen Schlachten besiegte, hatten die *Friends* Opfer von Kriegen unterstützt. Mit der Gründung des *War Victims' Relief Committee* (VRC) zu Beginn des Ersten Weltkrieges setzten sie diese Tradition fort. Zugleich professionalisierte und systematisierte die neue Kommission die humanitäre Arbeit der Quäker. Darüber hinaus bildeten Pazifisten – besonders Sophia Sturge und Stephen Hobhouse – das *Friends Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians, Hungarians and Turks in Distress*, zunächst um die Neutralität Großbritanniens sicherzustellen. Die Organisation

⁸ David Rubinstein, *Modern Warfare 1899-1945*, in: ders., *Essays*, S. 95, 98, 102, 105-107, 110; ders., *Quakers*, S. 135, 143.

⁹ Während Benjamin Seebohm Rowntree dem Kriegskabinett unter Lloyd George im Munitions- und Wiederaufbauministerium diente, verbrachte Maurice 25 Monate im Gefängnis, weil er sich weigerte, seine Arbeit als Lehrer in einer Quäker-Siedlung zugunsten einer anderen Beschäftigung zu verlassen, welche die für ihn zuständige Wehrerfassungsstelle als kriegswichtiger eingestuft hatte. Vgl. David Rubinstein, *The Rowntree Family and War 1914-1918*, in: ders., *Essays*, S. 147-191, hier: S. 158 f., 188 f. Zu den Kontroversen über die Wehrpflicht auch: Kelly, *Activity*, S. 162 f.

beruhte auf der *Society of Friends of Foreigners in Distress*, die bereits 1806 etabliert worden war. Nach dem Eintritt des Vereinigten Königreiches in den Krieg sollte das FEC das Leben festgesetzter Feindstaatenausländer in Großbritannien erleichtern. Die Arbeit dieser Hilfskomitees wurde im Gebäude der Quäker in London, dem St. Stephen's House, koordiniert. Bis zum Umzug der *Friends* in die Great Smith Street im September 1917 arbeiteten hier die verschiedenen Kommissionen. Auch trafen sich in dem Gebäude bedürftige Kriegsoffer, darunter stigmatisierte *enemy aliens* und Angehörige von bereits Internierten. Insgesamt entwickelte die karitative Fürsorge im Ersten Weltkrieg unter den Quäkern gerade angesichts der internen Konflikte eine beträchtliche Integrationskraft¹⁰.

2. Die Quäker in Russland, 1914-1917

Die Quäker engagierten sich im Ersten Weltkrieg aber keineswegs nur im Vereinigten Königreich für die Kriegsoffer, sondern auch in vielen anderen Staaten wie Belgien, den Niederlanden, den USA und im Russischen Zarenreich. Hier hatten sie sich schon 1891/92 und 1907 bemüht, den akuten Hunger zu lindern, der in diesen Jahren in Russland herrschte. Sie leiteten die Sammlung von Spenden des *British Relief Funds* zugunsten der Notleidenden. Auch unterstützten die Quäker die 1890 gegründete amerikanisch-britische *Society of Friends of Russian Freedom* unter Leitung des Quäkers Robert Spence Watson in Russland im späten 19. und frühen 20. Jahrhundert die liberale Opposition. Darüber hinaus halfen sie der Religionsgemeinschaft der Duchoborzen, einer Sekte, die im Zarenreich ein spirituelles Christentum vertraten. Ebenso wie die Quäker traten die Duchoborzen für Gewissensfreiheit und Solidarität ein. 1895 verbrannten sie Waffen, um gegen die 1874

¹⁰ Sixth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for the Year Ending June 30th, 1918, S. 3, in: LSF, FEWVRC/EME/4/1. Allgemein: Rubinstein, Quakers, S. 134; Kelly, Activity, S. 24, 163.

eingeführte Wehrpflicht zu demonstrieren. Zusammen mit Leo Tolstoi initiierten die Quäker eine internationale Kampagne, die öffentliche Aufmerksamkeit für die Unterdrückung der Duchoborzen weckte. Außerdem wurden Spenden gesammelt, um deren Umsiedlung zu finanzieren. Hinter dem öffentlich bekundeten Selbstverständnis als «unpolitische» Organisation verbarg sich nicht nur eine humanitäre Mission, sondern auch eine liberale Programmatik¹¹.

Im Frühjahr 1916 im russischen Zarenreich richteten die Quäker auch eine Nothilfe für die Flüchtlinge ein, die während des Rückzuges der Armee im vorangegangenen Jahr vor den vordringenden deutschen und österreichischen Armeen geflohen waren. Sie hatte die russische Militärführung, die eine Strategie der «verbrannten Erde» verfolgte, oft in weit entfernte Gebiete wie die Wolgaregion, Turkestan und Sibirien deportiert. Nach der Februarrevolution flankierten in Russland die staatlichen Behörden diese Unterstützung der *Friends*, die aber vor allem mit örtlichen *Zemstva* zusammenarbeiteten. So wies ihnen das Selbstverwaltungsorgan in Mogotovo (bei Smolensk) 1917 ein beschlagnahmtes Gebäude zu, in dem rund 100 weißrussische Flüchtlinge versorgt wurden. Dafür stellte der *zemstvo* jeweils Mittel bereit; außerdem sorgte er für einen Lehrer, der die Kinder unterrichtete. In Buzuluk (Provinz Samara) kümmerte sich die *Society of Friends* um 26.000 Vertriebene, die hierher aus den westlichen Regionen des Russischen Reiches geflohen waren. Um Hunger zu vermeiden, wurden im Frühjahr 1917 30.000 Pfund als Soforthilfe benötigt, Dazu veröffentlichte der *Friends War Victims Relief Fund* im Januar 1918 einen dringenden Appell¹².

¹¹ Kelly, *Activity*, S. 2 f., 10, 21-23.

¹² LSF, FEWVRC/PAM/1/2/1 (Bücher „In the Heart of Russia“ und „Relief Work in Russia“; Artikel vom 30. April 1917 und 12. April 1918; Aufruf vom Januar 1918).

3. Humanitäre Hilfe in Deutschland

In Mitteleuropa kooperierten die Quäker besonders eng mit der «Auskunft- und Hilfsstelle für Deutsche im Ausland und Ausländer in Deutschland», die von Elisabeth Rotten in Berlin geleitet wurde. Als Tochter Schweizer Eltern 1882 in Berlin geboren, hatte sie die Einrichtung kurz nach Kriegsbeginn gegründet. Unter den prominenten Fürsprechern war der ehemalige Botschafter Deutschlands in London, Karl Max von Lichnowsky. Rotten inspizierte u.a. das «Engländerlager» Ruhleben, aber auch das Camp in Holzminden, wo viele Franzosen und Russen litten. Sie unterhielt grenzüberschreitend Kontakte zu diversen humanitären Organisationen und Friedensaktivistinnen wie Emily Hobhouse, die sie im Juni 1916 während ihres Besuches in Berlin traf¹³.

Auch mit dem FEC in London arbeitete Rotten eng zusammen, vor allem um Verbindungen zwischen Internierten und ihren Angehörigen in gegnerischen Ländern herzustellen. Dazu nahm sie diverse Anfrage zu den Betroffenen auf und leitete Nachrichten weiter¹⁴. Darüber hinaus bemühte sie sich, die Entlassung von Zivilinternierten zu erreichen und dazu Austauschabkommen zwischen den kriegführenden Staaten herbeizuführen. Dabei arbeitete sie mit dem «Internationalen Hilfskomitee für Zivilgefangene» zusammen, das Charles Hartmann in Zürich leitete. Allerdings musste sich Rottens Organisation ebenso wie das «Internationale Hilfskomitee», die «Hilfsstelle Geisel – Commission des otages» (Basel) und das *Oeuvre universitaire suisse des étudiants prisonniers de guerre* (Bern) von pazifistischen Verbänden abgrenzen, um wirksam mit Regierungen verhandeln zu können. Damit half die «Auskunft- und Hilfsstelle» auch Deutschen, die in

¹³ Crangle / Baylen, Peace Mission, S. 736; Stibbe, Civilian Internment, S. 189; Fourth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for Year Ending June 30th, 1916, S. 11-13 (LSF, FEWVRC/EME/4/1).

¹⁴ LSF, EME/2/2/2 (Briefe vom 3. März, 17. März und 22. Mai 1917). Vgl. auch Holmes, Knockaloe; Stibbe, Civilian Internment, S. 190 f.

gegnerischen Ländern festgehalten, später aber freigelassen wurden und in ihre Heimat zurückkehrten. So erwartete Rotten im April 1918 in Berlin deutsche Frauen und Kinder aus Ostafrika, die sich in belgischer Gefangenschaft befunden hatten. Sie sollten in der Schweiz von der Ehefrau des Gouverneurs von Deutsch-Ostafrika, Heinrich Schnee, empfangen werden¹⁵.

4. Kooperation der Quäker mit anderen humanitären Organisationen und Hilfe nach dem Ende des Ersten Weltkrieges

Trotz der nationalen Feindschaften und der professionellen Konkurrenz kooperierten humanitäre Verbände grenzüberschreitend miteinander. Sie beobachteten sich und lernten sogar voneinander. So arbeitete das FEC der Quäker bei der Fürsorge für die Internierten eng mit anderen ähnlichen Organisationen wie Elisabeth Rottens «Auskunft- und Hilfsstelle» in Berlin und dem 1908 in London gegründeten *National Peace Council* zusammen. Besonders eng stimmte sich das FEC mit Rotten und ihren Mitarbeiter ab. Beide Verbände koordinierten die Unterstützung britischer Staatsbürger, die in Deutschland lebten und vom *Emergency Committee* der Quäker nicht unterstützt werden konnten. Vor allem Frauen, die oft die behördliche Armenhilfe ablehnten, bedurften der Unterstützung¹⁶.

Beide Organisationen unterhielten darüber hinaus Kontakte zu Friedensbüros in Stuttgart und Bern, die als humanitäre Relaisstationen Post der Internierten weiterleiteten, ihnen Informationen vermittelten und sich für ihre Rückführung in die jeweiligen Heimatländer einsetzten¹⁷. Zu dem Netzwerk

¹⁵ LSF, FEWVRC/EME/2/1/19 (Briefe vom 8., 11., 16. und 23. April 1918); NA, FO 383/167 (Schreiben vom 8. Februar 1916). Ergänzend: Stibbe, *Civilian Internment*, S. 191 f., 196

¹⁶ NA, FO 383/151 (Schreiben vom 7. und 22. Dezember 1915). Vgl. auch Stibbe, *Civilian Internment*, S. 171.

¹⁷ Vgl. das Informationsblatt des *Bureau International de Paix* (Berlin) in: LSF, FEWVRC/EME/2/1/4. Dazu auch: *Fourth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for the Year Ending June 30th, 1916*, S. 11, 13 (LSF, FEWVRC/EME/4/1).

gehörten auch Hartmanns Komitee und regionale Verbände wie die «Badische Gefangenenfürsorge», die ihrerseits mit den Quäkern in London (so Charles Hobhouse) korrespondierte. Mehrfachmitgliedschaften einzelner Aktivisten erleichterte die Kooperation. So gehörte die Quäkerin Ruth Fry über das FEC hinaus auch anderen Organisationen an. Nach dem Ersten Weltkrieg sollte sie sich für den *Russian Famine Relief Fund* und den *Save the Children Fund* engagieren, der im Mai 1919 von der englischen Lehrerin Eglantyne Jebb zusammen mit ihrer Schwester Dorothy Buxton gegründet worden war. Dieser Verband sorgte zunächst für Kinder in Deutschland und Österreich, wo besonders Heranwachsende unter der weiterhin bestehenden Wirtschaftsblockade der britischen Kriegsmarine¹⁸.

Allerdings waren trotz der grundsätzlich ähnlichen Tätigkeitsfelder Unterschiede und Konflikte zwischen den humanitären Hilfsorganisationen unübersehbar. So bemühte sich die «Auskunft- und Hilfsstelle» vorrangig, Hilfsbedürftigen in Deutschland den Zugang zu staatlichen Unterstützungsleistungen zu eröffnen. Demgegenüber verfügte die *Society of Friends* wegen der Tradition privaten Stiftens und Spendens in Großbritannien über deutlich höhere Eigenmittel. Nationale Eigenheiten philanthropischen Engagements wirkten sich damit auf die Praxis der humanitären Hilfe für Kriegsoffer – darunter auch zivile Feindstaatenangehörige – aus¹⁹.

Ebenso wie das FEC unterstützte Rotten mit ihrem Verband über Internierte hinaus Personen, die in Freiheit verblieben waren. So half sie Familien und Frauen, die ihre Männer im Lager Ruhleben besuchten. Zudem sorgte sie dafür, dass Tausende von Kindern, die zu Beginn des Krieges in Belgien und Nordfrankreich von ihren Familien getrennt worden waren, in ihre

¹⁸ Kelly, *Activity*, S. 16, 174 f.

¹⁹ LSF, FEWVRC/EME/1/2/2 (Brief vom 3. März 1915); LSF, FEWVRC/EME/2/1/4 (Schreiben vom 2. Oktober 1915); FEWVRC/EME/4/1 (Fifth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for Year Ending June 30th, 1917, S. 7).

Heimat zurückgeführt wurden²⁰. Die Einrichtung, die sie im Oktober 1914 mitbegründete, nährte die Hoffnung auf einen humanen Umgang mit zivilen Feindstaatenangehörigen in den kriegführenden Staaten nach dem Reziprozitätsprinzip. Außer der *Religious Society of Friends der Quäker* und ihr *Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress* in London unterstützte die «Auskunft- und Hilfsstelle» grenzüberschreitend verschiedene Institutionen und Personen, so die die ökumenische Bewegung in Europa und einzelne Philanthropen wie der Bankier Aby Warburg. Mit dem IKRK und der YMCA kooperierte Rotten vor allem bei der Betreuung von Zivilinternierten. Im Gegensatz zum Roten Kreuz, das auch diplomatische Aktivitäten betrieb, beschränkte sich die christliche Jungmännerorganisation strikt auf humanitäre Nothilfe. Die Organisation durfte deshalb ebenso wie das FEC z. T. Lager besichtigen, die für das IKRK vor allem in Russland und Deutschland unzugänglich blieben.

Ende 1919 wandelte die «Auskunft- und Hilfsstelle» schließlich in die «Deutsche Wohlfahrtsstelle» um. Damit sollte den Bedürfnissen der Nachkriegszeit Rechnung getragen werden. So musste in Deutschland, wo die Bevölkerung weiterhin unter der anhaltenden britischen Seeblockade litt, die Versorgung mit Lebensmitteln (besonders Milch) und Arzneimitteln dringend verbessert werden, um den akuten Mangel zu lindern. Dazu trugen auch neue Organisationen wie die *American Relief Administration* und die *Save the Children Fund International Union (SCFIU)*, aber auch die *Society of Friends* und das IKRK bei. Dabei wurden auch die Staaten, gegen die Großbritannien und die USA im Ersten Weltkrieg gefochten hatten oder nach 1918 kämpften,

²⁰ Matthew Stibbe, Elisabeth Rotten and the 'Auskunfts- und Hilfsstelle für Deutsche im Ausland und Ausländer in Deutschland 1914-1919', in: Alison S. Fell / Ingrid Sharp (Hg.), *The Women's Movement in Wartime. International Perspectives, 1914-19*, Basingstoke 2007, S. 194-210; ders., *Phänomen*, S. 173 f.; ders., *Internees*, S. 185; ders., *Internment of Civilians*, S. 14; Ormerod Greenwood, *Quaker Encounters*, Bd. 1, S. 214-217; Caglioti, *Dealing with Enemy Aliens*, S. 190 f.; Proctor, *Civilians*, S. 188. Bericht Rottens vom 9. August 1915 in: Lehmann-Russbüldt, *Kampf*, S. 168-181.

einbezogen. So kümmerte sich der Quäker James Baily, der während des Krieges deutsche Internierte im Lager Knockaloe besucht und versorgt hatte, mit Unterstützung des «Bundes der Auslandsdeutschen» um Zwangsrepatriierte aus Großbritannien. Besonders akut war die Not in Russland, wo der Bürgerkrieg Millionen Todesopfer forderte. Hier verhinderte besonders Hoovers ARA mit ihrer Hungerhilfe in vielen Regionen ein Massensterben²¹.

Die Quäker arbeiteten zwar mit amerikanischen Organisationen zusammen, mit denen sie auch die Dilemmata der notwendigen Kooperation mit den Bolschewiki teilten. Jedoch distanzieren sie sich von der Ausrichtung der ARA auf Handel und Geschäfte. Sie entschieden sich deshalb für eine eigenständige Hilfskampagne im Rahmen des IKRK. Während Hoovers Verband von der amerikanischen Regierung finanziert wurde, stützten sich die *Friends* auf private Spenden. Auch trennten sie ihre Hilfe räumlich von der ARA. Dabei konnten die Quäker auf die Kapazitäten ihres *War Victims Relief Committee* in Buzuluk 1916/17 zurückgreifen. Im Gegensatz zu Hoovers Verband, der Veteranen der US-Armee rekrutierte, betrieben die Hungerhilfe der *Friends* Pazifisten und Internationalisten, die auch professionelle Fähigkeiten aufwiesen. Aktivisten wie Francesa Wilson hatten zudem während des Ersten Weltkrieges wertvolle Erfahrungen in der humanitären Opferhilfe gewonnen.

Andererseits nahm der Personalaustausch zwischen den Organisationen zu. Ebenso verband alle diese Vereinigungen das Bekenntnis zur «human pity» und «humanity» im «war „behind the lines“», zunehmend aber auch fachlicher Austausch, da der Stellenwert von Qualifikation wuchs. Nicht zuletzt bemühten

²¹ Vgl. LSF, FEWVRC/EME/4/1 (Sixth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for the Year Ending June 30th, 1918, S. 8f); FEWVRC/MISSIONS/10/1/6/8 (Schreiben vom 2. März, 15. März, 17. März, 23. März und 24. Mai 1919) und die Korrespondenz in LSF, FEWVRC/MISSIONS/10/1/6/9. Zu Bails Engagement auch: Panayi / Manz, *Rise*, S. 107; Mytum, *Tale*, S. 44. Zusammenfassend: Ormerod Greenwood, *Quaker Encounters*, Bd. 1, S. 272; Little, *State*; Durand, *Sarajevo*, S. 49 f., 162-166; Betts, *Universalism*, S. 57.

sich die humanitären Organisationen zunehmend, Überschneidungen in ihrer Arbeit zu beseitigen. So stimmte sich das VRC der Quäker 1921/22 hinsichtlich ihrer Öffentlichkeitsarbeit ab. Diese Koordination war wichtig, weil die Werbung mit Angaben zum Umfang und zu den Formen der humanitären Unterstützung integraler Bestandteil des Professionalisierungsprozesses war, den die Opferhilfe – darunter auch für internierte Feindstaatenangehörige – im Ersten Weltkrieg herbeigeführt hatte. Alles in allem war damit ein erkennbares und wachsendes Feld humanitärer Hilfe entstanden, in dem verschiedene Organisationen zugleich miteinander kooperierten und konkurrierten. Im weiteren Verlauf der 1920er Jahre setzten sie ihre Arbeit z. T. im Rahmen des Völkerbundes fort, in dessen Satzung das Rote Kreuz sogar explizit erwähnt wurde. Die Aktivitäten anderer Organisationen wie der SCFIU, die aus dem Anfang 1919 gebildeten *Famine Council* hervorgegangen war, förderten auch Deklarationen des Völkerbundes wie die 1924 von der Versammlung angenommene Erklärung zu den Rechten von Kindern. Sie trafen dabei allerdings auf den Widerstand von Antikommunisten und Gegnern der Internationalisten²².

5. Fazit: Die Ambivalenz von Zivilgesellschaftlichkeit von 1914 bis 1918 und Kontinuitätslinien humanitären Engagements seit dem späten 18. Jahrhundert

Alles in allem verweist der Umgang mit zivilen Feindstaatenangehörigen in den beiden Weltkriegen auf die Ambivalenz zivilgesellschaftlicher Assoziationen. Einige Vereine und Verbände erleichterten zwar das Leben von

²² Kelly, *Activity*, S. 165-168, 173-175, 179, 181-184, 197-199, 211. Zit. nach (in dieser Reihenfolge): *Third Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for the Half-Year Ending June 30th, 1915*, S. 16, und *Fourth Report of the Emergency Committee for the Assistance of Germans, Austrians and Hungarians in Distress. Report for Year Ending June 30th, 1917*, S. 11, 9, beide in: LSF, FEWVRC/EME/4/1. Zum IKRK in der Satzung des Völkerbundes: Wöbse, "To cultivate the international mind", S. 854.

Feindstaatenangehörigen und Pazifisten; viele schlossen sich aber der nationalistischen Propagandakampagne und patriotischen Mobilisierung an, die sich nicht zuletzt gegen die stigmatisierten Außenseiter richtete. Die Organisationen ließen sich von den Militärführungen und Regierungen in Dienst nehmen, zumal ihre Angehörigen oft selber eine Ersatzkriegführung gegen die Minderheiten der *enemy aliens* betrieben, die vielfach dämonisiert wurden. Dabei waren die Metaphern von «Verrat» und «Dolchstoß» in den kriegführenden Ländern überraschend ähnlich. So wurde Gold im Ersten Weltkrieg grenzüberschreitend eine erhebliche Verführungskraft zugeschrieben. Mit der Gewalt gegen Zivilisten «von unten» versuchten gesellschaftliche Akteure in den Jahren von 1914 bis 1918 und von 1939 bis 1945, sich in den Krieg der eigenen Nation einzuschreiben. Letztlich sollte so eine bedeutende Position in der Nachkriegsordnung und in der jeweiligen nationalen Erinnerungskultur gesichert werden. Die Aktivität der nationalistischen Gruppen und Assoziationen verweist damit auf eine grundsätzliche Ambivalenz der Zivilgesellschaft, die jeweils in die historischen Kontexte eingebettet werden muss. Dazu sind vor allem handlungslogische Studien geeignet, die Voraussetzungen, Träger und Ressourcen von «Zivilgesellschaftlichkeit» untersuchen und problematisieren²³.

²³ Pointiert dazu Geyer, *Militarization*, S. 75: «Militarization originated in civil society, rather than being imposed on it». Vgl. auch Panayi, *Germans*, S. 23; Higgs, *Information State*, S. 202 f. Zur ambivalenten Rolle zivilgesellschaftlicher Vereine und Vermittler: Sheri Berman, *Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic*, in: *World Politics* 49 (1997), S. 401-429; Sven Reichardt, *Gewalt und Zivilität im Wandel. Konzeptionelle Überlegungen zur Zivilgesellschaft aus historischer Sicht*, in: Dieter Gosewinkel u.a. (Hg.), *Zivilgesellschaft – national und transnational*, Berlin 2003, S. 61-81; Roger Eatwell, *The Concept and Theory of Charismatic Leadership*, in: ders., António Costa Pinto, Stein Ugelvik Larsen (Hg.), *Charisma and Fascism in Interwar Europe*, London 2007, S. 3-18, S. 9, S. 11, S. 15. Allgemein: Roland Roth, *Die dunklen Seiten der Zivilgesellschaft. Grenzen einer zivilgesellschaftlichen Fundierung von Demokratie*, in: *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 2 (2003), S. 59-73; Wolfgang van den Daele, *The Not so Sunny Sides of Civil Society Mobilization*, in: Gerhard Schröder (Hg.), *Progressive Governance for the XXI Century. Contribution to the Berlin Conference*, München 2002, S. 87-89.

Jedoch ist die in der neueren Forschung dominierende Interpretation, dass allgemeine Rechte für alle Menschen in den späten 1940er, in den 1970er oder sogar erst in den 1990er Jahren formuliert worden seien, zu relativieren. Zwar war die Verabschiedung der Allgemeinen Erklärung der Menschenrechte und der Europäische Menschenrechtskonvention 1948 bzw. 1950 ein wichtiger Einschnitt. Jedoch blendet eine Deutung, die humanitäres Engagement seit der Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte in der Französischen Revolution übergeht, wichtige personelle, institutionelle und ideengeschichtliche Kontinuitäten aus. So sorgten Gruppen wie die Quäker seit dem 19. Jahrhundert durchweg für Opfer des Krieges. Zudem ist das humanitäre Engagement einzelner prominenter Vertreter der Menschenrechtsbewegung – so René Cassin – im Ersten Weltkrieg verwurzelt. Auch die Internierung im Zweiten Weltkrieg motivierte einzelne Betroffene zu humanitärem Engagement. So wirkte Irmgard Payne, die 1940 in Gefängnissen in Glasgow und Edinburgh litt, später enthusiastisch bei der Arbeit der 1961 von dem Rechtsanwalt Peter Benenson gegründeten Menschenrechtsorganisation *Amnesty International* (AI) mit. Zudem ist in Rechnung zu stellen, dass auch in den 1970er Jahren humanitäres Engagement keineswegs nur altruistisch motiviert war. Vielmehr handelt es sich um ein Konfliktfeld, in dem unterschiedliche, oft sogar gegensätzliche Interessen aufeinandertrafen und verhandelt wurden, wie die Auseinandersetzungen über die Entspannung im Allgemeinen und die Konferenz für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa im Besonderen zeigen²⁴.

²⁴ Hierzu und zum Folgenden: Lasse Heerten, Menschenrechte und Neue Menschenrechtsgeschichte, in: Docupedia-Zeitgeschichte, 31. Januar 2017 (http://docupedia.de/zg/Heerten_menschenrechte_v1_de_2017, Zugriff am 30. März 2017); Brier, Quest, S. 155-158, 172; Winter, Dreams, S. 102-120; Cabanes, Great War, S. 72, 75. Dagegen: Stefan-Ludwig Hoffmann, Human Rights and History, in: Past and Present 232 (2016), S. 1-32, bes. S. 2, 4 f., 20 f.; Jan Eckel, Neugeburt der Politik aus dem Geist der Moral. Erklärungen einer heterogenen Konjunktur, in: ders. / Moyn (Hg.), Moral, S. 22-67, bes. S. 24; Schwartz Seller, We Built up Our Lives, S. 79. Zu AI: Stephen Hopgood, Keepers of the Flame. Understanding Amnesty International, Ithaca 2006, bes. S. 52-73; Tom

Buchanan, Amnesty International in Crisis, 1966-7, in: *Twentieth Century British History* 15 (2004), S. 267-289; ders., "The Truth Will Set You Free"; Bastiaan Bouwman, Outraged, Yet Moderate and Impartial. The Rise of Amnesty International in the 1960s and 1970s, in: *Low Countries Historical Review* 132 (2017), Nr. 4, S. 53-74. Zur Diskussion auch: Devin O. Pendas, Toward a New Politics? On the Recent Historiography of Human Rights, in: *Contemporary European History* 21 (2012), S. 95-111, bes. S. 98, 105 f.

**Диверсификация гуманитарной помощи российским
подданным
в Германии в годы Первой мировой войны²**

К началу Первой мировой войны на территории Германии оказались более 40 тыс. российских подданных³, 250 тыс. сезонных рабочих из России. Примерно 130 тыс. лиц с российским гражданством постоянно проживали в пределах Германской империи⁴. Вызовы безопасности заставляли Германскую империю ограничивать в правах *enemy aliens*, что было продиктовано необходимостью отстаивать принцип национального суверенитета в условиях тотальной войны.

Российские подданные, застигнутые войной на территории Германии, являлись «враждебными иностранцами» или *enemy aliens*, которые приехали на территорию Германской империи с разными целями и в связи с начавшейся мировой войной обрели неодинаковый статус⁵.

¹ Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914 – 1917 гг.» (№ 19-59-12006).

³ *Кареев Н.И.* Пять недель в германском плену // В немецком плену. Москва, 1915. С. 17; *Страхович А.И.* В Берлине во время войны. Петроград, 1914. С. 76.

⁴ *Плохотнюк Т.Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4, С. 93, 95.

⁵ Подробнее о статусе российских подданных в Германии см.: *Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3. С. 79-97.

Условно можно выделить три категории российских *enemy aliens* – это задержанные в начале войны российские граждане, вернувшиеся через несколько месяцев в Россию, среди которых преобладали женщины и мужчины непризывного возраста; конфинированные, т.е. задержанные и затем депортированные и ограниченные в правах лица мужского пола, остававшиеся в Германии до окончания войны; интернированные, т.е. находившиеся в германских лагерях. Вопрос об особенностях гуманитарной поддержки всех этих категорий российских подданных является до сих пор недостаточно изученным.

Что касается первой категории «враждебных иностранцев» из Российской империи, то они буквально с первых дней войны нуждались в помощи как материальной, так и психологической. Аккредитивы русских подданных были заблокированы в первые дни войны, у людей заканчивались деньги, а «вчерашие мирные, спокойные жители (имеются в виду граждане Германской империи – Н.Р.) превратились в разъяренных врагов. [...] Про иностранцев, особенно русских, рассказывали небылицы. То они колодцы отравляют, то давали конфеты с ядом детям. Всюду мерещились шпионы»,⁶ – писала в своих заметках Е.В. Герье. Об этом же можно прочитать и в воспоминаниях Н.И. Кареева, А.И. Страхович, Г. Шварц-Бостунича и др.⁷ Н.И. Кареев, правда, отмечал, что в Дрездене, где он находился вплоть до 9 августа, все было относительно спокойно.

Российские дипломаты в связи с началом войны вынуждены были в течение 48 часов покинуть Германию. Интересы российских подданных, оказавшихся в Германии, представляла нейтральная Испания. Однако особой гуманитарной поддержки в первые дни войны со стороны испанских дипломатов не было, они ожидали распоряжений из Мадрида.

⁶ Герье Е.В. НИОР РГБ. Ф. 70. В.И. Герье. Картон 93. Ед. хр. 17. Л. 31, 33.

⁷ Шварц-Бостунич Г. Между Россией и Германией. М., 2019. С. 79–80.

Только спустя месяц «враждебные иностранцы» из России получили первые денежные переводы⁸. О довольно пассивном поведении испанского консула в Гамбурге в исполнении своей миссии по защите русских подданных сообщалось также в мемуарах Г. Шварц-Бостунича⁹.

Но, например, в воспоминаниях советника Российского посольства в Испании Ю.Я. Соловьева отмечались большие заслуги Испании. В начале войны он оказался в Петербурге и организовал при посольстве Испании справочный стол о русских, оставшихся на территории Германской империи, поскольку штат испанского Посольства в России был малочисленен и не справлялся с возложенной на него миссией. Через эту структуру позднее проводились денежные переводы соотечественникам: родственники могли отправлять до 300 рублей ежемесячно¹⁰. Соловьев писал о ревностном отношении посла Испании в Берлине к возложенным на него обязанностям и о помощи дипломатов в возвращении россиян. Российский дипломат сообщал о больших заслугах испанского короля Альфонса XIII, распорядившемуся создать бюро помощи пленным¹¹. Он отмечал, что разбор дел по защите русских на вражеской территории стал одним из основных направлений деятельности Испанского посольства в Берлине, а дипломаты царской России и Временного правительства выражали признательность Альфонсу XIII за его заботу о правах русских военнопленных и интернированных лиц. О симпатиях короля Альфонса XIII странам Антанты упоминает в своей статье И.Ю. Медников¹².

В мемуарах, архивных документах и исследовательской литературе

⁸ Кареев Н.И. Пять недель в германском плену // В немецком плену. М., 1915.

⁹ Шварц-Бостунич Г. Между Россией и Германией. М., 2019. С. 92.

¹⁰ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893-1922. М., 1959. С. 257-258.

¹¹ Там же. С. 281.

¹² Медников И.Ю. Российско-испанские отношения в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс:] https://spain.mid.ru/web/spain_ru/rossijsko-ispanskie-otnosenia-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny-ministry-i-diplomaty (режим доступа - свободный, дата обращения: 26.11 2020).

прослеживаются три линии гуманитарных инициатив в отношении российских подданных: это помощь со стороны немецкого населения, самоорганизация российских граждан, задержанных в Германии, для обретения материальной поддержки и возвращения на родину, инициативы Международного Комитета Красного Креста и его национальных отделений и других филантропических организаций. В документах Государственного архива Российской Федерации эти организации были конкретизированы: в этой области работал «русский Красный Крест в Копенгагене, Красный Крест в Гамбурге [...], датский Красный Крест, шведский Красный Крест, Христианский союз молодых людей, Центральный Комитете немецкого Красного Креста, общество помощи военнопленным Немецкого Еврейского Союза»¹³.

Хрестоматийный пример первого направления – это помощь в рамках профессиональных сообществ, например, профессора истории Теодора Шимана¹⁴, который был очень неоднозначной фигурой¹⁵. Н.И. Кареев обратился к немецкому профессору с такими словами: «Наши народы находятся в войне между собой, но мы остаемся товарищами по науке [...] Наши нации воюют одна с другой, но не будет же эта война вечной, когда будет заключен мир, придется налаживать добрососедские отношения, а для этого обе стороны должны избегать всего, чего безусловно не требуют военные соображения, и особенно не нужно чинить неприятности мирным жителям»¹⁶. Русский историк полагал, что «германское правительство должно нас отпустить в Россию. Проф.

¹³ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 2.

¹⁴ Кареев Н.И. Пять недель в германском плену // В немецком плену. М., 1915; Филимонов В.И. Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд и рефлексия очевидца // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 1. С. 106–112.

¹⁵ См. об этом подробнее: Тарле Е.В. Теодор Шиман // Дела и дни. СПб., 1921. Кн. 2. 1921. С. 192-196.

¹⁶ Кареев Н.И. В недавнем плену у немцев // Русские записки. 1914. № 1. С.95.

Шиман ответил мне, что так и будет, но только не сейчас»¹⁷. Данный пример очень важен, он с одной стороны показывает, что гуманные стремления людей нередко перевешивают политические, а с другой – подчеркивает роль академической солидарности в условиях военной катастрофы.

С помощью немецких ученых стала возможной определенная самоорганизация русских. Так, Т. Шиман способствовал созданию двух комитетов для помощи русским и лично возглавил один из них. Кареев вошел в состав другого комитета. Комитеты распределяли пособия среди задержанных в Германии российских подданных, способствовали получению ими банковских переводов и посылок, а позже также отправке на родину.

Помощь немецких профессоров, отмечала Е.В. Герье, дочь известного русского историка, немца по происхождению, профессора В.И. Герье, приехавшая в Германию летом 1914 г. для изучения опыта немецких школ. Так, когда с началом войны женщина оказалась практически без денег и была психологически раздавлена тщательным полицейским надзором, то в Йене ей посоветовали обратиться к профессору Рейно, «председателю летних курсов, покровителю иностранцев». Правда Е.В. Герье отмечала, что принял он ее «любезно, но суховато», однако дал ей рекомендацию для работы в учебно-воспитательном заведении Т. Трюпера. Она получила уроки, это фактически спасло бедную женщину от голода¹⁸.

Е.В. Герье также описывала, как оказавшиеся в Йене русские вынуждены были прибегать к самоорганизации для ведения переговоров о выезде на родину, которые в итоге через пять недель увенчались успехом.

¹⁷ Кареев Н.И. Пять недель в германском плену // В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. С. 11–20.

¹⁸ Герье Е.В. НИОР РГБ. Ф. 70. В.И. Герье. Картон 93. Ед. хр. 17. Л. 33-34.

Но уехать смогли не все: русские студенты оставались в Германии, как писала Герье в воспоминаниях, в качестве «военнопленных»¹⁹, или как отмечается в отечественной литературе, «те из исследователей и студентов, которые были застигнуты войной на территории Германии или Австрии, были интернированы»²⁰.

Что касается помощи со стороны Международного комитета Красного креста, то она, безусловно, была. Международный комитет Красного Креста был основан в Женеве в 1863 г. и уже успел показать свое значение в ходе военных конфликтов. Масштабы Первой мировой войны были для него серьезным вызовом, и в ее начале он, видимо, еще не успел в полной мере включиться в процесс оказания помощи²¹. С начала Первой мировой войны тысячи частных комитетов и местных организаций направили свои инициативы – еду, одежду, предметы гигиены – в международный комитет Красного Креста, который перераспределял их для последующей отправки в лагеря интернированных через нейтральные страны. Но в воспоминаниях можно встретить как негативные, так и позитивные указания на действия Красного Креста. Есть упоминания на не безвозмездную помощь этой организации в деле отправки русских на родину. Так, Шварц-Бостунич описывал одного энергичного немецкого барона, который за помощь русским в отправке на родину требовал «внесения через него на Красный Крест 500 марок». Потом он же заявлял о возможности содействия при условии, что «за каждого, за кого я должен хлопотать, внести через меня в Красный Крест 10 марок»²². Автор мемуаров сомневался, был ли этот барон мошенником или нет, но такие подозрения закрадывались. Есть

¹⁹ Там же. Л. 43.

²⁰ Филимонов В.И. Указ. соч. С. 108.

²¹ [Электронный ресурс:]

[https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/international committee of the red cross](https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/international_committee_of_the_red_cross) (режим доступа - свободный, дата обращения: 02.11 2020).

²² Шварц-Бостунич Г. Указ. соч. С. 92-93.

указания на не безвозмездную помощь Красного креста в репатриации русских в других воспоминаниях²³. Представляется, что относиться к этому следует осторожно, так как психологическое и эмоциональное состояние русских «враждебных иностранцев» в Германии было сложным, и неустойчивым, распространялось много разных слухов, которые находили отражение в их воспоминаниях.

Немецкий комитет Красного Креста проявлял заботу о «враждебных иностранцах». Уже в процессе репатриации немецкий Красный Крест оказывал необходимую помощь, но она нередко воспринималась эмоционально, в негативном ключе. Е.В. Герье описывала тяжелое состояние заболевшей русской дамы. Кондуктор поезда с репатриантами телеграфировал в Красный Крест, «на одной из станций подошли люди по поводу больной, пришел доктор и с неприятным лицом осмотрел и сказал кондуктору, этим надо помочь, они хорошо говорят по-немецки»²⁴.

Неприятие всего немецкого нередко не позволяло объективно оценивать помощь, которая была оказана. Когда этот же поезд с российскими гражданами прибыл в Швецию, то эмоциональное отношение к шведскому Красному Кресту становилось диаметрально иным. Так, Герье восклицала: «Милые, хорошие шведы, как нам хотелось их поблагодарить, сказать, как отрадно нам было после девятинедельного плена чувствовать себя свободными людьми»²⁵. Важный посыл вернувшихся на родину русских – не ненависть, а доброе отношение к иностранцам в России способно показать, что Россия занимает не последнее место в семье культурных наций.

Гуманитарная помощь конфинированным русским гражданам в Германии – один из самых неизученных сегментов. Как уже отмечалось, к

²³ Страхович А.И. Указ. соч.

²⁴ Герье Е.В. НИОР РГБ. Ф. 70. В.И. Герье. Картон 93. Ед. хр. 17. Л. 44.

²⁵ Там же. Л. 45.

этой категории относились в основном мужчины, которые были задержаны на территории Германии, часто депортированы и находились под надзором полиции. К этой категории относились многие русские студенты, которым не позволяли покинуть Германию. В августе-сентябре 1914 г. все иностранные студенты были отчислены из немецких университетов. Называть их интернированными не совсем правильно, так как они обычно не находились в лагере, а если и попадали туда, то чаще всего на короткое время. Положение русских студентов довольно хорошо изучено в работах Т. Маурер. Она отмечала, что иногда какое-то время студенты находились в лагере, но, например, в Геттингене их отпустили под поручительство профессоров. Однако студенты могли находиться только в пределах города и должны были регулярно отмечаться в полиции. Наибольшую гуманитарную поддержку им оказало немецкое академическое сообщество. Русских студентов поддерживали даже те профессора, которые подписали знаменитое своим шовинистическим накалом воззвание «К культурному миру». Исследователи из России, чьи лекции и занятия в университетах были, естественно, запрещены, с помощью немецких коллег получали работу, например в университетских библиотеках²⁶. Вновь мы сталкиваемся с ситуацией, когда академическая репутация, академические связи явились выше политического и военного противостояния.

Конфинированным лицам не из академического сообщества гуманитарная поддержка оказывалась в основном местными жителями. Так, К.А. Федин, который был арестован в Дрездене и депортирован в Циттау, в своих литературных произведениях «Города и годы» и «Я был актером» упоминал в них о проявлении со стороны немцев в

²⁶ Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью. М., 2019. С. 280-290; *Maurer T.* «Und wir gehören auch dazu...». Universität und 'Volksgemeinschaft' im Ersten Weltkrieg. 2 Bde. Göttingen, 2015.

повседневной жизни абсолютно человеческих чувств. Например, хозяйка арестованного и помещенного в тюрьму гражданского пленного из России Розенберга, которой он, кстати, остался должен за квартиру, просит передать ему туда баночку яблочного мармелада²⁷. Подробности помощи гуманитарных организаций и Красного Креста в частности автор в литературных произведениях не описывал. Дневниковые записи о пребывании в Циттау не сохранились.

Относительно изученным является сюжет о гуманитарной помощи интернированным, которые содержались как в специальных лагерях для гражданских пленников, так и составляли компактные группы в лагерях для военнопленных. Интернированных официально не разрешалось привлекать к труду в рабочих командах вне территории лагеря, поэтому гуманитарная помощь – важный источник их существования. В годы Первой мировой войны заботу о них осуществляло Испанское посольство. Так, атташе по военнопленным и интернированным Генерального консульства РСФСР С. Семков, который приступил к своим обязанностям после подписания Брестского мира в апреле 1918 г., делал вывод, что оно ограничивалось лишь одними вербальными нотами и не поддерживало интернированных из России²⁸. Он также указывал, что гражданские пленники, находящиеся в лагере получают пищу, денежной помощи никакой и помощь от различных филантропических организаций в форме разнообразных расписок²⁹, о которых он обещал рассказать, но внимательное изучение данного фонда не выявило сообщений об этих расписках. Также в документах упоминается позиция видного члена датского Красного Креста, который призывает к немедленной помощи

²⁷ *Федин К.А.* Я был актером // Собрание сочинений. М., 1960. Т.6. С. 53.

²⁸ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 23.

²⁹ Там же.

интернированным из России³⁰. В других документах данного фонда, также есть указания на поддержку Датского Красного Креста.

Международный комитет Красного Креста и его национальные отделения проявляли заботу об интернированных, опираясь на собственные финансовые средства. Наибольшую активность проявлял американский Красный Крест, который в 1915 г. получил поддержку от фонда Рокфеллера. Национальные комитеты Красного Креста занимались распределением продуктов, строительством больниц, гигиеническим просвещением, организовывали досуг³¹. В начале войны интернированные из России находились в сложном положении и искали пути, чтобы сообщить о себе информацию, которая доходила до России через национальные комитеты Красного Креста нейтральных стран. Вскоре в России на базе филиала Красного Креста был создан Московский городской комитет. При Московской городской управе существовало также Центральное бюро по оказанию помощи семьям пострадавшим от войны, которое поддерживало граждан на территории Москвы³². Вопросами российских интернированных занималась Московская объединенная организация. В Москве шел сбор средств на поддержку комитетов помощи в нейтральных странах.

С. Семков сообщал об обращении для распределения присланного продовольствия по лагерям, включая и лагеря, где содержались гражданские пленные, к датскому Красному Кресту и раскрывал роль этой организации в распределении именных посылок: «Датским Красным Крестом был нанят склад, куда направлялись вагоны с посылками для дальнейшей рассортировки, чтобы быть уверенными, что дело ведется честно, мы направили туда двух наших товарищей, которые были

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ [Электронный ресурс:] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/red_cross (режим доступа - свободный, дата обращения: 02.11.2020).

³² Герье В.И. НИОР РГБ. Ф. 70. В.И. Герье. Картон 62. Ед. хр. 35. Л. 1.

приняты датским Красным Крестом на службу»³³. В дальнейшем сотрудничество Советской России с этой организацией разладилось и было принято решение о создании собственного распределительного пункта. В августе 1918 г. состоялось решение об открытии Московским Красным Крестом своего отделения в Берлине. Т.о. политические мотивы заставили Советскую Россию отказаться от помощи международных гуманитарных организаций.

Среди гуманитарных организаций, поддерживавших интернированных, наибольшего внимания заслуживают Международный комитет Красного Креста (МККК), Юношеская христианская организация, которая в российских документах обычно фигурирует как «Христианский союз молодых людей» (Young Men's Christian Association, YMCA) и инициативы принца Макса фон Баденского, который являлся почетным председателем баденского отделения Германского Красного Креста и почетным президентом Германо-американского комитета помощи военнопленным при YMCA, В 1916 г. YMCA построил в лагере Рулебен дополнительное здание на американские деньги. Внутри находился большой зал со сценой, который мог быть использован в качестве читального зала, хотя чаще всего использовался для богослужений. Сцена была оснащена алтарем для английской или русской церкви, также использовалась представителями других конфессий. Молитвенные службы проводились ежедневно по утрам³⁴.

Религиозная жизнь интернированных получала поддержку гуманитарных организаций. Внимания заслуживает деятельность всемирно известного американского деятеля в сфере гуманитарной помощи Конрада Хоффмана, который помогал военнопленным,

³³ ГА РФ . Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 82.

³⁴ *McCarthy D.J.* The Prisoner of War in Germany. The Care and Treatment of the Prisoner of War with History with a History of the Development of the Principle of Neutral Inspection and Control. New York; Moffat; Yard, 1918. P. 216.

европейским студентам и беженцам. Он бегло говорил по-немецки и с октября 1915 г. находился в Берлине и координировал работу Международного комитета Красного Креста, а также исполнял обязанности ответственного секретаря службы помощи военнопленным. В рабочих поездках по лагерям Германии Конрад Хоффман неоднократно получал от русских военнопленных и интернированных просьбу прислать «маленькие крестики или иконы». В результате переговоров Американской ассоциации с их штаб-квартирой в России императрицей Александрой Федоровной было выделено для интернированных немало предметов религиозного культа³⁵.

Большую роль в налаживании почтового сообщения играла Юношеская христианская организация. Почтовая служба по отправке открыток, посылок, писем работала через нейтральные страны, из и в Россию почтовые отправления доставлялись через Швецию. Также эта организация проделала большую работу по снабжению интернированных литературой, учебниками, спортивным инвентарем³⁶. Вносили определенный вклад в поддержку интернированных Национальный Католический Военный совет (National Catholic War Council), Еврейский благотворительный совет (Jewish Welfare Board), Христианская молодежная женская ассоциация (Young Women's Christian Association), Американская библиотечная ассоциация (American Library Association), которая поставила в лагерные библиотеки около 600,000 книг³⁷. О хороших библиотеках в лагерях цивильнопленных сообщал атташе Семков, инспектируя их весной 1918 г., но не сообщал за счет каких

³⁵ *Hoffmann C.* In the Prison Camps of Germany. A Narrative of «Y» Service Among Prisoners of War. New York, 1920. P. 79.

³⁶ *Dennett P.C.* Prisoners of the Great War. Boston; New York, 1919. Pp. 116-117.

³⁷ [Электронный ресурс:] https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/young_mens_christian_association_ymca (режим доступа - свободный, дата обращения: 02.11.2020 г.).

средств они были созданы³⁸.

В лагерях интернированных нередко создавались комитеты помощи, которые принимали добровольные пожертвования. Так, например, Семков, посещая лагерь для гражданских пленных Хавельсберг (в источнике – Гавельсберг) оставил 5000 марок в распоряжении этого комитета³⁹. Безусловно, эти деньги были выделены советской Россией⁴⁰. В другом лагере цивильнопленных – Хольцминдене (В источниках – Гольцминден) существовал федеративный комитет пленных, состоявших из бельгийцев, французов, англичан и русских. Как отмечал Семков, этот комитет оказывал услуги путем предоставления разнообразной помощи. Например «бельгийцы выдали нашим русским 60 кг сала в долг, с условием, что они его вернут. Уж очень волнует наших гражданских пленных вопрос, сможет ли Советская Россия возратить 60 кило сала бельгийцам. По этому поводу, наверно, будут переговоры с Комитетом иностранных Дел»⁴¹. В период войны русские получали наименьшее количество посылок, и, как сообщается в англоязычных мемуарах, англичане, американцы, французы, бельгийцы делились с русскими, подчеркивалось совместное пользование посылками⁴². В российских источниках речь идет о гуманитарной поддержке с возвратом. Интерпретация гуманитарной помощи национальными организациями нередко не совпадала, что связано с политическими аспектами.

Помощь интернированным российским гражданам большей частью оказывали национальные общества нейтральных стран. Наиболее активной была Швейцария – швейцарский Красный Крест отвечал за перевозку интернированных. Нейтральные страны были особенно

³⁸ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 37.

³⁹ ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 4. Л. 38.

⁴⁰ Там же. Л. 45.

⁴¹ Там же. Л. 68.

⁴² *Bascomb N. The Escape Artists: A Band of Daredevil Pilots and the Greatest Prison Break of the Great War. Boston-New York, 2018. P. 56.*

полезны при оказании различных услуг, чего не могли себе позволить гуманитарные организации воюющих стран.

Таким образом, можно констатировать, что характер и объем гуманитарной помощи всем категориям российских подданных в Германии в годы Первой мировой войны был разнообразен, но в сравнении с поддержкой «враждебных иностранцев», особенно интернированных из других воюющих с Германией стран, не являлся достаточным. Особая проблема – это восприятие гуманитарной помощи как самими русскими *enemy aliens*, так и правительствами Российской империи и советской России.

Böse Amerikaner – Gute Schweden? Die Tätigkeit der Schutzmächte für die Gefangenen in Russland im Ersten Weltkrieg

Es gab bei Kriegsausbruch keine internationalen Abmachungen, die die Tätigkeit der Schutzmächte regelten. Die Kriegsparteien richteten sich vielmehr nach den Gepflogenheiten im Verkehr zwischen den Großmächten, als nach Kriegsbeginn die Vereinigten Staaten die Vertretung der Interessen der Reichsdeutschen im Russischen Reich (und umgekehrt) übernahmen. Den weitaus zahlreicheren österreichisch-ungarischen Untertanen in russischer Hand (und umgekehrt) nahm sich Spanien an. Nachdem dieser Macht allerdings übergroße Passivität vorgeworfen wurde, traten auch für die Soldaten und Zivilgefangenen der Donaumonarchie die USA an ihre Stelle. Nach dem Abbruch der diplomatischen Beziehungen zwischen den USA und dem Deutschen Reich am 3. Februar 1917 (auf den am 6. April der Kriegseintritt der Vereinigten Staaten folgte) übernahm Schweden die Sorge für die reichsdeutschen Gefangenen und Dänemark die entsprechende Rolle für die österreichisch-ungarischen.

Der Historiker Karl Scharping schrieb 1939 über das unterschiedliche Engagement der Amerikaner und Schweden: «Zwischen der Arbeit der Schweden und Amerikaner [...] bestand ein Unterschied wie zwischen Schwarz und Weiß. Die Amerikaner schienen in christlicher Nächstenliebe reisende Geschäftsleute zu sein, die auf Rechnung amerikanischer Bürger Geld hergaben

¹ Dr. Georg Wurzer, freiberuflicher Historiker und Übersetzer, Wilhelmsdorf in Württemberg.

[...] Die Schweden waren dagegen Helfende, deren Hilfe unendlich wohl tat, die bei ihrer schwierigen Aufgabe auch mit dem Herzen dabei waren ...»².

Dieses Urteil war nicht nur – wie man vermuten könnte – von den tagespolitischen Emotionen in NS-Deutschland vor dem Ausbruch des neuen Weltkriegs bestimmt, vielmehr spiegelt es auch die Meinung der ganz überwiegenden Mehrheit der Kriegs- und Zivilgefangenen wieder, sofern sie ihre Erinnerungen schriftlich hinterlassen haben.

Ich möchte in meinem Vortrag zunächst den Stand der Forschung referieren und dann selbst das Zeugnis der Erlebnisberichte ehemaliger Zivilgefangener analysieren.

Eine Schutzmacht war bevollmächtigt Gelder zu übermitteln, Beschwerden der Gefangenen entgegenzunehmen und Protestnoten der Heimatländer der Gefangenen an die feindlichen Regierungen zu übermitteln.

In der Sekundärliteratur wird die Leistung der Amerikaner sehr kontrovers beurteilt. Während die US-amerikanischen Autoren wie Richard B. Speed und Gerald H. Davis Verständnis für die schwierige Lage ihrer Vertreter äußern, verhalten sich die deutschsprachigen Autorinnen und Autoren sehr ablehnend.

Der amerikanische Forscher Davis führt aus, die amerikanischen Konsularbeamte hätten durch ihre harte Arbeit bei der Verteilung von Geldern und sonstiger materieller Hilfe vermutlich tausende von Leben gerettet. Jedoch seien sie mit Ausnahme des Moskauer Generalkonsuls John Snodgrass von den Russen und den Heimatländern der Gefangenen gleichermaßen misstrauisch beäugt worden³.

In den Heimatländern der Mittelmächte und von den ihnen nahestehenden neutralen Beobachterinnen und Beobachtern wurde den

² Scharping K. In russischer Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. S. 16.

³ Davis G.H. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914-1918 // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. S. 623-634, hier S. 637.

Amerikanern nicht nur das beschriebene Streben nach Neutralität angekreidet, ihnen wurden direkt antideutsche Gefühle unterstellt. Die schwedische Rotkreuzschwester Elsa Brändström etwa führt aus, die persönliche Antipathie des Botschafters Marye gegen die Deutschen habe die amerikanische Hilfsarbeit beeinflusst. Nicht nur habe sich der Botschafter völlig passiv verhalten, dies habe sich auch auf seine Untergebenen ausgewirkt. Die amerikanischen Delegierten hätten im Allgemeinen die Auffassung gehabt, sie seien Russlands Gäste und dürften daher keine Kritik üben⁴.

Von der Tätigkeit des schwedischen Gesandten General Brändström lassen sich vor der Oktoberrevolution in den vorliegenden Quellen nur wenige Spuren finden. Umso bedeutender wurde seine Rolle nach dem Oktoberumsturz, nach dem die neuen russischen Regierungsstellen vor Ort oft die Versorgung der Gefangenen einstellten. In dieser Periode spielten die von den Schweden verteilten Unterstützungsleistungen aus dem Deutschen Reich eine entscheidende Rolle für das Überleben der Kriegsgefangenen und Zivilinternierten. Seine Tochter Elsa Brändström, die zunächst als russische, dann als schwedische Rotkreuzschwester für die Gefangenen tätig war, erhielt nach dem Ende des Weltkriegs Kultstatus, ihre oben bereits genannten Erinnerungen von 1922 wurden ein Bestseller. Die Verehrung für sie hatte von Seiten der Gefangenen auch oft einen sexualisierten Unterton.

Auffallend ist, dass die amerikanischen Stellen von August 1914 bis Februar 1917, also in 2 ½ Jahren nur 36,9 mio. Mark für die Verteilung an

⁴ Brändström E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. Berlin, 1922. S. 5. Siehe auch: Klante M. Die deutschen Kriegsgefangenen in Russland // Der große Krieg 1914-1918 in zehn Bände. Hg. von Schwarte [Max]. Zehnter Band: Die Organisation der deutschen Kriegsführung. Dritter Teil. Leipzig, 1923. S. 182-204, hier S. 190; Raabl-Werner H. von. Österreich-Ungarns offizielle Kriegsgefangenenfürsorge // In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen. Zusammengestellt und eingerichtet von Hans Weiland und Leopold Kern. 2 Bände. Bd. 2. Wien, 1931. S. 324-331, S. 325; Leidinger H.; Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1920. Wien; Köln; Weimar, 2003. S. 174/5; Scharping K. Op. cit. S. 10/1; Üxküll [A.], Gräfin von. Aus einem Schwesternleben. 2. Auflage [Stuttgart, 1957]. S. 44.

Zivilgefangene und 9,9 mio. Mark an Kriegsgefangene von den deutschen Behörden erhielten, während die Schweden vom Februar 1917 bis Mai 1918, also in etwas mehr als einem Jahr 153,6 mio. an die Zivil- und 38,4 mio. an die Kriegsgefangenen verteilen konnten, also ein Mehrfaches⁵. Die Ursache dafür ist vermutlich in der deutschen Politik in der Kriegs- und Zivilgefangenenfrage zu suchen. Während die Reichsregierung lange Zeit Berichte über die schlechte Lage der Landsleute in Russland aus der Hoffnung auf einen Separatfrieden unterdrückte, kam sie später, nach der Aufdeckung der Missstände an der berüchtigten Murmanbahn, unter Druck, etwas für die Gefangenen zu tun und mehr Geld bereit zu stellen⁶. Man darf nicht vergessen, dass die jeweiligen Schutzmächte auf die Gelder angewiesen waren, die sie aus dem Reich und der Donaumonarchie bekamen.

Nun soll anhand von Beispielen aus den Erlebnisberichten von ehemaligen Zivilgefangenen aufgezeigt werden, wie die Hilfeleistung der verschiedenen Schutzmächte von den Betroffenen wahrgenommen wurde.

Ein sehr frühes Werk sind die «Erinnerungen eines preußischen Generals in russischer Kriegsgefangenschaft», als deren Autorin seine Frau, Freifrau vom Dalwigk figuriert⁷. Hier wird der amerikanische Konsul in Riga kritisch bewertet⁸, dem erwähnten Generalkonsul in Moskau, Snodgrass, wird hingegen guter Wille und Tatkraft attestiert. Der General wurde in Riga verhaftet und von dort nach Moskau gebracht. In Moskau wurde der General ins Gefängnis eingeliefert. Seine Frau bemühte sich um ihn. Sie weiß Gutes vom amerikanischen Konsul Snodgrass zu berichten: «Der amerikanische Konsul Mr. Snodgraß [sic!], ein Mensch von gutem Willen, [...] konnte mir zunächst

⁵ Brändström E. Op. cit. S. 133. Beilage 2.

⁶ Zur Murmanbahn siehe: Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach, 2003.

⁷ Dalwigk Freifrau von. Erinnerungen eines preußischen Generals in russischer Kriegsgefangenschaft. Oldenburg, 1915.

⁸ Ibid. S. 13.

nicht im Geringsten helfen. Aber nach Wochen, in denen ich unentwegt zu ihm ging, um das Interesse für meinen Mann wach zu halten, lernten wir uns näher kennen und, da er selbst herzleidend war, erregte es sein Mitleid, dass der General im Gefängnis an Herzbeklemmungen litt. [...] Soviel er konnte, hat er versucht, mir hilfreich zu sein, und ich gedenke seiner in Dankbarkeit»⁹. Snodgrass sei aus Vjatka mit Bittbriefen von verschickten Deutschen, die dem Hunger nahe gewesen seien, überschwemmt worden und bedauerte von ganzem Herzen, nicht mehr für die Armen tun zu können, da seine Mittel begrenzt seien¹⁰. Nachdem ihr Mann sieben Wochen im Gefängnis gesessen hatte, erfuhr sie, dass ihr Mann im Gefängnis bleiben sollte. Die Reaktion von Snodgrass war heftig: «Diese Nachricht versetzte den sonst so langmütigen Mister Snodgrass in die heftigste Entrüstung und er sandte sofort einen Express an den amerikanischen Gesandten in Petersburg, damit dieser Protest einlegen sollte gegen die unmenschliche Behandlung eines preußischen Generals»¹¹.

Walther Lemme wurde nach Krasnyj Jar verschickt. Dort seien mit der Zeit viele mittellose Ostpreußen angekommen. Zunächst bezahlte die russische Stadtverwaltung 15 Kopeken pro Kopf, dann wurde dies eingestellt. Der Vorsitzende des deutschen Hilfsausschusses, einer Selbsthilfeorganisation der Verschickten, wandte sich daraufhin sofort an die amerikanische Botschaft. Diese habe dann die Sorge für die mittellosen Deutschen übernommen. Da es keinen amerikanischen Konsul in der Nähe gab, habe der Hilfsausschuss durch Vermittlung des dänischen Konsuls in Rostow am Don monatlich die (beträchtliche) Summe von 6.000 Rubel erhalten¹². Als der Austausch der Frauen, Kinder und nicht militärtauglichen Männer beginnen sollte, mussten Gesuche eingereicht werden, die 2 bzw. 4 Rubel kosteten. Da viele von den

⁹ Ibid. S. 27.

¹⁰ Ibid. S. 28.

¹¹ Ibid. S. 51.

¹² Lemme W. Meine Erlebnisse in russischer Gefangenschaft. Berent, 1915. S. 13.

Ostproußen nicht in der Lage waren, die Gebühr aufzubringen, so lieferte die amerikanische Botschaft das notwendige Geld, etwa 600 Rubel¹³.

Andere Autoren äußern sich kritischer über die Amerikaner, erwähnen aber immer wieder beiläufig deren bedeutende Hilfeleistungen, v.a. die Übermittlung von Geldern.

Ein Beispiel hierfür ist der Reichsdeutsche, dessen Erlebnisse der Schriftsteller Kett in der Ich-Form niederlegte¹⁴. Er war in Petersburg wohnhaft. Am 03.08.1914 wurde ihm auf seine Anfrage von den Amerikanern beschieden, sie könnten sich nicht äußern, weil sie keine Instruktionen hätten, man solle abwarten. Am folgenden Dienstag tauchte vor dem Konsulat ein Aushang auf, die Deutschen sollten sich hier nicht in zu großer Zahl versammeln, um nicht das russische Publikum gegen die Amerikaner aufzubringen. Der Ich-Erzähler folgerte für sich: «Meine Bekannten und ich vermieden es, diesen Schutz weiter in Anspruch zu nehmen. Ich habe auch später von niemand hören können, dass er an dieser Stelle wirklichen Rat oder Beistand erhalten habe»¹⁵. Unauffällig ist dagegen die Mitteilung, dass die amerikanische Gesandtschaft größere Geldbeträge aus Deutschland an die mittellosen Zivilgefangenen in Wologda, wohin er mit vielen anderen Deutschen und Russland und verschleppten Ostproußen gesandt worden war, verteilte¹⁶. Die nicht Militärfähigen wurden über Petrograd ausgetauscht. Dort erhielten die Mittellosen von einem Vertreter der amerikanischen Botschaft pro Kopf zwanzig Rubel und das Geld für die Fahrkarte bis Torneo ausbezahlt, eine Tatsache, die Kett kommentarlos mitteilt¹⁷. Er lobt die Behandlung in Schweden, «... einem Lande [...] das den Deutschen seine

¹³ Lemme W. Op. cit. S. 16. Positiv auch: Schenk R. Zwei Jahre in russischer Gefangenschaft. Leipzig, 1917. S. 91, 95, 112, 116; Rund um die Erde zur Front, dem Flüchtling nacherzählt von Otto Anthes. Berlin, 1916. S. 28; Jonck G. Meine Verschickung nach Sibirien. Erinnerungen und Erlebnisse eines Rigaschen Buchhändlers. München, 1916.

¹⁴ Kett A. Erlebnisse aus dem Jahre meiner Gefangenschaft in Russland. Regensburg, [1916].

¹⁵ Ibid. S. 22.

¹⁶ Ibid. S. 48.

¹⁷ Ibid. S. 94.

Sympathie und Hochachtung zugewendet»¹⁸. Die Reise durch Schweden habe einem Triumphzug geglichen. Gleiches lässt sich in den Memoiren des Pastors Ernst Moering finden¹⁹.

Ein anderes Beispiel sind die Erinnerungen von Max Pfau²⁰, die auch relativ früh erschienen. Er wurde als in Lodz ansässiger Reichsdeutscher gefangengesetzt und nach Saratow gebracht, von wo er schließlich in ein Dorf gelangte. Er erwähnt einen Ort («Mamadysch») wo deutsche Zivilgefangene an Hungertyphus verstorben seien und empört sich, wo da der Schutz durch die amerikanische Botschaft bleibe? Warum seien keine Reisen in diese Gebiete unternommen worden?²¹ Selbsthilfeorganisationen der Gefangenen hätten geleistet, was eigentlich der amerikanischen Botschaft zugekommen wäre. Er erwähnt aber durchaus, dass die amerikanische Botschaft Hilfsgelder der Reichsregierung für die Mittellosen übersandte²². Auf dem Weg in die Heimat begab er sich in Petrograd sofort zum amerikanischen Konsul, wo er nicht nur «...freundliche und lebenswürdige Auskunft...» erhielt, sondern auch Geld für die Weiterreise ausbezahlt bekam²³. Er erhielt auch einen Schutzbrief der amerikanischen Regierung, um die Nacht in Petrograd verbringen zu können, aber der für ihn zuständige Pristav zeigte sich davon wenig beeindruckt²⁴. Pfau kommentiert: «So steht es mit dem „Schutz der Deutschen durch die amerikanische Botschaft“». Nicht einmal einen Pristaf vermögen die Amerikaner zu bändigen und noch dazu in einer Sache, deren Rechtlichkeit die höchsten russischen Behörden mir bescheinigt hatten. Aber die russischen

¹⁸ Ibid. S. 120.

¹⁹ Moering E. Mit verschleppten Ostpreußen an der Mündung der Wolga. Erlebnisse aus elf Monaten russischer Kriegsgefangenschaft. Berlin, 1916. S. 13, 22, 52/3, 54.

²⁰ Pfau M. Russisches. Erlebnisse und Eindrücke aus elfmonatiger Gefangenschaft 1914/15. Stuttgart; Berlin, 1915.

²¹ Ibid. S. 72.

²² Ibid. S. 100.

²³ Ibid. S. 124.

²⁴ Ibid. S. 127/8.

Beamten wissen natürlich, dass Amerika mit zweierlei Maß misst»²⁵. Die Aufnahme durch die Schweden, den Angehörigen «...der germanischen Edelrasse ...», kommentiert er so: «Habt Dank, ihr Schweden!»²⁶.

Zivilgefangene, deren Erlebnisberichte die Zeit nach 1917 abdecken, äußern sich sehr positiv über die Hilfsarbeit der Schweden.

Dr. Adrian Polly schreibt von der um die Schicksalserleichterung der in russischer Gefangenschaft schmachtenden Angehörigen der Mittelmächte hochverdienten schwedischen Gesandtschaft in Petersburg²⁷ Er bemerkt: «Die beispiellose hingebungsvolle Tätigkeit der Schwedischen Gesandtschaft in Petersburg – seitdem sie an Stelle der uns innerlich feindseligen Amerikanern den deutschen Schutzdienst in aufopferungsvoller Hingabe übernahmen – und der ihr unterstellten Organe in werktätiger Fürsorge zum Wohle der deutschen Kriegs- und Zivilgefangenen in Russland fand auch in der Kaiserdrahtung vom 8. März 1918 an den König von Schweden dankerfüllte Anerkennung unter besonderer Hervorhebung der Großtaten des Generals Brandström und seiner heldenhaften Tochter Fräulein Elsa Brandström»²⁸.

Nach der Oktoberrevolution machten Karl Schimmel²⁹ und Alexander Mosler³⁰ sehr intensive Erfahrungen mit der schwedischen Gesandtschaft in Petrograd.

Schimmel gelangte auf der Flucht zunächst nach Saratow, wo das deutsche Hilfskomitee unter Hochdruck gearbeitet habe. «Als offizielle internationale Hilfsstelle fungierten jetzt nicht mehr die Amerikaner, die taub für alle Klagen waren, sondern das schwedische Konsulat, das sich

²⁵ Ibid. S. 129.

²⁶ Ibid. S. 132.

²⁷ Polly A. Der Umsturz des Russischen Kaiserreiches (1917). Nach eigenem Erleben. Berlin, 1919. S. 247.

²⁸ Ibid. S. 253.

²⁹ Schimmel K. Mit Schmugglern nach Finnland. Meine Flucht aus dem bolschewistischen Russland zur Zeit der finnischen Freiheitskämpfe. Berlin, 1918.

³⁰ Mosler A. In den Sturmtagen der russischen Revolution. Meine Befreiung aus russischen Kerkern. Berlin; Wien, 1918.

hauptsächlich auf die Mitarbeit der Deutschen stützte. Es arbeitete mit einer Tatkraft und Aufopferung, die uns Deutsche zu großem Dank verpflichtet»³¹. Er gelangte weiter nach Petrograd. Da er die Stadt nicht sofort verlassen konnte, übernahm er die Verwaltung des Evakuationsbüros und die Empfangnahme der Gefangenen an der schwedischen Botschaft. Seine Hauptaufgabe schien ihm dort, «...unsere Landsleute auf die bolschewistische Gefahr hinzuweisen...» und tatsächlich sei manchem Kameraden die Augen aufgegangen. «Was tut alles die schwedische Botschaft!»³².

Der deutschnationale Aktivist Mosler lebte bei Kriegsausbruch in Tiflis. Er wurde verhaftet und kam ins Gefängnis. Nach dem Aufenthalt in verschiedenen Gefängnissen wurde er in ein Dorf bei Vjatka verbannt, wo er als Spion verhaftet und ins Gendarmeriegefängnis in Petrograd gebracht wurde. Während der Februarrevolution wurde er befreit und flüchtete sich in die schwedische Gesandtschaft. Er verbrachte sechs Monate in der Gesandtschaft «...gepflegt und gehegt». Er stellte sich in den Dienst des Roten Kreuzes. «Es war eine Riesenarbeit, die die schwedischen Herren zu erledigen hatten. Die amerikanische Botschaft, die, solange Amerika neutral war, den Schutz der Deutschen innehatte, schien sich blitzwenig um ihre Schutzbefohlenen gekümmert zu haben. Auch dies wieder ein Beweis, dass die großen Redensarten des Präsidenten Wilson von Menschenwürde und Menschenrecht nichts als leerer Schall sind. In der Praxis sieht Amerikas Idealismus kläglich und jammervoll aus. Alle der aufgespeicherte Wust von Bitten und Klageschriften wurde von den Amerikanern unerledigt an die Schweden abgeschoben»³³. Er schildert ausführlich die Leiden der Gefangenen und die Leistungen der Schweden³⁴. «Wieviel aufopfernde Selbstüberwindung gehörte für die schwedischen Herren dazu, alles in der parteilosesten Weise zu regeln

³¹ Schimmel K. Op. cit. S. 12.

³² Ibid. S. 24.

³³ Mosler A. Op. cit. S. 96.

³⁴ Ibid. S. 96-99.

und zu erledigen! Sie taten es freudigen Mutes. Die Tochter des Generals B, „Schwester Elsa“, gab ihnen leuchtendes Beispiel. Von früh bis spät, ihrer eigenen Gesundheit nicht achtend, griff sie ein, wo es galt, Wunden zu heilen»³⁵. Der Gesandte hielt sechs Monate dem Druck der russischen Behörden stand, die geflüchteten Reichsdeutschen auszuliefern³⁶. Am 27. August 1917 (a.St.) mussten sie dann die Gesandtschaft verlassen, er kam wieder ins Gefängnis³⁷. Schließlich, unter der Herrschaft der Bolschewiki, wurde er ausgetauscht.

Die Erlebnisberichte der Kriegsgefangenen, soweit sie dem herrschenden Muster folgen, sind voll der Schmähungen für die Amerikaner und des Lobes für die Schweden. Sie sollen nicht einzeln zitiert werden, es sei nur auf das erfolgreichste Kriegsgefangenenbuch von Edwin Erich Dwinger, «Die Armee hinter Stacheldraht» verwiesen³⁸.

Es konnten nur zwei Kriegsgefangenenmemoiren ermittelt werden, die aus dem Raster fallen und in denen die Tätigkeit der Schweden kritisch beleuchtet wird. Der Deutschösterreicher Ney war im Lager Atschinsk interniert. Er beschreibt große Unterschlagungen der spärlich eintreffenden Liebesgaben für die gefangenen Mannschaften durch das aus Offizieren bestehende Liebesgabenkomitee³⁹. In Beresovka, wohin er im November 1917 verlegt wurde, war es nicht besser Die zumeist adeligen Vertreter der neutralen Mächte hätten dies geschehen lassen⁴⁰.

Interessanterweise sind in dem russischen Werk von Ju. Kirsch, «Unter dem Stiefel Wilhelms» (Под сапогом Вильгельма)⁴¹ ähnliche Aussagen zu

³⁵ Ibid. S. 99.

³⁶ Ibid. S. 100.

³⁷ Ibid. S. 101.

³⁸ Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Jena, 1929.

³⁹ Ney K. Volk ohne Heimat. Bilder aus den sibirischen Revolutionstagen. Graz, [1923]. S. 7/8.

⁴⁰ Ibid. S. 22.

⁴¹ Кирш Ю. Под сапогом Вильгельма (Из записок рядового военнопленного № 4925). 1914-1918 гг. М.; Ленинград, 1925.

finden. Er wurde Ende 1914 gefangen und im deutschen Lager Hameln an der Weser interniert. Er schreibt: «Im Lager begannen Zeitungskorrespondenten aufzutauchen, Vertreter diplomatischer Missionen und des Roten Kreuzes. Diese Besuche waren immer im Voraus bekannt, die Böden und Fenster wurden geputzt, neue Holzpantoffeln wurden ausgegeben. Und natürlich befanden die Besuchenden im Lager alles in Ordnung, und nach außen schien das Lager wirklich eine kulturelle Einrichtung sei. Und von irgendwelchen Klagen konnte keine Rede sein»⁴².

Einen verallgemeinernden Schluss aus dem dargebotenen Material zu ziehen, scheint schwierig. Tatsächlich scheinen die Unterstützungszahlungen für die mittellosen Zivilgefangenen unter den Amerikanern wirklich beständig geflossen zu sein. Die Memoiren von Dalwigk stützen aber unbeabsichtigt die Befunde von Ney und Kirsch. Ein adeliger General in Zivilgefangenschaft stand auch den amerikanischen Vertretern näher als verschleppte ostpreußische Bauern und ersterer konnte auch eher auf tatkräftige Hilfe hoffen.

⁴² Там же. С. 42: «В лагерь стали являться корреспонденты газет, представители дипломатических миссий, представители Красного Креста. Об этих посещениях знали всегда накануне, мыли полы, окна, выдавались новые колодки. И конечно все посетившие находили лагерь в порядке, и с виду действительно был культурным учреждением. Ни о каких жалобах не могло быть и речи».

Плохие американцы - хорошие шведы? Деятельность держав-покровительниц пленных в России во время Первой мировой войны

В начале войны не существовало международных соглашений, регулирующих деятельность держав-покровительниц. Скорее всего, воюющие стороны руководствовались традиционными принципами общения великих держав, когда после начала войны Соединенные Штаты Америки взяли на себя роль защиты интересов подданных Германской империи в Российской империи (и наоборот). Испания взяла на себя заботу о гораздо более многочисленных австро-венгерских подданных, находившихся в русском плену (и наоборот). Однако после того, как Испания была обвинена в чрезмерной пассивности, Соединенные Штаты заняли ее место и для комбатантов, и для гражданских пленных Дунайской монархии. После разрыва дипломатических отношений между США и Германской империи 3 февраля 1917 г. (за которым последовало вступление США в войну 6 апреля 1917 г.), Швеция взяла на себя заботу о немецких пленных, а Дания - об австро-венгерских пленных.

Историк Карл Шарпинг писал в 1939 году о различии в деятельности американцев и шведов: «Между работой шведов и американцев [...] была разница, как между черным и белым. Американцы, казалось, были бизнесменами, путешествующими с христианской благотворительностью, которые давали деньги от имени американских граждан [...] А шведы, с другой стороны, были помощниками, чья помощь

¹ Георг Вурцер, доктор, свободный исследователь, Вильгельмсдорф (Баден-Вюртемберг, Германия).

была бесконечно благотворительной и которые выполняли свою трудную работу со всей душой ...»².

Это высказывание - как это можно предположить - было определено не только повседневными политическими настроениями в нацистской Германии до начала Второй мировой войны, но и отражало мнение подавляющего большинства военнопленных и гражданских пленных, представленное в мемуарах.

В своем докладе я хотел бы сначала представить современную историографию, а затем проанализировать свидетельства бывших гражданских пленных.

Страна-покровительница была уполномочена переводить средства, получать жалобы от пленных и передавать ноты протеста из стран пленных вражеским правительствам.

В научной литературе достижения американцев оцениваются очень неоднозначно. Американские авторы, такие как Ричард Б. Спид и Джеральд Х. Дэвис, относятся с пониманием к тяжелому положению американских представителей, тогда как немецкоязычные авторы отзываются о них очень пренебрежительно.

Американский исследователь Дэвис утверждает, что сотрудники американских консульств, возможно, спасли тысячи жизней благодаря их упорному труду по распределению средств и другой материальной помощи. Однако, за исключением генерального консула в Москве Джона Снодгрэса, как российские учреждения, так и учреждения собственных стран пленных с одинаковым подозрением относились к американским представителям³.

² Scharping K. In russischer Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. S. 16.

³ Davis G.H. National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia 1914-1918 // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. S. 623-634, hier S. 637.

На родине Центральных держав и близких к ним нейтральных наблюдателей американцев не только обвиняли в стремлении к нейтралитету, но и в антигерманских настроениях. Шведская медсестра Красного Креста Эльза Брандстрём, например, пишет, что личная антипатия посла Мэри⁴ к немцам повлияла на американскую работу по оказанию помощи. Посол не только вел себя совершенно пассивно по отношению к пленным, но и оказывал соответствующее влияние на своих подчиненных. Американские представители в целом придерживались мнения, что они являются гостями России и поэтому не должны ее критиковать⁵.

В имеющихся источниках содержатся лишь скудные упоминания о деятельности шведского посла генерала Брандстрёма до Октябрьской революции. После революции значение его деятельности возросло, поскольку новые российские власти на местах часто прекращали снабжение пленных. В этот период решающую роль в обеспечении военнопленных и интернированных лиц сыграла помощь Германской империи, которую распределяли шведы. Его дочь, Эльза Брандстрём, работавшая сначала медсестрой Российского комитета Красного Креста, а затем шведского, после окончания Первой мировой войны стала культовой фигурой. Ее мемуары 1922 г., упомянутые выше, стали

⁴ Джордж Томас Мэри (Marye) - посол США в России в 1914-1916 гг. (прим. ред.).

⁵ Brändstöm E. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien. Berlin, 1922. S. 5. Siehe auch: Klante M. Die deutschen Kriegsgefangenen in Russland // Der große Krieg 1914-1918 in zehn Bände. Hg. von Schwarte [Max]. Zehnter Band: Die Organisation der deutschen Kriegsführung. Dritter Teil. Leipzig, 1923. S. 182-204, hier S. 190; Raabl-Werner H. von. Österreich-Ungarns offizielle Kriegsgefangenenfürsorge // In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen. Zusammengestellt und eingerichtet von Hans Weiland und Leopold Kern. 2 Bände. Bd. 2. Wien, 1931. S. 324-331, S. 325; Leidinger H.; Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1920. Wien; Köln; Weimar, 2003. S. 174/5; Scharping K. Op. cit. S. 10/1; Üxküll [A.], Gräfin von. Aus einem Schwesternleben. 2. Auflage [Stuttgart, 1957]. S. 44.

бестселлером. Почитание ее со стороны пленных часто носило и сексуализированный характер.

Поразительно, что с августа 1914 г. по февраль 1917 г., т.е. за 2,5 года, американские власти получили от немецких властей только 36,9 млн. марок для распределения среди гражданских пленнх и 9,9 млн. марок для военнопленных, а шведы смогли распределить 153,6 млн. марок среди гражданских пленнх и 38,4 млн. марок среди военнопленных за период с февраля 1917 г. по май 1918 г., т.е. за год в несколько раз больше⁶. Причина этого, по-видимому, кроется в политике Германии по отношению к военнопленным и гражданским пленным. Первоначально правительство Германской империи долгое время скрывало сообщения о плохом положении своих соотечественников в России в надежде на сепаратный мир, позднее, после вскрытия злоупотреблений на печально известной Мурманской железной дороге, на немецкое правительство было оказано давление, чтобы оно сделало что-то для пленнх и предоставило больше денег⁷. Нельзя забывать, что соответствующие державы-покровительницы зависели от денег, которые они получали от Рейха и Дунайской монархии.

Теперь я хотел бы привести примеры из жизни бывших гражданских пленнх, чтобы показать, как помощь, предоставляемая различными державами-покровительницами, оценивалась самими пленными.

Одна из первых книг, «Воспоминания прусского генерала в русском плену» 1915 г., автором которой является жена генерала Фрейфрау фон

⁶ Brändström E. Op. cit. S. 133. Beilage 2.

⁷ О Мурманской железной дороге см.: Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach, 2003.

Дальви́гк⁸, которая критически оценивает американского консула в Риге⁹ и в то же время свидетельствует о доброй воле и энергии американского генерального консула в Москве, Снодгрэса. Генерала арестовали в Риге и направили в Москву. В Москве генерала посадили в тюрьму. Жена пыталась ему помочь. Она пишет об американском консуле Снодгрэсе: «Американский консул, господин Снодгрэс, человек доброй воли, [...] не смог мне помочь, по крайней мере, поначалу. Но после нескольких недель, в течение которых я была у него постоянно, чтобы сохранить интерес к моему мужу, мы узнали друг друга лучше, и, так как у него самого были проблемы с сердцем, это вызвало его жалость, потому что генерал также страдал от проблем с сердцем в тюрьме. [...] Как только мог, он старался быть полезным мне, и я вспоминаю его с благодарностью»¹⁰. В то же время Снодгрэс получил из Вятки множество писем от голодающих немецких пленных, по словам фон Дальви́гк Снодгрэс от всего сердца сожалел, что он не может сделать больше для неимущих пленных, потому что его средства ограничены¹¹. После того, как жена генерала узнала, что ее муж после семи недель в тюрьме останется там и дальше, реакция Снодгрэса была бурной: «Эта новость вызвала возмущение обычно столь терпеливого господина Снодгрэса, и он сразу же отправил экспресс-телеграмму американскому посланнику в Петербурге в знак протеста против бесчеловечного обращения с прусским генералом»¹².

Другой немецкий пленный Вальтер Лемме был отправлен в Красный Яр. Со временем многие нуждающиеся пленные из Восточной Пруссии прибыли туда. Сначала российская городская администрация

⁸ Dalwigk Freifrau von. *Erinnerungen eines preußischen Generals in russischer Kriegsgefangenschaft*. Oldenburg, 1915.

⁹ Ibid. S. 13.

¹⁰ Ibid. S. 27.

¹¹ Ibid. S. 28.

¹² Ibid. S. 51.

платила каждому из них в день 15 копеек, после некоторого времени это прекратилось. Председатель «немецкого комитета помощи», организации самопомощи пленных, немедленно связался с американским посольством. Оно взяло на себя тогда заботу о немцах, у которых не было денег. Поскольку поблизости не было американского консула, Комитет содействия при посредничестве датского консула в Ростове-на-Дону получал (значительную) сумму в 6000 рублей в месяц¹³. Подлежащие обмену женщины, дети и мужчины, не пригодные к военной службе, должны были подавать два заявления, стоимость которых составляла 2 и 4 рубля. Поскольку многие пленные из Восточной Пруссии не смогли уплатить сборы, американское посольство предоставило необходимые средства, около 600 рублей¹⁴.

Другие авторы мемуаров более критично относятся к американцам, но все равно упоминают об их значительной помощи, особенно в переводе средств.

Примером тому являются свидетельства немца из Германского рейха, которые писатель Кетт записал от первого лица¹⁵. Этот немец жил в Петербурге. Третьего августа 1914 г. на его просьбу американцы сказали ему, что они не могут выражать свое мнение, потому что у них нет на то указания. Через два дня перед консульством висело объявление о том, что немцы не должны собираться здесь в большом количестве, чтобы не настраивать российскую общественность против американцев. Герой книги сделал для себя вывод: «Мы с моими знакомыми избегали дальнейшего использования этой американской помощи. Позднее я также ни от кого не услышал, что он получил реальный совет или поддержку со

¹³ Lemme W. Meine Erlebnisse in russischer Gefangenschaft. Berent, 1915. S. 13.

¹⁴ Ibid. S. 16. Positiv auch: Schenk R. Zwei Jahre in russischer Gefangenschaft. Leipzig, 1917. S. 91, 95, 112, 116; Rund um die Erde zur Front, dem Flüchtling nacherzählt von Otto Anthes. Berlin, 1916. S. 28; Jonck G. Meine Verschickung nach Sibirien. Erinnerungen und Erlebnisse eines Rigaschen Buchhändlers. München, 1916.

¹⁵ Kett A. Erlebnisse aus dem Jahre meiner Gefangenschaft in Russland. Regensburg, [1916].

стороны американцев»¹⁶. Примечательно, однако, то, что американское ведомство распределило большие суммы денег из Германии среди нуждающихся гражданских пленных в Вологде, куда этот пленный был отправлен также вместе со многими другими немцами и депортированными в Россию пленными из Восточной Пруссии¹⁷. Те, кто не был пригоден для военной службы, были обменены через Петроград. Там не имеющие денег пленные получили 20 рублей на человека от представителя американского посольства и деньги на билет в Торнео, о чем Кетт сообщает без комментариев¹⁸. Этот пленный высоко ценит обращение с бывшими пленными в Швеции, «...стране [...], которая проявляет сочувствие и уважение к немцам»¹⁹. Для пленных поездка по Швеции была похожа на триумфальное шествие. Похожее отношение к американцам можно встретить в мемуарах пастора Эрнста Мёринга²⁰.

Другой пример - мемуары немецкого предпринимателя из Лодзи Макса Пфау²¹, которые также появились сравнительно рано в 1915 г. Он был заключен в тюрьму как немец из Германского Рейха в Лодзи и привезен в Саратов, а оттуда он был привезен в какую-то деревню. Он упоминал место («Мамадыш»), где немецкие гражданские пленные умирали от голода и от тифа, и был возмущен, почему не было поддержки со стороны американского посольства? Почему не было предпринято ни одной поездки в этот район?²² По мнению Пфау, организации самопомощи пленных сделали то, что должно было сделать американское посольство. Но он упоминал, что американское посольство посылало

¹⁶ Ibid. S. 22.

¹⁷ Ibid. S. 48.

¹⁸ Ibid. S. 94.

¹⁹ Ibid. S. 120.

²⁰ Moering E. Mit verschleppten Ostpreußen an der Mündung der Wolga. Erlebnisse aus elf Monaten russischer Kriegsgefangenschaft. Berlin, 1916. S. 13, 22, 52/3, 54.

²¹ Pfau M. Russisches. Erlebnisse und Eindrücke aus elfmonatiger Gefangenschaft 1914/15. Stuttgart; Berlin, 1915.

²² Ibid. S. 72.

нуждающимся деньги на помощь от правительства Германской империи²³. По дороге домой для обмена он сразу же отправился к американскому консулу в Петрограде, где получил не только «... нужные сведения...», но и деньги на свое дальнейшее путешествие²⁴. Ему также вручили письмо от американского правительства для того, чтобы он мог провести ночь в Петрограде, но пристава, который отвечал за него, это не впечатлило²⁵. Пфау критически отзывался об этом: «Такова ситуация с „защитой немцев американским посольством“. Американцы не могут приручить даже пристава, и это в вопросе, когда мои законные права мне подтвердили даже высшие российские ведомства. Но российские чиновники, конечно, знают, что Америка применяет двойные стандарты»²⁶. После обмена в Швеции Пфау писал, что шведы принадлежат тоже германской арийской расе. Автор заключает словами: «Спасибо, шведы!»²⁷.

Гражданские пленные, чьи мемуары охватывают период после 1917 года, также высказываются положительно о шведской работе по оказанию помощи пленным.

Доктор Адриан Полли пишет о шведской работе в Петрограде²⁸, которая являлась весьма достойной помощью для подданных Центральных держав, томившихся в русском плену: «Непревзойденная самоотверженность шведского представительства в Петербурге с тех пор, как они заняли место враждебно настроенных по отношению к нам американцев, и органов, находящихся в их ведении, в деле заботы о благополучии германских военных и гражданских пленных в России, нашла свое отражение и в телеграфной депеше кайзера от марта 1918 г.

²³ Ibid. S. 100.

²⁴ Ibid. S. 124.

²⁵ Ibid. S. 127/8.

²⁶ Ibid. S. 129.

²⁷ Ibid. S. 132.

²⁸ Polly A. Der Umsturz des Russischen Kaiserreiches (1917). Nach eigenem Erleben. Berlin, 1919. S. 247.

королю Швеции, где особо подчеркивались великие деяния генерала Брандстрёма и его героической дочери Эльзы Брандстрём»²⁹.

После Октябрьской революции гражданские пленные Карл Шиммель³⁰ и Александр Мослер³¹ имели очень интенсивный опыт работы со шведскими представителями в Петрограде.

Находясь в бегах, Шиммель впервые приехал в Саратов, где напряженно работала немецкая комиссия по оказанию помощи пленным. «Официальным международным представителям по оказанию помощи теперь были уже не американцы, которые не реагировали на все жалобы, а шведское консульство, в основном сотрудничавшее с немцами. Оно работало с энергией и самопожертвованием, которые должны вызывать у нас, немцев, большую благодарность»³². Шиммель продолжил путь в Петроград. Поскольку он не смог немедленно покинуть город, он взял на себя управление эвакуационной службой и прием пленных в шведском посольстве. Главной его задачей там было «указать на большевистскую опасность нашим соотечественникам...», и действительно, глаза многих товарищей открылись. «Что успевают делать шведское посольство!»³³

Когда началась война, активный участник немецких национальных групп Мослер жил в Тбилиси. Его арестовали и посадили в тюрьму. После пребывания в различных тюрьмах его сослали в деревню недалеко от Вятки, где он был снова арестован как шпион и доставлен в тюрьму жандармерии в Петрограде. Во время Февральской революции он был освобожден и укрылся в шведском посольстве. Мослер провел там шесть месяцев там, его «...лечили и заботились о нем». Он предоставил себя на

²⁹ Ibid. S. 253.

³⁰ Schimmel K. Mit Schmugglern nach Finnland. Meine Flucht aus dem bolschewistischen Russland zur Zeit der finnischen Freiheitskämpfe. Berlin, 1918.

³¹ Mosler A. In den Sturmtagen der russischen Revolution. Meine Befreiung aus russischen Kerkern. Berlin; Wien, 1918.

³² Schimmel K. Op. cit. S. 12.

³³ Ibid. S. 24.

службу Красному Кресту. «Это была огромная работа, которую шведы должны были делать. Американское посольство, которое защищало немцев до тех пор, пока Америка была нейтральной, казалось, мало заботилось о своих подопечных. Это еще раз доказывает, что великие изречения Президента Вильсона о человеческом достоинстве и правах человека - не что иное, как пустые слова. На практике американский идеализм выглядит жалким и несчастным. Вся накопившаяся путаница с петициями и жалобами была отправлена американцами шведам без рассмотрения»³⁴. Он подробно описывает страдания пленных и успехи шведов³⁵. «Насколько бескорыстное самопожертвование шведов вело к тому, чтобы решить все самым беспристрастным образом! Они сделали это с радостью. Дочь генерала Б[рандстрёма], „сестра Эльза“, подала яркий пример. С утра до вечера, игнорируя свое собственное здоровье, она работала там, где раны должны были зажить»³⁶. Шведский посланник полгода выдерживал давление со стороны российских властей выдать сбежавших немцев. 27 августа 1917 г. (ст. стиль) они были вынуждены покинуть посольство³⁷. Мослера снова посадили в тюрьму³⁸. В конце концов, когда большевики пришли к власти, его обменяли.

Рассказы военнопленных, которые повторяются, следуют одной схеме: Они полны критики американцев и похвалы для шведов. Эти рассказы не следует цитировать по отдельности. В этом случае можно сослаться на самую успешную книгу о военнопленных Эдвина Эриха Двингера «Армия за колючей проволокой»³⁹.

³⁴ Mosler A. Op. cit. S. 96.

³⁵ Ibid. S. 96-99.

³⁶ Ibid. S. 99.

³⁷ Ibid. S. 100.

³⁸ Ibid. S. 101.

³⁹ Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Jena, 1929.

Можно идентифицировать только две книги бывших военнопленных, в которых критически анализируется деятельность шведов.

Немецкий австриец Ней был интернирован в Ачинский лагерь. Он описывал крупные хищения скудных подарков с родины для рядовых комитетом по подаркам, состоящим из офицеров⁴⁰. В лагере Березовка, куда он был переведен в ноябре 1917 г., ситуация было не лучше, и это допустили представители нейтральных держав, которые были в основном аристократами⁴¹.

Интересно, что в книге русского солдат Ю. Кирша «Под сапогом Вильгельма»⁴² можно найти похожие высказывания. Он был схвачен в конце 1914 г. и интернирован в немецкий лагерь в Гамельне на Везере. Он пишет: «В лагерь стали являться корреспонденты газет, представители дипломатических миссий, представители Красного Креста. Об этих посещениях знали всегда накануне, мыли полы, окна, выдавались новые колодки. И конечно все посетившие находили лагерь в порядке, и с виду действительно был культурным учреждением. Ни о каких жалобах не могло быть и речи»⁴³.

Представляется затруднительным сделать общий вывод из представленного материала. На самом деле, выплаты от американцев в поддержку нуждающихся гражданских пленных, похоже, были регулярными. Очевидно, мемуары Дальви́гга непреднамеренно подтверждают выводы Нея и Кирша. Благородный генерал в гражданском плену был ближе американским представителям, чем нуждающиеся фермеры из Восточной Пруссии.

⁴⁰ Ney K. Volk ohne Heimat. Bilder aus den sibirischen Revolutionstagen. Graz, [1923]. S. 7/8.

⁴¹ Ibid. S. 22.

⁴² Кирш Ю. Под сапогом Вильгельма (Из записок рядового военнопленного № 4925). 1914-1918 гг. М.; Ленинград, 1925.

⁴³ Там же. С. 42.

**Гуманитарные организации в России в годы Первой мировой войны:
проблема эффективности и согласованности деятельности**

Первая мировая война привела к многочисленным страданиям широких слоев населения. Война привела к мобилизации общественности не только в деле помощи армии, но и в оказании гуманитарной помощи армии и широким слоям населения, затронутого бедствиями войны. В литературе акцент делается на позитивной помощи населению со стороны гуманитарных организаций², но их различный вклад не часто оценивается, тем более редко поднимается вопрос конкуренции между различными организациями, контроле над ними со стороны властей или самого общества³.

В докладе анализируется феномен деятельности многочисленных и разнородных организаций гуманитарного направления России в Первой мировой войне и проблема ее согласования. Цель работы – анализ эффективности деятельности гуманитарных организаций, причин разногласий по видам деятельности, связи гуманитарной работы с социальными процессами в России военного времени, объема и характера контроля над общественными организациями со стороны власти и

¹ Асташов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² Подробные очерки А.С. Тумановой и Г.Н. Ульяновой о деятельности многочисленных организаций помощи армии и населению см.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 424-468.

³ Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып.1 (32). С. 122-132.

взаимного их контроля друг над другом. Источниками послужили многочисленные материалы РГВИА, РГИА, АВПРИ: переписка различных военных и гражданских инстанций и отчеты о деятельности общественных организаций.

В литературе порою не разделяют понятия благотворительность, гуманитарность. Множество недоразумений в годы войны происходило именно из-за неопределенности круга деятельности той или иной организации, направленной на помощь армии и населению. Под гуманитарным аспектом деятельности следует понимать помощь населению, оказавшемуся в трудной материальной ситуации, в данном случае – в результате лишений, вызванных самой войной. Такая помощь может носить государственный характер, что предусматривает государственное финансирование и следование предписанным указаниям в организации своей деятельности, как правило, закрепленным в уставах, инструкциях и т.п. Такими организациями являлись Татьянанский комитет (Комитет Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий), Учреждения великой княгини Марии Павловны (Ведомство учреждений императрицы Марии), Организация Всероссийского национального союза, Организация Юго-Западного земства, и тем более Всероссийские союзы городов, земств, а также организации Северопомощи, Югопомощи, Западпомощи др. Все они действовали в деле призрения лиц, пострадавших на войне, часто специализируясь на определенном виде или периоде помощи семьям призванных на войну, сиротам, больным и раненым.

Во время войны действовали и благотворительные организации, осуществлявшие добровольную помощь нуждающемуся населению со стороны частных лиц или самодеятельных обществ. Благотворительные организации имели негосударственный характер, действовали на

собственные средства отдельных лиц, или группы лиц, или частных обществ (как правило, профессиональных: крестьян, купцов, служащих и т.п.), содержащих как правило один госпиталь, питательный пункт и т.п., или проводившие определенные виды помощи на фронте (эвакуацию детей, санитарные мероприятия). Благотворительный характер деятельности таких организаций хотя и отличал альтруизм, но он же часто означал необязательность, вытекавшую из самого акта альтруизма, который не поддается регулированию. Правда, благотворительная помощь могла оказаться вообще единственной в данный момент, направлена на узкий участок поддержки социальной группы, и образовывала важное дополнение к работе государственных организаций. Для благотворительной деятельности характерен широкий спектр оказания дополнительных услуг в случае, когда такая помощь уже производится. С другой стороны, порою добровольчество в гуманитарной сфере, даже в государственных организациях, нося необязательный, благотворительный характер, превращало такую деятельность в малоэффективную⁴.

Особенный характер носила в годы войны деятельность общественных организаций. Эти организации являлись объединением городских и земских общественных, т.е. не государственных (в отличие от губернаторов, земских начальников) органов местного самоуправления, как правило занимавших накануне войны оппозиционные властям позиции по вопросам местного самоуправления и уже в силу этого противопоставлялись бюрократическим, т.е. государственным учреждениям. Феномен общественных организаций периода первой мировой войны заключался в сочетании элементов государственности (финансовая поддержка государства, предписания полномочий и т.п.) и

⁴ Соловьев С.К. Красный крест на Северном фронте в кампанию 1914-1918 гг. // РГВИАФ. 12675. Оп. 2. Д. 31. Л. 37.

широкой инициативы в формах и размахе деятельности, внешне выходящей за пределы предписанных обязательств и имеющей целью содействовать кроме выполнения собственно гуманитарных задач во время войны решению социальных проблем населения в целом, включая и послевоенное развитие общества.

Впервые на широкое поле гуманитарной работы общественные организации вышли в годы Русско-японской войны, когда в рамках Общеземской организации организовали в широких размерах помощь больным и раненым русской армии⁵. Мировая война дала новый шанс общественникам в гуманитарной сфере. В августе 1914 г. были созданы мощные объединения земств – Всероссийский земский союз, и городских самоуправлений – Всероссийский союз городов. На начало 1916 г. в Земский союз вошли практически все губернские земства (от губернских управ), кроме Юго-Запада России и Курской губернии. В городской союз вошли представители комитетов свыше 500 (из 790) городов России. Но основную группу составляли 75 крупнейших городов, население которых составляло около 70% городского населения страны⁶. В Союзе городов работало 70 тыс. чел. по сравнению с почти 230 тыс. работавших в Земсоюзе⁷ и 70 тыс. в Красном кресте⁸. В деятельности общественных организаций проявилась широкая инициатива сотен тысяч граждан России – интеллигенции, средних городских слоев населения. Значительную работу выполняли женщины, составлявшие около 40% служащих союзов. Они работали проводниками беженцев,

5 Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке. Т. 1-2. М.: Тип. рус. товарищества Чистые пруды, 1908, 1910.

⁶ Список крупнейших городов России, вошедших в Всероссийский союз городов (ВСГ) // РГВИА. 12593. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-16об.; Календарь-справочник городского деятеля на 1913 год. СПб., 1913. С. 48-49.

⁷ Справка отдела личного состава ВСГ. Сентябрь-октябрь 1917 // Ф. 12593. Оп. 1. Д. 438. Л. 12-13об.; Известия ВСГ. 1917. № 49. С. 123.

⁸ Русский Красный крест после 1917 года. Очерк деятельности Рос. о-ва Крас. Креста (старой орг.) Париж: Б. и., [1925] С. 8.

организаторами врачебно-питательных отрядов, заведующими чайными, бань, дезинфекционных пунктов, отдельных санитарных поездов⁹. Часть органов самоуправления, правой политической окраски, не входили в состав союзов: земства Курской, Киевской, Волынской, Подольской губерний¹⁰, но выполняли те же гуманитарные функции. Особенными организациями являлись «Северопомощь», «Югопомощь», «Западопомощь». Они являлись аналогом общественных организаций, но состояли в основном из представителей администрации эвакуированных областей Западного края¹¹ и выполняли специальные операции по перемещению беженцев в пределах фронта: их сопровождение, продовольственное, санитарное и иное обеспечение, т.е. такие операции, которые власти полагали неудобным возлагать на союзы, которым не доверяли.

Основные средства гуманитарные организации получали от государства. Так, на 1917 г. ВСГ получил, 540 млн. руб., ВЗС – 700 млн. руб., Российское общество Красного креста (РОКК) – 280 млн. В целом учитывая дополнительные вливания в 1917 г., где только ВСГ получил 205 млн руб., союзы получили за время войны около 1,5-2 млрд. руб.¹²

Основной вклад общественные организации внесли в дело помощи больным и раненым воинам. В самом начале войны военное командование обратилось с предложением помощи к союзам. В течение августа и сентября представители этих союзов совместно с ГУГШ

⁹ Алфавитный указатель служащих Всероссийского земского союза (ВЗС) и ВСГ // РГВИА. Ф. 12642. Оп. 3.

¹⁰ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914-1917). Л.: Наука, 1967. С. 68.

¹¹ Переписка председателя Совета министров и начальника штаба главковерха, 10.1916. // РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 289. Л. 619-619об., 576-579.

¹² РГВИА. Ф. 12593. Оп. Д. 844. Л. 1-3; Д. 438. Л. 9об.; Ф. 2002. Оп. 1. Д. 6. Л. 216об.; Д. 45. Л. 39-39об.; Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 84. Оп. 1. Д. 8. Л. 93; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань: 2004. С. 394.

разработали новый план эвакуации больных и раненых. Предполагалось оборудовать внутри России 280 тыс. госпитальных коек, причем на долю союзов приходилось 258 920 (92,5%) коек¹³. В деле помощи больным и раненым воинам основная работа легла на местные комитеты союзов, которые оборудовали госпитали в больницах, школах, театрах, складах, частных домах. На август 1916 г. госпитали были оборудованы в 257 городах¹⁴. В целом на 1917 г. из 726090 коек приходилось на:

Ведомство	Количество	Процент
Военное ведомство	224667	30,09%
Красный крест	43165	5,91%
Земсоюз	135391	18,6%
Земства	21391	2,94%
Союз городов	93138	12,89%
Города	63685	8,76%
Духовенство	4178	0,57%
Частные организации	84820	11,67%
Ведомственные и частные организации	55655	7,65% ¹⁵

Фактически те же пропорции сохранялись до конца 1917 г¹⁶. То есть, союзы и общественные местные самоуправления обслуживали 43%

¹³ РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

¹⁴ Известия Главного комитета ВСГ (Известия ВСГ). 1916. № 35. С. 257.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 266. Л. 29.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 33. Л. 220-220об.

всех больничных коек, главным образом тяжело больных, по сравнению с 30% коек военного ведомства и 6% у РОКК.

В заботе о раненых Союзы демонстрировали чрезвычайную активность, например – в снабжении городов медикаментами, хирургическими инструментами и предметами ухода за ранеными. Так с начала войны обнаружилась их острая нехватка, а цены подскочили сразу в 15-100 раз. Большая часть медикаментов изготавливалась несколькими фирмами из сырья, ввозившегося из Германии. Производство же хирургических инструментов, микроскопов, красок для препаратов бактериологического и патологоанатомического исследований, термостатов и других приборов в России вообще не было¹⁷. Для решения этой проблемы Союзы закупили медикаменты в Англии, Швеции, Японии и острове Яве на 500 тыс. р. На внутреннем рынке было куплено медикаментов на 5 млн рублей. Главный комитет ВСГ одобрил создание паевого товарищества по снабжению городов медикаментами, в которое входили 40 городов, что делало их независимыми от синдикатов частной промышленности¹⁸. Для производства некоторых видов медикаментов было решено построить собственную фармацевтическую фабрику, провести изыскания бромистых залежей на юге России и йодных приисков для сбора йода, а также организовать сбор лекарственных растений¹⁹. Эта фабрика действовала уже в сентябре 1916 г. Другой завод по производству сырья для медикаментов, построенный видным деятелем ВСГ, химиком по образованию, И.В. Титовым, среди прочего производил гипосульфат в таком количестве и по ценам столь низким, что его продукцией заинтересовался Химический комитет при Главном

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 291-292.

¹⁸ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 44. Л. 4-5; ЖГК № 81. 8.1.1917.

¹⁹ Журнал исполнительного бюро Главного комитета ВСГ (ЖИБ). №186. 18.3.1916. С.3.

артиллерийском управлении²⁰. Для производства же хирургических инструментов и приборов для медицинских исследований и по уходу за больными отделом по снабжению хирургическими инструментами были привлечены кустари сел Павлово и Ворсмы Нижегородской губернии. На частных фабриках было организовано производство остальных необходимых приборов. В Курсе, Воронеже, Владикавказе, Вятке, Казани и Харькове были установлены рентгеновские аппараты²¹.

В деле транспортировки больных и раненых преимущество было у военного ведомства и РОКК, на которых приходилось (на лето 1915 г.) 271 поезд, по сравнению с 71 поездом у ВЗС и 15 ВСГ²². Сказывалось нежелание допускать союзы на театр военных действий. И все же союзы смогли перевезти в тыл страны свыше 1,5 млн больных и раненых воинов²³.

Зато союзы развили большую деятельность в деле организации питательных пунктов. Только Союз городов открыл на август 1915 г. по пути следования поездов с больными и ранеными 133 пункта²⁴. Они создавались, как правило, на железнодорожных станциях и обходились в основном без наемного труда: работали железнодорожные служащие, их семьи и жители соседних селений. Питательные пункты служили и для беженцев. На декабрь 1915 г. было накормлено 4870076 чел.²⁵

Оказывали союзы и много видов специальной помощи: хирургическую, зубоврачебную душевнобольным, травматологическую. В такой помощи участвовали крупные общественно-медицинские организации. Так, зубоврачебная помощь осуществлялась по инициативе

²⁰ ЖИБ. № 229. 17.9.1916. С. 5-7.

²¹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 291, 294.

²² РГВИА. Ф. 2018. 1. Д. 95. Л. 38об.

²³ ГА РФ. Ф. 5913. 1. Д. 26. Л. 283.

²⁴ ЖИБ. № 143. 28.10.15. С. 13-15.

²⁵ Журнал главного комитета Всероссийского союза городов (ЖГК). № 51. 17.1.1916. С. 15.

Всероссийского зубоврачебного союза, разработавшего при участии союзов смету и план устройства зубоврачебных амбулаторий в городах-распределителях, а также на фронте. К началу 1915 г на средства союзов работали центральная зубоврачебная амбулатория в Москве и амбулатории в Петрограде, Орле, Курске, Харькове, Екатеринославе, Тамбове и Твери. При некоторых амбулаториях работали лаборатории для протезов²⁶.

Важной гуманитарной проблемой было оказание помощи воинам, больным психическими болезнями. В начале войны дело помощи таким больным было передано РОКК. Но не имея связи с общественными организациями Красному кресту не удалось разместить душевнобольных по земским больницам. Тогда дело взяли на себя союзы, которые образовали объединенную психиатрическую комиссию, разработали план оказания помощи душевнобольным, начали открывать специализированные госпитали, ввели систему патронирования²⁷. Однако власти посчитали это вторжением в их зону ведения и передали дело в ведение психиатрического отдела Особой комиссии Верховного совета по призрению, куда и были направлены все средства на лечение душевнобольных, которых было уже больше 4000 чел. Но союзы продолжали играть видную роль в разработке самой программы помощи душевнобольным. В ноябре 1916 г. в Петрограде прошел съезд «общественных психиатров», представителей земств, городов, заинтересованных ведомств по организации призрения душевнобольных воинов и прочих лиц, причастных к военным событиям. Съезд выработал положения по вопросам участия городов и земств в помощи душевнобольным, расширения психиатрических больниц, общие

²⁶ Очерк деятельности Всероссийского Союза городов. 1914-1915 гг. М., 1916. С. 81-82.

²⁷ Там же. С. 82

основания призрения душевнобольных²⁸. В целом из-за сопротивления властей в должной организации дела и недостатка средств помощь душевнобольным воинам ограничилась отдельными акциями благотворительности в существовавших госпиталях союзов²⁹.

Крупной работой в деле помощи армии была забота об увечных воинах. В литературе критикуются действия союзов в этой области, что не отражает сложность решения этой проблемы³⁰. Формально дело помощи увечным воинам находилось в ведении Особой комиссии по долечиванию, призрению и обучению увечных воинов и призрению их семей при Верховном совете по призрению. Но работа комиссии постоянно подвергалась критике и со стороны военного ведомства, и со стороны общественных организаций, так как носила исключительно благотворительный характер и не давала простора деятельности общественности, которая требовала передачи дела помощи призрения увечных органам городского и земского самоуправления при материальном содействии государства и при широком участии общественной инициативы. К январю 1916 г. союзы добились расширения своего участия в деле помощи увечным, им выдали 15 млн. руб.³¹ На 3-м съезде Союза городов был разработан и утвержден план такой помощи. Главным признавалось возвращение полной или частичной трудоспособности увечным. Для этого предполагалось устроить ряд физиотерапевтических институтов в крупнейших городах, организовать специальные биржи труда по устройству инвалидов, а также представительства по сбыту их изделий. Для утративших трудоспособность намечено было развертывание широкой сети приютов,

²⁸ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 44. Л. 88-92; ЖГК. 19.2.17.

²⁹ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 294.

³⁰ Юрий. М.Ф. Буржуазные военно-общественные организации в период Первой мировой войны. 1914-1918 гг. М., 1990. С. 129; Погребинский А.П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны. М., 1941. № 12. С. 47.

³¹ Известия ВСГ. 1917. № 48. С. 37-43.

богаделен, убежищ и патронатов. На это союзы просили 24 млн. рублей одновременно и 8 млн. руб. в год. Но правительство не выделило этих средств³². Реально союзами были созданы приюты для потерявших зрение³³, в Орле – биржа труда, в 11 городах – мастерские для увечных, в 7 – организовано призрение нетрудоспособных, и в 6 – приюты. Но основная часть заботы об увечных легла на ВЗС, который организовал множество протезных и специальных мастерских для реабилитации, используя правительственные, общественные и частные силы и средства³⁴. Для лечения тяжелообольных увечных воинов был организован союзами и московским городским управлением механотерапевтический институт, а в крупнейших госпиталях Союза городов – травматологические отделения. Хотели открыть в большинстве университетских городов механотерапевтические институты; но деньги на них поступили³⁵.

Вопрос увечий имел еще и аспект членовредительства воинов, широко развитого на фронте. И здесь союзы испытывали критику уже из своего лагеря со стороны деятелей общественной медицины, исходивших из более гуманных побуждений, чем военные и руководство союзов, и полагавших, что вообще нет достаточных правовых оснований за преследование симуляции и членовредительства, как этого требовали военные власти. С другой стороны, ими был поставлен вопрос и способности палечников к труду уже в гражданской жизни³⁶.

Одним из способов восстановления здоровья больных и раненых воинов было санаторно-курортное лечение в рамках общесоюзной

³² ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 2об. Л. 296-300.

³³ Известия ВСГ. 1916. № 31-32. С. 408-409.

³⁴ Известия ВСГ. 1917. № 48. С. 55-59; ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 2б. Л. 296-300.

³⁵ Очерк деятельности Всероссийского Союза городов. 1914-1915 гг. М., 1916. С 86-87.

³⁶ Мокин Н. Об огнестрельном ранении и переломах костей кисти и пальцев рук и их планомерном лечении // Врачебно-санитарные известия Российское общество Красного креста Юго-Западного фронта. Киев, 1917. № 12. С. 73-87.

санаторно-курортной комиссии³⁷. При существовании в России до войны всего 3 тыс. сан-курортных мест³⁸, союзы во время войны содержали на курортах, кумысолечебницах, грязелечебницах и санаториях свыше 13 тыс. больных и раненых воинов³⁹, причем в основном солдат⁴⁰, что уже носило характер социального гуманизма.

В отношении помощи населению на первом месте была забота о беженцах. На проблему беженцев было указано в союзах еще в октябре 1914 г.⁴¹. Тогда решено было ограничиться проведением обследования положения в районе беженства – в Галиции⁴². Но с весны 1915 г. эта проблема резко обострилась вследствие отступления русской армии из Польши. Всего снялось с мест около 13 млн чел., а во внутрь двинулись 3,5 млн.⁴³ Беженское движение охватило 58 городов: в Европейской России осело 600 тыс., а в Сибири еще 164 тыс. чел.⁴⁴ Союзы по многочисленным просьбам военных и гражданских властей⁴⁵ приняли на себя этот удар. Военные власти разрешали на фронте помощь от союзов в деле призрения беженцев в самых широких объемах⁴⁶, прося союзы «принять самые энергичные меры», «отбросив все формальности и преследовать одну цель: накормить и оказать санитарную помощь». Местные власти на театре военных действий предлагали в широких

³⁷ ЖГК. № 71. 2.10.1916.

³⁸ Большая советская энциклопедия. М. 1973. Т. 14. С. 37.

³⁹ ЖГК. № 71. 2.10.1916. С. 6

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 565. Л. 102-107; Д. 569. Л. 8-13.

⁴¹ Доклад Н.М. Кишкина об увеличении числа беж на из пограничных районов // ЖГК. № 9. 12.10.1914.

⁴² ЖГК. № 10. 19.10.1914. С. 3; № 11. 26.10.1914. С. 9.

⁴³ Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 38; ЖГК № 38. 22.8.1915. С.12.

⁴⁴ ЖИБ. № 170. 21.2.1916. С. 11-13; ЖИБ. № 166. 13.1.1916. С. 2.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 565-569.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 120. Л. 54.

размерах любые денежные средства, «не стесняясь размеров расходов и соблюдением продовольствием норм и раскладок»⁴⁷.

18 июля 1915 г. в Брест-Литовске на совещании представителей союзов был разработан общий план действий по отношению к беженцам, отправлявшимся в Россию. Он предусматривал образование передовых пунктов, на которых осуществлялось бы кормление, лечение и выдача одежды и их дальнейшее направление; отсортировка заразных больных, распределение беженцев в центральных губерниях для планомерного расселения в восточных губерниях России и Сибири⁴⁸. В августе в союзах обсуждался вопрос о том, как «перехватить волну беженцев», об объединении деятельности с национальными беженскими организациями⁴⁹. В сентябре был создан объединенный комитет помощи беженцам ВЗС и ВСГ (Собеж). Его комитеты на местах тесно сотрудничали с представителями национальных беженских организаций: польских, еврейских, литовских, латвийских и армянских. На фронте были организованы структура проводников, сопровождавших группы беженцев, сеть питательных пунктов, отправлено с фронта внутрь России около 1 млн. человек. Собеж активно занимался и трудоустройством беженцев, создав специальное «Бюро труда» в 56 городах⁵⁰. При Собеже был создан детский подкомитет, сотрудники которого собирали детей беженцев на фронте и вывозили их во внутреннюю Россию. В прифронтовой зоне, а также внутри России, была создана сеть приютов, школ, детских учреждений. Фактически в прифронтовой зоне

⁴⁷ Переписка начальника снабжений армий Сев-Западного фронта // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 44-49.

⁴⁸ ЖГК. № 37. 30.7.1915. С. 7-8; ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 348-357.

⁴⁹ ЖГК. № 38. 22.8.1915. С. 2-5.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 348-357; РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 14. Л. 45-52.

разворачивалась общественно-педагогическая деятельность по созданию новой, трудовой школы, получившей развитие уже после войны⁵¹.

По мере смещения волны беженцев с театра военных действий в тыл деятельность союзов по их призрению наталкивалась на бюрократические препятствия. 30 августа 1915 г. был издан закон «Об обеспечении нужд беженцев», фактически отстранявшей общественные организации от этого дела. Оно было передано в ведение Особого совещания по делам беженцев при МВД. В его состав входили главным образом, представители ведомств, а также 7 – от Государственной думы и всего 2 – от союзов. На местах администрация образовала беженские комитеты под председательством губернаторов. Именно через них шло освоение средств на беженцев (81%) и только 13,5% (8 млн. руб.) шло через союзы⁵². Из ведения союзов было изъято дело регистрации и розыска отставших беженцев и передано в Татьянинские комитеты. Правда, 2 марта 1916 г. были изданы «Руководящие указания по устройству беженцев», предоставлявшие на местах реальную заботу об устройстве беженцев городским и земским самоуправлениям и национальным организациям. Но финансовый контроль оставался в руках администрации⁵³. Такая политика властей, обрекавшая всю организацию помощи беженцам на непродуманность, случайность и раздробленность, вызывала резкую критику союзов, что приводило даже к постановке вопроса о прекращении вообще работы в этом направлении, чтобы снять с себя ответственность за возможным последствия⁵⁴.

⁵¹ Подробно см.: Асташов А.Б. Военное детство Первой мировой войны: как фактор социальной истории России первой трети XXв. // Труды Историко-архивного института. М.: РГГУ, 2011. С. 41-43, 48-50.

⁵² ЖГК № 46. 15.11.1915. С. 3; ЖГК № 37. 30.7.1915. С. 6.

⁵³ Сысын. А.Н. Роль правительства и общества в деле помощи беженцам // Труды внеочередного пиროговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Пг., 14-18 апреля 1916 г.). М., 1917. 2-я паг. С. 72-74.

⁵⁴ ЖГК. № 46. 15.11.1915. С. 1-6.

Наряду с помощью беженцам большая работа велась союзами по оздоровлению местности на театре военных действий и внутри России, особенно в городах. На фронте союзы организовали подвижные банно-строительные отряды с задачей сооружения бань и приданных им прачечных, дезинфекционных камер, кипятильников, складов белья и т.п., а также – исполнение санитарно-технических работ по указанию местных комитетов и санитарно-техническим отделов фронтовых комитетов⁵⁵. Всего на конец 1917 г. банно-строительными отрядами только ВСГ было помыто 35900715 чел, постирано 45144349 и выдано 35638614 штук белья⁵⁶.

Особенно важной санитарная деятельность была в местностях (Польша) и в городах, где эпидемии пришлось на фактическое отсутствие санитарной службы. Именно в ходе борьбы с эпидемиями усилиями Союза городов стала создаваться во многих городах России санитарная служба. В госпиталях союзов были созданы специальные «санитарные» койки – 12 тыс., санитарно-технические бюро при комитетах ВСГ, ставился вопрос о радикальном переустройстве социальной инфраструктуры, системы санитарного обеспечения, здравоохранения городов. При этом деятели союза разрабатывали планы всеобщей реформы санитарного состояния городов в рамках программы так называемого «оздоровления городов» во время войны и послевоенные годы (планы развития «городов-садов»)⁵⁷. Однако и здесь дело борьбы с заразными заболеваниями было передано в Комиссию о мерах предупреждения и борьбы с чумой при МВД («противочумная комиссия»), которая взяла на себя распределение средств всем

⁵⁵ ЖИБ. № 80. 2.5.1915. С. 6-7.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 291-292.

⁵⁷ Положение о созыве при ГК ВСГ Всероссийского съезда городов // ЖИБ. № 168. 16.1.1916. С. 4, 10-11.

организациям, ведавшим противоэпидемическими мероприятиями⁵⁸, что значительно сузило возможности для работы союзов в этом направлении.

Важную работу Союзы, и особенно ВСГ, вели в деле помощи русским военнопленными. Уже в октябре 1914 г. Союз городов примкнул к Комитету по оказанию помощи русским, застигнутым войной за границей при Московском городском общественном управлении⁵⁹. Этим комитетом были образованы агентства помощи русским военнопленным в Копенгагене, Гааге, Стокгольме и Берне. В ноябре 1915 г. при ВСГ был образован собственный комитет помощи военнопленным. Его основной задачей являлось содействие розыску военнопленных, организация сношений военнопленных с родственниками путем пересылки писем, посылок и денег, организация юридической помощи населению, родственникам военнопленных, сбор пожертвований. В большинстве крупных городов возникли комитеты или отделы помощи военнопленным при местных комитетах ВСГ. В марте 1916 г. Союзы и Московское городское управление образовали объединенную организацию помощи военнопленным. Она получала средства (до 700 тыс. рублей в месяц) для своей деятельности через комитет императрицы Александры Федоровны (Комитет по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах). Объединенная организация стала центром по розыску военнопленных, наведению справок о них, исполнению поручений и оказанию им помощи. Организацией был разработан стандарт посылок для лагерей военнопленных, создан институт попечителей о них, организована отправка продуктов через Красный крест. Только с сентября 1915 г. по октябрь 1916 г. было отправлено и наведено 26141 справка и отправлено 69828 посылок военнопленным⁶⁰.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 2002. Оп. 1. Д. 6. Л. 78-79; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 235. Л.15; Особые журналы Совета Министров от 31.5.1916. и 10.2.1915.

⁵⁹ ЖГК. № 9. 12.10.1914. С. 3.

⁶⁰ ЖГК. № 59. 27.3.1916. С. 12-13; ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 123.

Проблема помощи военнопленным вызвала разногласия между военными властями и общественниками о пределах гуманности в этом вопросе. Военные осуждали появление в газетах объявлений и воззваний о денежных сборах на улучшение жизни и быта русских военнопленных в Австрии и Германии, полагая, что это «неизбежно может повести к увеличению числа малодушных» и сдаче в плен. Не довольны были военные и самим размахом газетной кампании о сборах пожертвований в пользу военнопленных, поскольку тем самым уменьшался авторитет деятельности официальных организаций в такой помощи. В армии считали такую постановку дела «щекотливой», не желая с одной стороны, ограничивать гуманитарные акции, а с другой не хотели рекламировать возможность ухода в плен с перспективой избежать военные тяготы. В результате было решено не упоминать в печати в самих объявлениях слова «военнопленный», и одновременно указывать на те наказания, которые влек побег в плен⁶¹.

С лета 1915 г. на первое место в деятельности союзов стали выходить вопросы социального обеспечения населения, вызванные набравшим обороты социально-экономическим кризисом: продовольственная, топливная, жилищная проблемы, трудоустройство беженцев. Эти вопросы стали рассматриваться общественностью как одновременно патриотические и гуманитарные: защита широких слоев населения, страдавших от бедствий войны⁶². Это в свою очередь привело в орбиту деятельности союзов рабочие и предпринимательские организации, кооперативы, благотворительные организации самого широкого профиля и еще более усилило разрыв в деятельности

⁶¹ Переписка штаба главковерха со штабом Юго-Западного фронта, май и сентябрь 1915 г. // Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Ч. 1. Л. 210-210об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 115-115об.

⁶² Труды совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. М, 1915. С. 55-56.

государственных и общественных организаций. Впрочем, в деятельности гуманитарных организаций с самого начала войны отмечалась разница в целях работы. Для Военного ведомства, Красного креста главным было восстановление здоровья солдат для дальнейшей военной службы. У частных организаций превалировали в работе разовые акции: накормить обедом, построить баню и т.п., без постановки вопроса о дальнейшей судьбе подопечных. У представителей общественных организаций на первом месте после помощи во время войны была забота о дальнейшем (после войны) устройстве опекаемых, в целом стремление к социальной о них заботе, а для характера их деятельности были характерны инициатива, целеустремленность, гуманизм, социальность. Вся деятельность общественных организаций рассматривалась как конкурентная по отношению к бюрократическим усилиям. Только после февральской революции общественные организации стали единственными представителями по решению всех вопросов краснокрестной деятельности на фронте и в тылу.

Существовал широкий круг вопросов, по которым военная и гражданская администрация и союзы занимали противоположные точки зрения. Одним из таких – само комплектование союзов якобы преимущественно евреями, как считали в Департаменте полиции МВД. Жандармы полагали, что такие лица в союзах «относятся к нижним чинам армии пренебрежительно, а иногда даже враждебно», что якобы через союзы устраиваются на фронт проститутки, шпионы и шпионки и т.п., евреи в общественных учреждениях ведут разговоры «о нуждах армии», т.е., в сущности, разглашают секретные сведения и т.п.⁶³

В армии, на Северном фронте, отрицали засилье евреев в общественных организациях, насчитывая их не более 5% от общего

⁶³ МВД – начальнику штаба Главковерха, 29.6.1916 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 187-192об.

количества в учреждениях. Если же и было их больше, то военные заверяли, что «принимается меры по их уменьшению». Однако военные же признавали, что во многих учреждениях общественных организаций, особенно питательных пунктах, много «подозрительных личностей из числа беженцев, что сами служащие организаций, разъезжая по фронту «разносят слухи или невольно сообщают тайные сведения и создают почву для шпионской деятельности». В то же время главком армиями Северного фронта Н.В. Рузский настаивал на «несомненной пользе, которую приносят общественные организации войскам армии», хотя и предлагал ввести наблюдения за этими учреждениями⁶⁴.

Главком армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов, в свою очередь, признавал, что в Красном кресте евреев 1,2% от личного состава, в Земсоюзе – 14,9%, в Союзе городов – 14,6%, и в Военно-промышленных комитетах – 4,3% по сравнению со складами Ее императорского величества (0,4%). И все же Брусилов не видел здесь «преимущественного комплектования из евреев» комитетов общественников, отвергал случаи пренебрежительного отношения к солдатам со стороны евреев, тем более факты шпионажа, проникновения проституток. При этом он заверял, что «контрразведка проводит необходимые действия», чтобы не допустить вреда для армии от евреев в общественных организациях⁶⁵. Но во внутренней штабной переписке военные высказывали недовольство тем, что в карточках союзов содержатся сведения о службе замужних женщин, данные о времени ранения, госпитале, что пополнение состава союзов происходит «без всякого разбора», что может привести к проникновению в число служащих агентов неприятеля, что в организациях союзов вообще не умеют хранить гостайну. На это в союзах возражали, что многие

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 211-211об.

⁶⁵ Переписка главкома армиями Юго-Западного фронта со штабом главковерха, 19.1.1917 // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1869. Л. 218-218об.

данные часто есть в печати, или в РОКК, а не именно в печати общественников, и в целом углядывали политические цели в обвинении союзов в непатриотизме⁶⁶.

Отношение армии в целом к союзам все же было благоприятным. Армия особенной помощи ожидала от союза в устройстве беженцев. В некоторых случаях, военные полагали возложить на союзы даже такую деликатную функцию, как уничтожение реквизированного урожая, поскольку у самой армии, местных властей не было для этого средств и сил⁶⁷. Правда, в Совете министров выступили против передачи таких полномочий союзам и предлагали поручить это дело проправительственной организации «Северопомощи» и местным земствам, которым ассигновали 2 млн руб.⁶⁸ Были у военных элементы недовольства союзами в понимании гуманизма в беженском вопросе. Так, военные власти упрекали союзы и земства, на которых было возложено привлечение беженцев к труду, что они «склонны скорее к благотворительности сентиментальной, чем целесообразно поставленной»⁶⁹.

Поставлен был в годы войны и принципиальный вопрос об эффективности работы союзов. В отечественной литературе существует тенденция к искажению роли союзов в гуманитарной деятельности в период войны. В ряде работ эта деятельность несправедливо принижается, или трактуется как корыстная, или как «спекулятивная», или как

⁶⁶ Переписка МВД, начальника Главного штаба, штаба главковерха, главных комитетов союзов, 12.1916-1.1.1917 // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1678. Л. 1-2об, 6-6об., 8-8об., 9-11об., 24-25.

⁶⁷ Командующий 4-й армией – начальнику снабжений Северо-Западного фронта, 23.7.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 62-63.

⁶⁸ Председатель Совета министров – начальнику штаба главковерха, 25.7.1915 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 67.

⁶⁹ Минский губернатор – начальнику снабжений армий Северного фронта, 2.06.1916 // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 435. Л. 201-2об.

«бюрократическая» и «полная злоупотреблений»⁷⁰. Главным источником негативного отношения к деятельности ВСГ (и вообще союзов) являются материалы Департамента полиции МВД. Особый отдел Департамента, выполняя волю самых реакционных кругов царской бюрократии, намеренно⁷¹ собирал компромат на деятельность общественных организаций для обоснования их возможной ликвидации⁷². Однако специально созданная под давлением жандармов⁷³ комиссия Государственного контроля по проверке деятельности союзов не обнаружила на фронте подтверждения собранных Департаментом сведений⁷⁴. Наконец, помощник начальника штаба главковерха В.Н. Клембовский в письме министру внутренних дел А.Д. Протопопову от 22.1.1917 прямо отверг данные ДП о «вредной деятельности» союзов⁷⁵. Армия в целом поддерживала союзы земств и городов, видя в них пример эффективности и патриотизма в гуманитарной сфере.

Феноменом сосуществования гуманитарных организаций является их критика со стороны власти, а также среди самих общественных организаций. Организации земств и городов позиционировали себя как альтруистические, подлинно общественные, демократические организации, решающие глубинные социальные задачи общества в гуманитарной сфере. Организации, созданные Всероссийским

⁷⁰ Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М., 1926. С. 46, 261-262; Самойлов П. Буржуазные и буржуазно-дворянские организации России по обслуживанию империалистической войны // Пропагандист. 1938. № 11. С. 20; Яковлев Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 120-121; Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны. 1914-1918 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. С.112; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. С. 41.

⁷¹ Директива директора Департамента полиции Д.В. Васильева в охранные отделения и ГЖУ от 9.10.1916 // ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО.1916 г. Д. 343зс. Т. 4. Л. 23об.-24.

⁷² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Д. 343зс. 1916 г. Т. 2. Л. 11-43; Т. 4. Л. 238-248; Т. 5. Л. 79-90.

⁷³ Там же. Т. 4. Л.179.

⁷⁴ Записка о поездке комиссии на Западный фронт, 22.1.1917 // Там же. Л. 218-231.

⁷⁵ Там же. Л. 373.

национальным союзом, Общедворянская организация, организация Курского земства и др. критиковались союзами как организации сугубо сословные, недемократические. Особенной критике, как со стороны армии, так и общественников, подверглись организации «Северопомощи», «Югопомощи» и «Западомощи», как псевдообщественные, неэффективные, подверженные коррупции⁷⁶. В Ставке считали, что уполномоченные по делам о беженцах получают и тратят бесконтрольно громадные суммы, часто сотни тысяч, а то и миллионы. «Северопомощь» называли в печати «Северонемощь» или «Себепомощь»⁷⁷. Впоследствии, уже в 1917 г., «Северопомощь» подверглась масштабной проверке, приведшей к фиксации многочисленных нарушений, нераспорядительности, воровства и т.п.⁷⁸ В свою очередь союзные организации критиковались бюрократией, правыми как неэффективные, использующие войну для продвижения своих политических целей под личиной гуманности.

По многим видам деятельности (помощь больным и раненым, помощь беженцам, борьба с заразными заболеваниями) союзы выступали на равных с военным ведомством, далеко превосходя работу официального Красного креста. Гуманитарная деятельность союзов немыслимая без активной поддержки широких слоев интеллигенции, средних слоев, буржуазии города и провинции, явилась существенным вкладом в помощь русской армии в годы Первой мировой войны. Значительные же результаты, достигнутые на этом поприще у союзов, создали у их деятелей представление способности силами «общества» решать любые задачи государственной важности. Успех «деловой» работы союзов

⁷⁶ МВД – штаб Северо-Западного фронта, 5.3.1916 // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 435. Л. 338; «Русское слово». 23.9.1916.

⁷⁷ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн., 2003. С. 359, 369.

⁷⁸ Материалы по ревизии Управления организации «Северопомощь», 1917 // РГВИА. Ф. 14388. Оп. 1. Д. 1.

определил их деятельную позицию по решению социально-экономических проблем, вызванных войной и активное участие общественно-политической жизни предфевральской России⁷⁹.

⁷⁹ Очерк деятельности ВСГ. М., 1916. С. 17; Свод резолюций Кавказского, Самарского и Петроградского областных съездов по дороговизне. М., 1915; Труды совещания по экономическим вопросам, связаны с дороговизной снабжением армии. Москва, 11-13 июля 1915 г. М., 1915. С. 35-37.

Гуманитарная роль почтовой открытки в годы Первой мировой войны

На годы Первой мировой войны пришлось расцвет и завершение так называемого «золотого века» почтовой открытки – наиболее массового средства почтового сообщения начала XX в. Война и порожденные ею разрывы родственных, дружеских, социальных связей резко усилили потребность в этом простом и быстром средстве коммуникации, однако значение открыток простиралось значительно дальше лишь ее почтовых функций. Открытки были глубоко погружены в так называемую «культуру войны» – специфический строй жизни общества, возникший в результате продолжительного деформирующего давления на него войны и ставший ответом на это давление². Видное место в «культуре войны» занимали гуманитарные идеи и практики. Выявлению гуманитарной составляющей в различных формах бытования и функциональности почтовых открыток в годы войны в России и Германии и посвящена настоящая работа.

¹ Медяков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

² Авторами концепции «культуры войны» являются известные французские специалисты по истории Первой мировой войны С. Одуэн-Рузо и А.Беккер, определившие ее как «кристаллизующийся в настоящую систему корпус репрезентаций конфликта, дающий войне ее глубокие смыслы» – *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14-18. Retrouver la Guerre. P., 2000. P. 122. См. также: *Audoin-Rouzeau S.* L'enfant de l'ennemi (1914-1918). P., 1995. P. 10, 254; *Bauerkämper A., Julien E.* Einleitung // *Bauerkämper A., Julie E.* (Hg.) Durchhalten! Krieg und Gesellschaft im Vergleich 1914-1918. Göttingen, 2010. S. 13; *Hirschfeld G., Krumeich G.* Wozu eine «Kulturgeschichte» des Ersten Weltkriegs? // *Ibid.* S. 43-53.

1. Гуманитарный компонент в почтовой функциональности открытки

Прежде чем говорить о гуманитарной составляющей в открыточных практиках в России и Германии, следует подчеркнуть очень существенную диспропорцию практически во всех аспектах бытования открыток в этих странах в годы войны. Германия являлась мировым лидером в производстве открыток. Если в 1892 г. там насчитывалось 18 компаний, производящих иллюстрированные открытки, то в 1904 г. уже 280³, причем около половины их продукции шло на экспорт. Участники российского открыточного рынка также охотно размещали свои заказы в Германии. Многие открыточные издательства России носили ярко выраженный «немецкий» характер, являясь, по сути, филиалами немецких фирм или будучи основанными «русскими немцами»⁴. Различия касались не только производства, но и потребления, в том числе широкими массами. Если, например, в случае Германии солдаты были едва ли не основными пользователями открыток с самого момента их появления⁵, то в России в войсках и в целом в народной среде они получили гораздо меньшее распространение, причем современники прямо накануне войны отмечали определенную зависимость от немецких производителей даже русских «солдатских» открыток⁶.

³ *Pieske Ch.* Das ABC des Luxuspapiers. Herstellung, Verarbeitung und Gebrauch 1860-1930. Berlin, 1984. S. 86.

⁴ Как, например, известная фирма «Ришар» и одна из самых крупных типографий Р.Голике и А.Вильборг. См. подробнее: *Мозохина Н.А.* Издательство открытых писем Рихарда Лютермана «Ришар» // Издательство «Ришар». Иллюстрированный каталог почтовых открыток. Киров, 2014. С. 12-33.

⁵ *Becker F.* Bilder von Krieg und Nation: Die Einigungskriege in der bürgerlichen Öffentlichkeit 1864-1913. München, 2001. S. 63.

⁶ «Что же касается солдатских “открытых писем”, то они почти не обращаются в русских народных массах, в совершенную противоположность с тем, что наблюдается за границей. И те из солдатских открыток, которые нам приходилось встречать,

Между тем, как уже отмечалось, в военные годы потребность в простом и эффективном средстве связи резко возросла. Война поставила людей перед лицом совершенно новой коммуникационной ситуации, когда значительная часть прежнего повседневного устного общения должна была совершаться в письменной форме - ведь в обыденной жизни люди не прибегали к постоянному письменному описанию своих чувств и жизненных обстоятельств⁷. Особенно это касалось тех групп, которые оказались в чрезвычайных ситуациях – солдат на фронте, пленных и интернированных, беженцев, а также жителей на оккупированных территориях. Наиболее распространенным средством почтовой коммуникации стали как раз открытки. С одной стороны, их использование диктовалось самими тяжелыми обстоятельствами жизни подобных групп, заставлявших выбрать открытку в силу большей простоты этого средства коммуникации по сравнению с обычным письмом. С другой, специфика открытки как «открытого» письма делала ее особенно практичной в тех случаях, когда над перепиской требовался пристальный контроль, например, именно открыткам власти отдавали однозначное предпочтение при организации переписки военнопленных, интернированных, жителей оккупированных территорий.

Для всех этих групп почта означала нечто большее, чем просто обмен информацией, она являлась также формой помощи и поддержки, выполняя в широком смысле слова гуманитарную функцию. При этом

составляют или подражание немецким образцам или же они непосредственно немецкие (printed in Germany) с русскими надписями-подписями...», – отмечал русский офицер Л.В.Евдокимов, указывая, что в сфере пропагандистского использования открыток в армии из всех государств Европы «Германии принадлежит первое место». *Евдокимов Л.В.* Народное солдатское письмо (В России и за границей) // Военный сборник. 1914. № 3. С. 159, 162.

⁷ См. *Knoch P.* Erleben und Nacherleben: Das Kriegserlebnis im Augenzeugenbericht und im Geschichtsunterricht // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...». Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hrsg. Hirschfeld G., Krumeich G., Renz I. Essen, 1996. S. 200.

речь идет как о семейной и дружеской коммуникации, так и об активности различных объединений, благотворительных обществ, частных лиц. Следует подчеркнуть, что далеко не всегда речь шла о материальной помощи, для оказания которой в военных условиях нередко отсутствовали практические ресурсы. В данном случае гуманитарная составляющая подобной коммуникации посредством открытки заключалась прежде всего в том, что для этих изолированных и подвергавшихся экзистенциальному риску групп возможность послать и получить открыточную «весточку» превратилась в важнейшую моральную и психологическую опору, средство утверждения в собственной идентичности⁸. На расстоянии такую поддержку могла оказать только почта и, в частности, открытка. Именно стремлением к моральной поддержке диктовалась, например, распространенная как в России, так и в Германии практика школьных посланий солдатам. В случае с пленными подобную активность скорее проявляли отдельные частные лица. Так, находившаяся в годы войны в Швейцарии княгиня София Николаевна Барятинская оказывала всемерную помощь в установлении связей русских пленных с их родственниками в России⁹. Однако гораздо менее известной остается ее деятельность по моральной поддержке «солдатиков-голубчиков» из лагеря Эбенберг-Ландау с помощью регулярно

⁸ *Heuer Ch.* Ego-Dokumente und Sinnbildung. Feldpostbriefe als Quellen historischen Lernens am Beispiel der Briefe des Freiburger Studenten Erich Schönberg an seine Mutter (1914/15). Diss. Freiburg: Waiblingen (Rems-Murr-Kreis), 2011. S. 13; *Molthagen D.* Das Ende der Bürgerlichkeit? Liverpools und Hamburger Bürgerfamilien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2007. S. 38; См. также: *Sturm M.* Lebenszeichen und Liebesbeweise aus dem Ersten Weltkrieg. Eine sozialdemokratische Kriegsehe im Spiegel der Feldpost // Sauer E. (Hg.). Briefkulturen und ihr Geschlecht. Zur Geschichte der privaten Korrespondenz vom 16. Jahrhundert bis heute. Wien, 2003. S. 237-260.

⁹ Князь С.М.Волконский вспоминал о С.Н.Барятинской: «Но и больная, она помогала другим. Во время войны она в Швейцарии занималась русскими пленными и беженцами; и не раз в деревне я получал от нее поручения сообщить родственникам такого-то, там-то, что он жив и находится там-то». *Волконский С.М.* Мои воспоминания. Т. 1. М., 1992. С. 395.

посылавшихся открыток¹⁰. Тем не менее гораздо большее значение открытки имели в их качестве продукта массового потребления, выступив, в частности, одним из самых распространенных способов сбора средств на благотворительные нужды.

2. Гуманитарный компонент в коммерческой функциональности открыток

Будучи массовым коммерческим продуктом, открытки самым широким образом использовались в различных благотворительных акциях, иногда имевших чрезвычайно большой, общенациональный масштаб. Так, известная русская «икона» Первой мировой войны, «Раненый солдат» Л.Пастернака, в виде открыток продавалась сотнями тысяч экземпляров¹¹, а изданная германским Красным крестом открытка с изречением кайзера о внутреннем единстве и вовсе достигла тиража в 40 млн¹².

Однако одной из главных особенностей открыток в качестве средства материального обеспечения различных гуманитарных практик являлось их применение в самых разных конкретных инициативах иногда

¹⁰ Historisches Museum der Pfalz – Speyer. Postkartensammlung [Электронный ресурс:] <https://rlp.museum-digital.de/index.php?style=grid&&instnr=14&t=listen&gesusa=474&style=grid&startwert=88&cacheLoaded=true> (режим доступа: свободный. Дата обращения: 29.10.2020).

¹¹ Сам Пастернак вспоминал: «Я никогда и представить себе не мог того успеха, который выпал на долю этого плаката, когда он был расклеен по всей Москве в день сбора пожертвований. Толпы стояли перед ним, бабы плакали... Продавали за большие деньги открытки, отпечатанные в десятках и сотнях тысяч экземпляров с репродуцированным моим «Раненым солдатом». *Пастернак Л.О.* Записи разных лет. М., 1975. С. 84. Исследователи отмечают, что особенностью русского плаката времен войны в принципе был акцент не на «агрессивный патриотизм», а на жертвенность солдата, на необходимость сочувствия ему. См.: *Бабурина Н.И.* Русский плакат Первой мировой войны. М., 1992. С. 4-6; *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30-50-х гг. // *Образ врага.* М., 2005. С. 196; *Gatrell P.* Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow, Pearson, 2005. P. 89.

¹² *Das graphische Gewerbe im Krieg // Papier-Zeitung.* 15.07.1915.

очень узкой направленности или сугубо локального значения. Например, и в Германии, и в России существовала практика создания детьми самодельных открыток в рамках благотворительных акций в масштабах отдельных школ, о которых иногда просто не сохранилось никаких других источников кроме этих детских рисунков¹³.

Различные общества и просто группы единомышленников занимались выпуском открыток в поддержку уязвимых групп населения. Так, весьма значительным является пласт открыток в пользу военнопленных. Особенно распространенной такая практика была в Германии. Нередко подобные открытки сопровождали локальные благотворительные мероприятия. В качестве примера можно привести «официальную открытку нюрнбергского комитета пожертвований» с изображением двух страдающих от холода немецких солдат и текстом «Подумайте о наших бедных военнопленных!»; в тексте личного послания отправленной 9 октября 1915 г. карточки сообщается, что сбор пожертвований идет непосредственно в эти дни и осуществляются они целенаправленно в пользу «[немецких – А.М.] воинов в России»¹⁴. Открытки являлись также непременным атрибутом так называемых «гвозжений» (Nagelung) – специфической формы благотворительности и социальной поддержки. Она подразумевала приобретение отдельным человеком или организацией специально для этого предназначенных гвоздей для последующего вбивания их в какой-либо национальный символ, сделанный для этой цели из дерева; доход от продажи гвоздей

¹³ См. о соответствующих практиках в Германии и России: *Kronenberg M. Kampf der Schule an der «Heimatfront» im Ersten Weltkrieg: Nagelungen, Hilfsdienste, Sammlungen und Feiern im Deutschen Reich.* Hamburg, 2014; *Чистяков С.* Миф и реальность в печатной графике Первой мировой. Русский батальный лубок, плакат и художественная открытка 1914-1917 гг. // *Первая мировая: война и миф.* М., 2014. С. 106-107.

¹⁴ Открытка из частной коллекции В.В.Крепостнова.

шел на благотворительные нужды¹⁵. Некоторые из этих акций были также направлены специально на помощь военнопленным, как например, «гвозжение» «железного орла» во Франкфурте-на-Майне в 1915 г. Известный художник Карл Шток (1876-1945) стал автором как самой деревянной фигуры, так и открытки на эту тему¹⁶. Функции использовавшихся в контексте «нагелунга» открыток заключались не только в увеличении доходов от подобных акций, но и – в отличие от памятных свидетельств, выдававшихся участникам таких мероприятий в обмен на приобретение гвоздей – в характерном для памятников «вторичном инсценировании»¹⁷, благодаря которому происходило распространение информации о каждом из артефактов, мультиплицировались его смыслы. В силу своей специфики как средства коммуникации разлетающиеся по всей стране с места каждого такого события открытки выступали практически идеальным медиумом «вторичного инсценирования».

Наиболее активно к изданию открыток в пользу военнопленных прибегал «Народный союз для защиты немецких военных и гражданских в плену» (Volksbund zum Schutze der deutschen Kriegs- und Zivilgefangenen) – общегерманская организация, возникшая на рубеже 1918-1919 гг. в результате слияния ряда локальных обществ вспомоществования пленным¹⁸. Другой крупной общегерманской

¹⁵ См. об этом подробнее: *Медяков А.С.* «Железные символы железной поры»: о практике «нагелунга» в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 5; *Diers M.* Nagelmänner. Propaganda mit ephemeren Denkmälern im Ersten Weltkrieg // *Mo(nu)mente. Formen und Funktionen ephemerer Denkmäler* / Ed. M. Diers. Berlin: Akademie Verlag, 1993; *Brandt S.* Nagelfiguren. Nailing patriotism in Germany 1914-18 // *Matters of conflict: material culture, memory and the First World War* / Ed. N.J. Saunders. Abingdon, Routledge, 2004.

¹⁶ Открытка из частной коллекции В.В.Крепостнова.

¹⁷ *Dörner A.* Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Hermannmythos: zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. Reinbek bei Hamburg, 1996. S. 22-35.

¹⁸ Цели общества были изложены в его уставе: *Satzungen des Volksbundes zum Schutze der deutschen Kriegs- und Zivilgefangenen*. Berlin. Staatsbibliothek zu Berlin

организацией являлся «Имперский союз бывших военнопленных» (Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener), также выпускавший открытки. Оба общества ставили задачу воздействовать как на германское, так и на мировое общественное мнение, что проявлялось в том числе в выборе тем и сюжетов. Так, одна из открыток апеллировала к фигуре Авраама Линкольна, требуя освободить современных «рабов»¹⁹.

В России использование открыток в пользу пленных имело существенно меньший масштаб. Чаще всего такие открытки выпускались в рамках отдельных благотворительных акций²⁰; кампании солидарности с русскими пленными проходили также в странах Согласия²¹.

На фоне впечатляющих успехов благотворительных открыток в Германии тем более удивительно, на первый взгляд, выглядит тот факт, что сами представители индустрии открыток проявляли постоянное недовольство применением последних в подобных целях. Это было связано с появлением широкого поля для злоупотреблений лучшими чувствами сограждан. Дело дошло до того, что, например, в Лейпциге в марте 1915 г. полиция временно запретила торговлю открытками с пометками в пользу Красного креста и других благотворительных организаций. Выяснилось, что фирмы, отправляя на улицу разносчиков с повязками национальных цветов и даже «удостоверениями» с письменными обязательствами перечислить 10 % от выручки в пользу Красного креста, в действительности отдавали микроскопические суммы²². Социал-демократическая газета «Фортвертс», всегда критически настроенная к любым фактам наживы на войне, сообщала, в частности,

[Электронный ресурс:] https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht?PPN=PPN730718905&PHYSID=PHYS_0001&DMDID= (режим доступа: свободный. Дата обращения: 29.10.2020).

¹⁹ Медяков А.С. Первая мировая война на почтовых открытках / World War I in postcards. Т. I-IV. Киров, 2014. Т. II. С. 264. II/0883.

²⁰ См. пример: там же. С. 263. II/0876.

²¹ Там же. II/0877.

²² Papier-Zeitung. 04.03.1915.

что одно саксонское издательство, продав 510 тыс. открыток с обещанием перечислить 10 % в пользу Красного креста и заработав 50 тыс. марок, в действительности перечислило лишь 172 марки²³. Прусское военное министерство провело анализ торговли благотворительными открытками. Выяснилось, что из 10 пфеннигов, за которые те обычно предлагались публике, на собственно заявленные цели шло в лучшем случае ½ пфеннига; в качестве средства борьбы против злоупотреблений всем Временным генеральным командованиям предлагалось обязать производителей указывать непосредственно на открытках, какая именно доля идет на благотворительные нужды²⁴, что было действительно взято на вооружение²⁵.

Главные претензии профессиональных производителей и распространителей открыток заключались, тем не менее, не в том обстоятельстве, что злоупотребления дискредитировали отрасль, а в той конкуренции, которую составляла издательская деятельность благотворительных организаций. Так, «Союз охраны интересов открыточной индустрии» не смог добиться, чтобы первая открытка Красного креста с изображением кайзера не распространялась через почтовые отделения, дабы не лишать заработка торговлю, однако в отношении последующих этого достигнуть удалось²⁶. Тем не менее, в

²³ Lukrativer Postkartenverkauf // Vorwärts. 25.02.1915.

²⁴ Из 10 пфеннигов конечной цены розничные торговцы передавали агенту-оптовику 5, тот выплачивал издательству 2,5 пфеннигов, из которых последнее вычитало производственные расходы, собственную маржу и лишь оставшийся процент перечисляло благотворительному обществу. – Preuß. Ministerium des Innern an Stell. Gen. Kdos. 27.04.1915; Kriegsministerium. 11.05.1915. Ansichtspostkarten im Kriege 1914. VStA. Abt. IV. MGr 13344.

²⁵ Например, военное командование в Бреслау летом 1915 г. выпустило предписание, согласно которому на каждой открытке должно было быть четко указано, какая доля и какой благотворительной организации следует с ее продажи; в противном случае следовала конфискация. См. Papier-Zeitung. 04.07.1915.

²⁶ Papier-Fabrikant. Zeitschrift für die Papier-, Pappen, -Holz-, Stroh- und Zellstoff-Fabrikation. N. 42. 16.10.1914; Schutzverband für die Postkarten-Industrie E.V // Papier-Zeitung. 25.03.1915.

целом проблема нечестной конкуренции со стороны издателей «так называемых “благотворительных” открыток», спекулирующих на сострадании и лишаящих куска хлеба обычных торговцев открытками²⁷, сохраняла свою остроту вплоть до конца войны. В циркулярном письме «Союза охраны интересов открыточной индустрии» от 17 августа 1918 г. предлагалось вовсе запретить издания новых и переиздания старых благотворительных открыток²⁸.

3. Гуманитарный компонент в содержании изобразительных посланий.

Изображения на открытках варьировали гуманитарную тему особенно широко. В частности, большое распространение получил мотив милосердия, передававшийся главным образом через два его главных символа – Красный Крест и образ сестры милосердия. Благодаря универсальности идеи милосердия эти образы отличались чрезвычайным сходством в разных странах, что как нельзя лучше показывает именно открытка – одно из главных средств транскультурного обмена своего времени. Как раз в силу общности лежащих в их основе идей эти образы легко заимствовались, снабжались новыми деталями и надписями, но, главное, безусловно принимались – даже если они исходили из стана врагов. Подобную универсальность и масштабы транскультурного обмена наглядно демонстрирует история открытки «Ангел милосердия»: написанная известным английским художником Халом Хёрстом (Hal Hurst) и изданная американским издательством, в январе 1915 г. она была послана из нейтральной Швейцарии в Германию, где благополучно прошла почтовую цензуру²⁹. С точки зрения универсальности

²⁷ Sogen. «Wohlfahrts»-Postkarten // Papier-Zeitung. 15.07.1915.

²⁸ Aktennotiz. SächsStA. 11348. Stellv. Gen. Kdo. des XII. A.K. Bl. 197.

²⁹ Медяков А.С. Первая мировая война. Т. III. С. 150. III/0418. В качестве комментария к открытке отправитель написал: «Вот еще одна память о великой войне».

воплощавшихся символом Красного креста и фигурой «ангела милосердия» ценностей гуманности показательно, что последние не знали границ не только политических, но и художественных и культурных. В частности, идейные и композиционные особенности нарисованной Хёрстом серии открыток с образами медсестер оказались в равной степени привлекательными для заимствования как русским, так и немецким художником³⁰.

Весьма часто такие рисунки сочетались с приведенной выше коммерческой составляющей, направленной на сбор средств для различных благотворительных целей. Изображения превращали абстрактные призывы в зримые образы, служили аргументацией, задействовали эмоции.

Одной из магистральных тем являлось гуманное обращение с пленными и ранеными врагами. Пленный враг перестает быть врагом – этот тезис постоянно повторялся в самых разных видах русской военной публицистики, причем особенно активно с 1915 г. Так, он стал одним из лейтмотивов специального номера «Жизнь в плену», выпущенного популярным иллюстрированным еженедельником «Война»³¹. Ту же идею проводили и открытки. На многочисленных постановочных фотографиях русские солдаты перевязывают раненых немцев, дают им пить из фляги, кормят.

Аналогичной была образность и немецких открыток – они также взывали к идеалам милосердия и гуманности. Подписи к подобным образам вписывают изображения в национальный («это по-немецки!»), но еще чаще в христианский контекст: речь идет о «добрых самаритянах», и особенно часто цитируется евангельское «люби врага ваша». Само изображение немецкого солдата с врагом на закорках зримо отсылает к

³⁰ Там же. III/0419, III/0422.

³¹ Война. 1915. № 23.

христианской иконографии св. Христофора – «несущего Христа». Вместе с тем эта христианская любовь оказывалась весьма избирательной – в роли ее объекта фигурировали главным образом французы³². То же касалось и отношения к пленным. Лишь французские пленные в начале войны пользовались отчасти даже теплым приемом, вплоть до вручения им цветов и подарков³³.

Подводя итоги, нельзя не отметить, что подобные мотивы на открытках обслуживали вполне конкретные пропагандистские интересы. Пропаганда разных стран нередко прямо апеллировала к международному гуманитарному праву, обвиняя противника в применении запрещенных видов вооружения, негуманном обращении с военнопленными, использовании их при строительстве военных сооружений и т.д. С этой точки зрения изображение «рыцарского» поведения по отношению к побежденному противнику служило скорее контрастом к негуманным деяниям последнего. Нередко такие открытки включались в более широкий контекст основополагающего идеологического противостояния Первой мировой войны – полемику о «культуре» («цивилизации») и «варварстве», служа аргументами в сопровождавшей её «битве образов».

Вместе с тем нельзя также не видеть и того, что помимо своей пропагандистской функции открытки также обладали некоторым нормирующим эффектом, поставляя определенные модели поведения, транслировавшиеся в доступных формах на весьма широкую аудиторию. Едва ли, например, немецкий солдат, в ноябре 1917 г. пославший домой открытку со сценой ухода за раненым русским и скорее одобрительно

³² См. примеры: *Медяков А.С.* Первая мировая война. Т. II. С. 159-161. Мне неизвестно ни одной открытки с рисунком, на котором немецкий солдат нес бы англичанина или русского. Существуют постановочные фотографии ухода за раненым русским со стороны немецких солдат. Там же. С. 253. II/0851.

³³ *Verhey J.* Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg, 2000. S. 141.

прокомментировавший ее, воспринимал это изображение в контексте масштабной «войны культур»³⁴, скорее он увидел в ней апелляцию к общечеловеческим ценностям гуманности.

В этом же направлении воздействовали образы в духе «тривиализации войны», выступавшей в качестве средства примирения общества с ее тяготами³⁵. Такие образы показывали войну в качестве обыденности, уменьшали ее до такого размера, чтобы она превратилась в банальность вместо того, чтобы быть страшной. Этому в том числе способствовало изображение мирового конфликта как детской игры. Использование в открытках образов детей открывало широкие возможности трактовать различные события и стороны войны через призму приписываемых им непосредственности и непредвзятости, упрощая сложное и представляя истинным спорное. В этом качестве образы детей дублируют тему гуманности во всех подробностях – они помогают раненым, призывают к милосердию по отношению к врагам и т.д. Тем самым война описывалась и объяснялась как детям, так и через детей. Вменяемая детям непосредственность позволяла изобразить милосердие в качестве естественной черты, что придавало дополнительной убедительности предлагавшимся трактовкам и моделям поведения.

В целом, многогранность почтовой открытки, являвшейся одновременно средством коммуникации, массовым коммерческим продуктом и носителем визуальных посланий, а также само ее специфическое бытование на грани публичного (производство и распространение) и частного (потребление) обусловили широкое включение почтовых карточек в проблематику гуманитарности как на

³⁴ Открытка из частной коллекции В.В.Крепостнова.

³⁵ См. *Mosse G. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford, 1990. P. 126-128.*

дискурсивном, так и на функциональном уровнях, помогая уязвимым группам населения пережить тяготы этой войны.

Эволюция гуманитарной помощи семьям призванных на войну в России в ходе Первой мировой войны

Понятие «гуманитарная помощь» начало разрабатываться и активно применяться в последней четверти 20 века². Сегодня гуманитарная помощь понимается как вид помощи, которая оказывается безвозмездно в виде продовольствия, одежды, средств медицинской помощи и проч. жертвам гуманитарных катастроф, возникающих, в том числе, в периоды войн. Именно помощь в военных условиях стала основой зарождения гуманитарной помощи в современном понимании (пример Красного Креста). По источникам обеспечения выделяется внешняя и внутренняя гуманитарная помощь.

В чрезвычайной ситуации Первой мировой войны многомиллионные массы населения («жертвы войны») нуждались в помощи: семьи мобилизованных нижних чинов армии и флота, осиротевшие дети, беженцы и выселенцы, лица, потерявшие трудоспособность (раненые, инвалиды). В настоящей работе анализу подвергается внутренняя гуманитарная, экстренная помощь, оказываемая членам семей призванных на фронт нижних чинов армии (мобилизованных).

Исследование истории гуманитарной помощи требует внимания к понятиям, используемым в изучаемое время. В Российской империи

¹ Павлова Ирина Петровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета.

² *Pilar U. von. Alles Brüder? Eine kurze Geschichte der humanitären Hilfe // Handbuch Humanitäre Hilfe. Berlin; Heidelberg, 2013. S. 29.*

помощь семьям воинов, оказываемая государством и обществом, не получила отдельного названия. Для сравнения, в Германии появилось понятие для обозначения помощи семьям мобилизованных – «Kriegsfürsorge» (военная забота, облегчение бремени войны). В документах военного времени в России помощь членам семей мобилизованных относилась к области «попечения о нуждающихся», к «призрению нуждающихся» (аналог в немецком языке – «Armenfürsorge»). «Нуждающимися» в начале XX века назывались лица, неспособные самостоятельно обеспечить себе условия для существования без поддержки общества. Такие группы населения назывались также «бедными», и определялись как «нехозяйственные члены общества», как в России, так и в Германии³.

На начало войны в Российской империи государственная поддержка семей мобилизованных обеспечивалась на основании Закона о призрении нижних воинских чинов и их семейств от 25 июня 1912 г.⁴ Этот закон был подготовлен на основе анализа опыта призрения семей солдат и матросов в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. Тогда условием предоставления помощи семьям мобилизованных была выявленная «недостаточность средств к существованию». Факт «недостаточности» определялся письменным заявлением самих нуждающихся и проверкой его полицейскими и волостными властями. Пособия выплачивались из «местных средств». Такой принцип был признан как самими призреваемыми, так местными властями несправедливым. Новый закон 1912 г. объявлял о сплошной поддержке семей призванных нижних чинов (вне зависимости от материального положения семьи) в виде денежных пособий равных сумме солдатского пайка, коррелируемых в зависимости

³ Klumker Ch. J. Fürsorgewesen. Einführungen das Verständnis der Armut und der Armenpflege. Leipzig, 1918. S. 8, 13.

⁴ Закон о призрении нижних воинских чинов и их семейств 25 июня 1912 г. Отд. Оттиск. Тип. Молния. Б.г. С. 1-4.

от инфляции. Закон можно назвать гарантом государственно-страховой поддержки семей призванных на войну воинов. Пособия назначались жене и детям: одному ребенку половина пенсии, двум – две трети, трем и более – полная стоимость материнского пособия. Пособия полагались и «восходящим родственникам»: отцу, матери, деду, бабушке, а также братьям и сестрам, если они были иждивенцами призванного⁵.

Возникает вопрос: зачем нужна была гуманитарная помощь, при гарантируемой государством поддержке семей призванных на войну?

Средств, выдаваемых в качестве пособий от имени государства, в начале войны было, как считали современники, достаточно для сохранения довоенного уровня жизни. Отмечались случаи, когда семья получала денежных средств больше, чем кормилец, ушедший в армию, зарабатывал до войны⁶. Однако такое «изобилие» касалось незначительного количества семей и только в короткий период. В большинстве случаев после потери кормильца многие семьи призванных, особенно многодетные, оказались в катастрофической ситуации⁷. Существовали организационные проволочки при выдаче пособий, так как закон в начальный период войны еще только апробировался. Кроме того, с быстрым ростом цен возникала нехватка пайковых средств даже на еду. Гуманитарная помощь становилась необходимой.

Закон не учитывал некоторые категории членов семей солдат, которые также нуждались в поддержке общества. Самым сложным вопросом в России стал вопрос о помощи «гражданским семьям» – семьям, не оформленным в установленном законом порядке путем

⁵ Там же. С. 1-2.

⁶ *Булгакова Л.А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Мат-лы конф. памяти В.С. Дякина. СПб.; Кишинев, 2001. С. 447.

⁷ *Щербинин П.П.* Повседневная жизнь детей и подростков в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. Тамбов, 2017. С. 45-47.

церковных браков⁸. Это была самая большая категория семей призванных, которая осталась без обязательного законного попечения: помощь им оказывалась из местных бюджетов, единовременных пожертвований, благотворительных сборов. Для сравнения, в Германии проблема обеспечения внебрачных детей, которые содержались отцами до войны, была решена в законодательном порядке. По дополнению к закону от 28 февраля 1888 г., принятому уже в ходе войны (4 августа 1914 г.), таким детям полагалось такое же пособие со стороны государства, как и «законным» детям⁹. Имперское правительство в марте 1915 г. ввело уточняющее дополнение к закону от 17 мая 1907 г. о том, что помощь сиротам воинов будет оказываться, как только долг отца по содержанию ребенка будет установлен¹⁰. Таким образом, законодательство Германской империи уравнивало детей мобилизованных на войну – законных и незаконных.

Вопрос о помощи «гражданским семьям» и внебрачным детям рассматривался в Российской империи на правительственном уровне в течение всей войны. Совет министров так и не согласился на изменение закона в отношении «незаконных» детей, и предложил привлечь к помощи этой категории нуждающихся благотворительные организации¹¹. В Верховном совете по призрению семейств призванных вопрос об изменении законодательства в отношении гражданских семей призванных также ставился несколько раз. Результатом стали только рекомендации

⁸ Проблеме церковных браков в России периода Первой мировой войны посвящена работа: *Булгакова Л. А.* Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники.* СПб., 2009. С. 183-214.

⁹ *Sachsse Ch.* Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland // *Fürsorge und Wohlfahrtspflege 1871-1929.* Hg. v.: Christoph Sachsse; Florian Tennstedt. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1988. S. 50.

¹⁰ *Fürsorge für Kinder // Zeitschrift für das Armenwesen.* 1915. Heft 9/10. S. 351.

¹¹ Совет Министров Российской Империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 84.

благотворительным структурам «обращать первостепенное внимание именно на внебрачных детей, пасынков и падчериц»¹².

Решение о помощи через систему пайков семьям «незаконной конструкции» было принято только Временным правительством. Постановления переходного правительства принимались на фоне постоянных демонстраций солдаток с требованиями об увеличении пайков семьям солдат. 22 июня 1917 г. правила о призрении семей солдат были распространены на внебрачных жен, имевших детей солдата, или беременных от него. В число получателей государственной поддержки были включены также приемные дети. Однако, выполнение этих решений, принятых под давлением революционного движения, а также увеличение размера пайков были просто нереальными. По расчетам деятелей исполкома Петроградского совета на их выполнение требовались средства, вдвое превышавшие бюджет России¹³.

Что касается помощи всем семьям мобилизованных, даже получавшим пособия, то многим из них периодически, часто экстренно, требовалась гуманитарная помощь едой, одеждой, обувью, лекарствами, жильем, дровами и др. Все эти виды помощи оказывались благотворительными организациями. Они понимали проблему как традиционную помощь бедным, например, создавали столовые для «семейств призванных и бедных». Благотворительные общества со значительным количеством средств и финансов создавали специальные подотделы для помощи семьям призванных. Так, «Русское женское благотворительное общество» организовало «Комитет на помощь жертвам войны». Возникали новые организации, например, в Петрограде были созданы общества: «Помощь семьям защитников родины», «Милосердие»,

¹² Известия Верховного Совета. 1915. №2. С. 27.

¹³ *Надсадный Д.В.* Городские попечительства о бедных в Петрограде и солдатские жены в 1917 году // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, СПб., 2014. С. 83.

«Посильная помощь» и другие. Патриотический порыв к массовой благотворительности начального периода войны был неорганизованным и поэтому бессистемным. Часть нуждающихся получала помощь из нескольких источников, какие-то семьи не получали поддержки совсем. Финансировались гуманитарные акции и учреждения из средств, выделяемых местными органами самоуправления, средствами от кружечных сборов, пожертвованиями, собранными по подписным листам, доходами от проведения лотерей, благотворительных спектаклей и киносеансов, продаж календарей, флажков, значков и проч. Пожертвования для экстренной раздачи принималась хлебом и другими продуктами, одеждой, разного вида материалами.

Отличительной чертой благотворительной сферы в Российской империи было существование целой системы именных (носивших имена членов семьи Романовых) комитетов и ведомств, «управляемых на особых основаниях», курируемых членами императорского дома. Деятельность части комитетов (Елизаветинского, Татьянинского, Алексеевского, Александровского, Комитета Ольги Николаевны), организованных как в довоенное, так и в военное время, была направлена на организацию помощи пострадавшим от войны. Эти структуры представляли собой смешанную форму: государственно-общественно-частными они были по типу финансирования, а благотворительно-добровольными по составу лиц, оказывавших непосредственную помощь.

Появились в условиях войны структуры государственного уровня, которые курировали и координировали помощь семьям призванных. Центральным органом стал созданный 11 августа 1914 г. по решению собрания Всероссийского союза учреждений по общественному и частному призрению Верховный по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов под покровительством императрицы Александры Федоровны. Одновременно был создан с

центром в Москве Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны – сестры императрицы – «по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну». Этот комитет должен был упорядочить местную инициативу и объединить деятельность разрозненных гуманитарных организаций не только в Москве, но и в других, «нестоличных» городах. В большинстве случаев местные отделения Елизаветинского комитета становились координаторами деятельности различных благотворительных организаций, существовавших еще в довоенный период. На начало 1917 г. в систему кураторства Елизаветинского комитета были включены около шести тысяч заведений.

Помощью семьям призванных ведало также созданное еще в 1909 г. Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, находившееся под патронажем императора. Оно координировало деятельность местных отделений Российского Красного Креста и части благотворительных обществ, которые занимались помощью осиротевшим семьям.

Забота о детях военных отдельно курировалась Алексеевским, Александровским комитетами. Образованный в 1913 г. «для призрения детей сельского населения» Романовский комитет с началом войны полностью сконцентрировался на помощи детям призванных в армию, как сирот, так и детей «недостаточных» родителей. Показательным был принцип финансирования проектов по созданию приютов и содержанию детей призванных и погибших воинов: комитет из казны производил софинансирование на одну треть. Остальные средства должны были «изыскиваться» на местах (через благотворительные сборы). Особо поддерживались комитетом такие формы попечения как приюты семейного типа, приюты в форме фермерских хозяйств, колоний, организация горячего питания в учебных заведениях.

Значительная гуманитарная помощь семьям призванных оказывалась через городские попечительства о бедных. Попечительства оказывали помощь не только мещанам (горожанам). Семьи мобилизованных из деревень, которым поддержка не оказывалась по разным причинам, переезжали в губернские города в надежде получить помощь или увеличить ее размер. Попечительствами оказывалась так называемая «дополнительная» помощь деньгами. Пособия выдавались в качестве квартирных денег, средств на питание, проезд к месту жительства, на лечение, похороны, покупку теплой одежды, размещение детей нуждающихся в приюты и т.п. Попечительства помогали при покупке дров и материалов по льготной цене. В Сибири практиковались дополнительные выплаты по 1 руб. как дополнение к казенному пайку (при примерной сумме «законного» пайка – 3 руб.). Пособия для внебрачных семей в некоторых городах были в начальный период войны только незначительно меньше, чем казенные пособия для законных семей¹⁴. В уездных городах помощь оказывалась более скромная. Бездетным солдаткам в пособиях на квартиры во многих городах отказывалось.

В городах, где существовали участковые попечительства о бедных по типу Эльберфельдской системы, а таких насчитывалось в империи более сорока, помощь семьям призванных оказывалась через эти общественно-благотворительные структуры. Участковые попечительства о бедных Москвы стали основой для системной организации социальной помощи семьям призванных этом городе¹⁵. В ряде городов участковые попечительства о бедных были образованы уже в условиях начавшейся

¹⁴ Катцина Т.А. Государственная политика и опыт местных властей Восточной Сибири в организации помощи солдатским семьям (август 1914 – октябрь 1917) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 677.

¹⁵ Брострем А.И. Московское городское попечительство о бедных «Хитрова» рынка // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 6. Стб. 514-515.

войны (Нижний Новгород, Екатеринбург). В Екатеринбурге попечительствами было создано справочное бюро о бедных¹⁶. В тех городах, где попечительства уже существовали, они активизировали свою деятельность.

Еще в мае 1914 г. в Петербурге перед городской исполнительной комиссией по благотворительности властями был поставлен вопрос о «приспособлении» попечительств о бедных к работе с семьями призванных в случае мобилизации в армию. Был разработан проект опросного листа для обследования семей призванных¹⁷. В начале войны городская власть поставила перед попечительствами о бедных в качестве главной задачи (помимо выдачи «казённых пайков») оказание дополнительной помощи «тем многодетным и нетрудоспособным семьям призванных на войну лиц, для которых паек является недостаточным обеспечением даже для полуголодного существования»¹⁸. На общегородском уровне деятельностью попечительских участков руководила образованная в октябре 1914 г. Городская исполнительная комиссия по благотворительности¹⁹. Всего в столице было 20 городских попечительств. Патронаты и обследовательские комиссии действовали в двенадцати из них. Членство в попечительствах было добровольным, труд по оказанию помощи – безвозмездным.

Семьи солдат, потеряв доход, часто теряли и жилье. Почти во всех попечительствах Петрограда началось устройство «углов» для солдаток. Под жилье «испрашивались» винные лавки, которые были закрыты и

¹⁶ Призрение и благотворительность в России. 1916. №9. Стб. 957.

¹⁷ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914-1915. Сост. Л.Я. Гуревич. Издание Совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Пг., 1915. С. 10.

¹⁸ Панина С.В. Общественная работа в Городских Попечительствах // Летопись Петроградских Городских и пригородных попечительств. 1916. № 1-2. Стб. 9.

¹⁹ Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград, 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов, СПб., 2013. С.59.

пустовали с принятием «сухого» закона. Кроме проблем, связанных содержанием и обеспечением нормального санитарно-гигиенического состояния подобных общежитий, возникали и социально-психологические проблемы. Женщины, не привыкшие ни к какому труду кроме домашнего, при большом количестве детей просто надеялись на постоянную опеку. Попечители замечали, что солдатки начинали, рассчитывая на поддержку, отлынивать от работы, деморализовываться. Поэтому помощь в варианте бесплатного жилья со временем стала сокращаться²⁰.

Вещевая помощь оказывалась в двух основных вариантах: дровами и вещами (теплой и другой одеждой, обувью). Попечительства получили от городских властей право создавать свои вещевые склады и право продажи дров небольшими партиями беднейшему населению Петрограда. Одежду участковые попечительства распределяли в переходные периоды, с наступлением осени и зимы. Отмечались попытки опекаемых использовать выданную одежду для продажи. Предотвращать эти злоупотребления помощью было сложно, поскольку трудно было учитывать выдачи в условиях постоянной миграции населения.

Попечительства Петрограда создавали столовые, в которых выдавались бесплатные или дешевые обеды. За первый год работы (1914-1915 гг.) попечительства организовали выдачу 4,5 миллионов обедов. В это число входили как бесплатные обеды, выдаваемые взрослым и детям по назначению советов, патронатов и других попечительских органов, так и дешевые обеды, отпускаемые всем нуждающимся в них. Дешевые обеды составляли чуть более десяти процентов от общего количества. Основная масса обедов была бесплатной²¹. С весны 1915 г. дешевые

²⁰ Обзор деятельности городских попечительств... С. 12, 20, 37.

²¹ Призрение и благотворительность в России. 1916. №7. Стб. 288.

столовые и дешевые продовольственные магазины были открыты в большинстве попечительств. При этом столовых было недостаточно.

Главной задачей социальной поддержки, как это было сформулировано активистами благотворения еще в предвоенный период, было создание возможностей для самообеспечения нуждающихся через так называемую «трудовую помощь». В России в годы войны трудовая помощь оказывалась в вариантах устройства на работу, выдачами заказов для работы дома на изготовление одежды для воинов, госпиталей, приютов. Заказы распределяли в семьи мобилизованных, которые обеспечивались попечителями швейными машинками. Расширялась сеть яслей и убежищ для детей работавших солдаток.

В целом участковые попечительства о бедных показали себя как организации, наиболее соответствующие условиям городов в экстремальных условиях войны, когда гуманитарная помощь, различная по каналам средств финансирования, должна была осуществляться в конкретных, часто экстренных вариантах социальной поддержки. Попечители участков знали своих подопечных, поэтому помощь была адресной, хотя и не всегда, так как миграционные потоки были активными.

Власти считали помощь, оказываемую помимо выдачи пайков, «благотворительной», а не «публично-обязательной». Многие попечители выступали против такого подхода, считая, что благотворительность как способ оказания помощи может быть применима к «традиционным бедным», но не к семьям лиц, члены которых сражаются в армии. В Германии, опыт которой описывался в российской печати, подчеркивалась идея недопустимости благотворительной помощи семьям

мобилизованных. По этому вопросу было сделано 26 июля 1916 г. специальное правительственное распоряжение²².

Практика военного времени показала, что добровольческий (благотворительный) характер попечительских организаций не обеспечивал стабильности и планомерности социальной работы. Не все добровольцы-попечители, которые активно взялись за работу в начальный период войны, продолжали работу дальше: организаторов, низовых работников не хватало. Финансирование гуманитарной, не обеспеченной государством помощи, организовывать было все труднее: количество собираемых пожертвований из года в год уменьшалось. После значительного притока пожертвований на волне массового патриотического подъема, уже в 1915 попечительства оказались в сложной финансовой ситуации, хотя количество призывников в армию, а, значит и семей призванных, возрастало. С течением военного времени среди попечителей начали преобладать взгляды о необходимости прекращения добровольно организованной, благотворительной помощи и организации государственной помощи нуждающимся в ней.

В период революции 1917 г. городские попечительства оказались под давлением «товарищей солдаток», которые вошли в попечительские комитеты. С конца июля начался постепенный процесс ликвидации попечительств, точнее их вхождения в социальные отделы районных выборных дум – местных органов самоуправления²³.

В волостях, в сельской местности помощь семьям призванных оказывали кооперативы (предоставлением сельхозтехники), общины (помощью при сельхозработах, ассигнациями денежных сумм)²⁴. С

²² Лаппа-Старженецкая Ек. Призрение семейств участников войны в Германии // Трудовая помощь. 1917. №7. С. 279.

²³ Надсадный Д.В. Городская исполнительная комиссия по благотворительности... С. 64.

²⁴ Трудовая помощь. 1915. №5. С. 463.

помощью членов крестьянских общин осенью 1914 г. были сжаты, скошены и перевезены на хранение зерновые с участков призванных односельчан. Трудовая помощь оказывалась при обмолоте урожаев, посеве озимых и других сельских работах, которые стали непосильными для семей, лишившихся главных работников.

Гуманитарную помощь осуществляли также церковные организации. Священный Синод решением от 2 августа 1914 г. поручил епископам и архиереям создать особые попечительные советы. В качестве финансовых источников деятельности указывались сборы пожертвований в приходах и пособия из церковных средств²⁵. Приходские советы выдали за первый год войны пособий более чем двум миллионам семей на сумму свыше 6 миллионов рублей. 90% средств составили пожертвования²⁶. Церковь устраивала «духовные концерты» – концерты духовного пения, на которых собирались средства на помощь раненым и их семьям. В 1915 г. при мужском Успенском монастыре Красноярска был организован временный приют для тридцати беднейших детей лиц, призванных в армию из Красноярска и его уезда. В Знаменском женском монастыре Красноярска призревалось пятьдесят детей. Почти половина средств, собранных церковно-приходскими попечительствами благочиния градоенисейских церквей, направлялась на помощь семьям запасных²⁷. В стране активизировались религиозно-национальные объединения: помощь женам мобилизованных оказывали мусульманское, польское и еврейское общества²⁸.

Как и в довоенный период силы благотворителей были направлены, в первую очередь, на помощь детям (в новых условиях – детям

²⁵ Церковный вестник. 1914. №30. С. 900.

²⁶ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915. Пг., 1917. С. 20.

²⁷ Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 51.

²⁸ Трудовая помощь. 1914. №7. С. 114, 126-127.

призванных на фронт, сиротам). В годы войны массовым явлением стало создание детских яслей, приютов, убежищ. Появилось и получило распространение понятие «детский дом». Так, Кружок приемных матерей русских военнопленных в Австро-Германии в Петрограде, организовавший приют для беспризорных детей, считал, что название «детский дом» побуждало относиться к приюту «как к своему собственному очагу семьи». В детском доме развивались принципы самообслуживания²⁹.

Правительство в вопросе помощи детям выполняло лишь частично роль координатора. В 1916 г. был создан Центральный статистический комитет МВД по обследованию положения сирот – детей солдат в возрасте до 12 лет³⁰. Однако эта работа не была завершена в связи с революционными событиями. В период революции новым Министерством государственного призрения было создано Управление по детским приютам (в него вошли Алексеевский, Александровский и Романовский комитеты). В течение всего 1917 г. и первой половины 1918 г. текущая работа с детскими приютами шла через данное управление. Происходило огосударствление социальной помощи детям.

Если сравнить внутреннюю гуманитарную помощь, оказываемую российскими организациями благотворительного характера, с деятельностью Армии Спасения, которая начала работу в Петербурге осенью 1914 г., то можно увидеть, что направления работы (виды помощи) были схожими: снабжение одеждой, организация обедов для жен призванных на военную службу, организация отдыха детей из бедных семей и проч. Схожими были и источники финансирования: деятельность

²⁹ *Pavlova I. Soziale Rechte am Wendepunkt: Das Recht auf Sozialhilfe unter den Bedingungen der russischen Revolution // Staatsbürgerschaft und Teilhabe: Bürgerliche, politische und soziale Rechte im östlichen Europa. Hrsg. v. Katrin Boeck u.a. München, 2014. S. 276; ГА РФ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 8. Л. 23-24.*

³⁰ Призрение и благотворительность в России. 1916. №8. Стб. 872.

этой структуры в первый год войны на одну четверть обеспечивалась из бюджетных денег Петроградской думы, а остальные аккумулировались через пожертвования³¹.

Таким образом, эволюция гуманитарной помощи семьям призванных в армию заключалась в процессе постепенного огосударствления. Он появлялся в двух аспектах. Во-первых, деятельность волонтеров-попечителей сосредоточилась на помощи категориям семей, не охваченных государственной помощью, в первую очередь, гражданских семей, лиц, не приписанных к местам проживания и проч. В конечный период войны, в ходе революции новые категории лиц, относившихся к семьям призванных, были наделены правом на государственное пособие. Тенденция к расширению категорий, получавших помощь со стороны государства была очевидна. С другой стороны, неспособность государства обеспечить социальную защиту различных категорий лиц, пострадавших от войны, стала одной из причин нарастания революционных настроений. Во-вторых, в начальный период войны благотворительная поддержка была массовой, но плохо скоординированной. Патриотический порыв и масштабное добровольчество первого периода войны постепенно угасали. Благотворители сами теряли в условиях военного времени источники существования. Выявилась потребность в оплачиваемых со стороны государства или местных органов власти социальных работниках.

В годы Первой мировой войны полный переход на обеспечение семей мобилизованных «законной» помощью был невозможен. И в Германии³², и в России государства не имели средств для полного перехода на безусловное обеспечение семей мобилизованных.

³¹ Армия Спасения: ее возникновение, распространение и цели. Пг., 1916. С. 38-39.

³² Geschichte der Sozialarbeit: Hauptlinien ihrer Entwicklung im 19. Und 20. Jahrhundert . Hrsg. v. R. Landwehr; R. Baron. Basel, 1995. S. 75.

Благотворительная деятельность добровольцев, кроме того, была более индивидуализированной и гибкой при решении вопросов оказания срочной гуманитарной помощи. Можно сказать, что в дореволюционный период существовала смешанная система внутренней гуманитарной помощи – государственно-общественная. В течение войны роль государства в организации и финансировании социальной помощи возросла (как через систему пайков, так и софинансированием деятельности благотворительных организаций). Местные органы власти не имели опыта организации гуманитарной помощи, поэтому роль бесплатной добровольческой помощи была необходимой. И все же стало очевидным, что социальная помощь должна быть организованной, профессиональной и оплачиваемой. В воюющих странах закладывались основы современной социальной политики. Исследователи говорят о возникновении социального государства (Wohlfahrtstaat) в Германии, создании основы системы советского социального обеспечения³³. Эволюция социальной помощи в направлении огосударствления в целом логично уменьшала сферу применения внутренней гуманитарной помощи в военное время.

³³ См.: *Reidegeld E.* Staatliche Sozialpolitik in Deutschland: Historische Entwicklung und theoretische Analyse von den Ursprüngen bis 1918. Opladen, 1996. S. 289; *Павлова И.П.*; *Катцина Т.А.* Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март-октябрь 1917 г.) // История государства и права. 2017. №8. С. 57.

Научное издание

ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИИ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ПОЛИТИЧЕСКИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ И ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТЫ

Материалы
Международного круглого стола
«Интернирование и депортации гражданского населения России
и Германии в годы Первой мировой войны (1914-1917)»
(17-18 октября 2019 г.)
и Международного круглого стола
«Гуманитарная помощь и гуманитарные организации
в России и Германии
в годы Первой мировой войны»
(26 ноября 2020 г.)

Оригинал-макет подготовлен
в Российско-германском учебно-научном центре РГГУ

Компьютерная верстка Е.В. Киктевой